

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

18 2026
ЧАСТЬ VIII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 18 (621) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Петр Леонидович Капица* (1894–1984), советский физик, инженер и инноватор.

Петр Леонидович Капица родился в Кронштадте в дворянской семье. Его отец отвечал за возведение кронштадтских крепостных сооружений и дослужился до чина генерал-майора, а мать была известным педагогом, знатоком русского фольклора.

С детства Петр проявлял смекалку в технических вопросах и интерес к мудреным конструкциям. В 1912 году 18-летний Петр Капица с отличием окончил реальное училище. Отсутствие гимназического аттестата закрыло ему доступ в университет, и он поступил в Политехнический институт.

Главную роль в формировании физических идей Петра Капицы сыграл профессор Абрам Иоффе. Он привлек способного ученика к работе в лаборатории, привил навыки исследовательской деятельности.

Студенческие годы Капицы совпали с переломными моментами в истории России. Первая мировая война застала Петра Леонидовича в Шотландии. Только в конце 1914 года он смог вернуться в Россию, чтобы тут же отправиться на фронт. В январе — марте 1915 года Капица служил под Варшавой в составе добровольного санитарного отряда в качестве водителя, но в апреле того же года вернулся в Петроград и продолжил учебу.

Летом 1916 года по семейным делам Капица совершил поездку в Китай и Японию. В том же году в печати появились первые публикации молодого ученого: «Инерция электронов в амперовых молекулярных токах» и «Приготовление волластоновских нитей». По методу Капицы их тут же изготовили для лаборатории Иоффе. В 1917–1918 годах Капица принимал деятельное участие в образовании физико-механического факультета при Политехническом институте и Физико-технического института (ФТИ) при Академии наук. Несмотря на тяготы Гражданской войны, в сентябре 1919 года молодой человек окончил институт и получил специальность инженера-электрика. Он устроился научным сотрудником в ФТИ и параллельно начал преподавать в родном институте.

В апреле 1921 года Петр Капица вошел в состав делегации, собранной для восстановления научных связей с Европой. Летом он прибыл в Лондон, посетил знаменитую Кавендишскую лабораторию. По просьбе Иоффе Капицу приняли туда стажером. С Кавендишской лабораторией связаны следующие 13 лет жизни Капицы. Первым лабораторным исследованием Капицы стало измерение потери энергии α -частицы в конце ее движения. Вскоре Петр Леонидович стал доктором философии Кембриджского университета, а также членом Тринити-колледжа. В то же время Академия наук СССР присвоила Капице степень доктора физико-математических наук и избрала его членом-корреспондентом.

В 1930 году ученый стал профессором-исследователем Лондонского королевского общества, специально для

него построили современную лабораторию. Аппараты Капицы по сжижению водорода и гелия заставили пересмотреть сами принципы сжижения газов в промышленности, в первую очередь кислорода. Основное направление научной деятельности Капицы в 1930-е годы — природа жидкого гелия. В результате экспериментов в пределах критических температур ему удалось обнаружить потерю вязкости и появление сверхтекучести гелия. Опираясь на эти данные, Лев Ландау впоследствии разработал квантовую теорию жидкого гелия.

В 1934 году Капица по традиции приехал на родину, чтобы прочесть курс лекций и повидать близких, однако вернуться в Лондон не смог: по личному распоряжению Сталина ученого решили не выпускать из страны. Спустя полгода ученый принял предложение советского правительства о сотрудничестве. Он согласился возглавить специально учрежденный под его исследования Институт физических проблем (ИФП), который и стал местом работы Капицы на многие десятилетия. Разработанные Капицей методы сжижения воздуха стали революционными в разделении воздуха на азот, кислород и инертные газы.

В январе 1939 года Капицу избрали действительным членом Академии наук СССР. Во время Великой Отечественной войны он входил в Научно-технический совет при Государственном комитете обороны.

В августе 1945 года Капица получил назначение в Спецкомитет по разработке атомной бомбы, но, не сработавшись с председателем комитета Берией, вскоре попросил освободить его от работы. Этот поступок вызвал недовольство Сталина. Петра Леонидовича освободили от должности директора ИФП, а в 1950 году уволили из МГУ.

Годы опалы Капица переживал на своей подмосковной даче на Николиной горе. Он организовал небольшую лабораторию из двух комнат, кухни и гаража, прозванную им и его коллегами «Избой физических проблем». Ученый разрабатывал мощные СВЧ-генераторы и с их помощью получал стабильный плазменный шнур. Физика плазмы и электроника больших мощностей оставались приоритетной темой исследований Капицы последующие три десятилетия.

В январе 1955 года Капицу восстановили в должности директора ИФП, и этот пост он занимал до самой смерти. В конце жизни заслуги Петра Леонидовича Капицы получили наивысшее признание в научном мире: в 1978 году ему присудили Нобелевскую премию по физике. В числе наград ученого — шесть орденов Ленина, Сталинская премия, Орден Трудового Красного Знамени.

22 марта 1984 года Капица почувствовал себя плохо, и его увезли в больницу, где диагностировали инсульт. 8 апреля, не приходя в сознание, Капица скончался. Похоронен ученый в Москве, на Новодевичьем кладбище.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Петричева В. П.

Правовой статус самозанятого гражданина в Российской Федерации..... 517

Пивоваров К. М., Махмудов М. К.

Внедрение систем искусственного интеллекта в деятельность органов прокуратуры: перспективы и правовые риски 520

Полтавских А. Ю.

Научные методы, реализуемые в ходе криминологического анализа преступлений, совершаемых несовершеннолетними 521

Потомский В. В.

Сущность, признаки и классификация административных наказаний в российском административном праве 524

Романовский В. И.

Правовой режим экспорта, импорта военной продукции: таможенное регулирование 527

Сафина Ю. К.

Причинение вреда здоровью в рамках спортивных соревнований как нетрадиционное обстоятельство, исключающее преступность деяния 530

Семенова Т. В.

Гражданско-правовые способы защиты прав авторов и патентообладателей..... 532

Смирных Е. А.

Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь как элемент механизма защиты прав обвиняемого 533

Трубников В. В.

Классификация цифровых прав: проблемы построения эффективной системы 535

Тюрикова В. В.

Направления совершенствования законодательства о банкротстве физических лиц в Российской Федерации..... 537

Унанян А. С.

Классификация преступлений в российском уголовном праве 539

Хвостова Е. А., Смирнова П. Ю.

Административно-процессуальные механизмы высылки иностранных граждан в Российской Федерации..... 542

Шелаева Л. А.

Брачный договор как способ защиты от кредитных рисков супруга: допустимые пределы и риски оспаривания 545

Эшмаматов Р. О.

Примечание к статье 126 УК РФ: баланс между стимулированием позитивного поведения преступника и защитой прав потерпевшего лица..... 547

ИСТОРИЯ

Бегишева А. С.

Удмуртская женщина XVII века: социокультурный аспект (на примере Каринской и Чепецкой земель) 550

Иконникова М. В.

Этническая пресса Таврической губернии 553

Першикова Е. М.

Театральная жизнь Севастополя в 1917–1920 гг. 556

ПОЛИТОЛОГИЯ

Алчинбаев М. М.

Референдум по Конституции Республики Казахстан как этап обновления политико-правовой системы 558

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Азанова В. А.

Психолингвистические особенности восприятия китайской иероглифической письменности носителями русского языка..... 560

Азизова А. Л.

Термины в научно-популярном фильме (на материале китайского языка) 562

Дун Синьнун

Жанр рассказа в китайской литературе
XXI века 563

Оттабеева Ш. Т.

Эмоциональная семантика фразеологии
в цифровом пространстве 566

Хайдарова В. Ш.

Художественно-символическое
значение образа лошади
в произведениях А. П. Чехова,
Ф. А. Абрамова и Ч. Т. Айтматова 568

Цецура Д. А.

Этимология юридической терминологии
в русском языке 571

Цецура Д. А.

Словообразование юридической
терминологии в узбекском языке 572

ФИЛОСОФИЯ

Bryazgunov M. A.

F. I. Tyutchev in dialogue with N. N. Strakhov
(publications and correspondence) 575

Кравцов Н. К.

Анализ сеанса чёрной магии
в романе М. А. Булгакова «Мастер
и Маргарита» через призму
перформативного искусства 578

Krasovskaya E. V., Dmitrienko N. A.

Algorithmic determinism: philosophical
foundations, problems, and new horizons 583

Leonova D. O.

Imagination as an ethical and aesthetic
activity in M. I. Vladislavlev's psychology 584

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовой статус самозанятого гражданина в Российской Федерации

Петричева Василина Павловна, студент

Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

В Российской Федерации институт самозанятости появился недавно. Вследствие этого появляются проблемы реализации их прав и обязанностей. В статье представлены предпосылки и этапы развития института самозанятости, понятийный аппарат в сфере правового статуса самозанятого гражданина в Российской Федерации. Научное исследование направлено на анализ правовых норм, регламентирующих деятельность самозанятых.

Ключевые слова: гражданин, налоговый режим, правовой статус, российское законодательство, самозанятые, самозанятость.

Legal status of a self-employed citizen in the Russian Federation

The institution of self-employment has only recently emerged in the Russian Federation. As a result, there are challenges in implementing their rights and obligations. This article explores the background and stages of the development of the institution of self-employment, as well as the conceptual framework for the legal status of self-employed individuals in the Russian Federation. The research focuses on analyzing the legal norms governing the activities of self-employed individuals.

Keywords: citizen, tax regime, legal status, Russian legislation, self-employed, self-employment.

Основной закон нашей страны провозглашает основные права человека в области труда. Исходя из правовой нормы, в частности статьи 37 Конституции Российской Федерации, следует, что труд свободен, а принудительный труд запрещен законом. Каждый вправе избирать профессию и деятельность, в которой человек желает реализовываться [1].

Исторически сложилось так, начиная с 90-х годов XX в., что многие граждане России осуществляют нелегальную трудовую деятельность. В результате подобных действий граждан, государство недополучает значительную сумму доходов в виде налогов. В этой связи, законодатели разработали и приняли правовые нормы, регулирующие правовой статус самозанятых граждан в Российской Федерации. Однако гражданское и налоговое право сталкивается с определенными трудностями в области регулирования правового статуса самозанятых граждан, что делает рассматриваемую тему исследования актуальной.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании понятийного аппарата и норм права российского законодательства, регламентирующих правовой статус самозанятых граждан. Для ее достижения необходимо решить научные задачи: 1) рассмотреть предпосылки и этапы развития института самозанятых; 2) изучить поня-

тийный аппарат, характеризующий правовой статус самозанятых граждан; 3) исследовать правовые нормы, которые регулируют правовой статус самозанятых граждан в России.

Представим последовательные решения поставленных научных задач.

Институт самозанятости, по мнению А. В. Виленского, возник в результате безработицы в 70-е гг. XX в. на Западе [2, с. 10]. В России, исследуемый институт стал реализовываться с 2019 г. Основная цель — легализация «теневое» сектора экономики. Предпосылки возникновения института самозанятости: легализация доходов и вывод из «тени» граждан, нелегально имеющих доход от своей деятельности, стремление к финансовой независимости, развитие цифровых технологий, необходимость простых налоговых режимов, экономическая стабильность.

Опираясь на исследования Л. К. Плюсниной [3, с. 235] представим основные этапы развития института самозанятых граждан в России:

— I этап (1991–1999 гг. XX в.): распад СССР и появление безработицы способствуют зачаткам становления и развития института самозанятости. В правовом поле принимается закон РФ «О занятости населения в РФ» 1991 г., который утратил законную силу и в данный мо-

мент действует нормативно-правовой акт о занятости населения России, принятый в 2023 г. [4];

— II этап (2000–2017 гг. XXI в.): развитие самозанятости в связи с ее легализацией и введение в действие Налогового кодекса РФ в 2000 г. [5];

— III этап (2018 г. по настоящее время): дальнейшее развитие института самозанятости осуществляется в связи с принятием федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в 2018 г. (Закон № 422-ФЗ) [6].

Институт самозанятости содержит понятийный аппарат. В него входят такие основные категории как «самозанятость», «самозанятый гражданин». Анализ литературных источников позволил нам выделить самозанятость как экспериментальный льготный налоговый режим, который действует в России до 31 декабря 2028 г. На наш взгляд, самозанятость следует понимать как средство получения гражданином для существования дохода за свой труд.

В научной литературе современные исследователи по-разному трактуют такое понятие как самозанятый гра-

жданин. М. Крицкая указывает, что самозанятый — это гражданин, который на законном основании и самостоятельно, без образования юридического лица и найма работников, ведет деятельность с уплатой налога на профессиональный доход (НПД) по ставке 4 % или 6 % посредством мобильного приложения «Мой налог» [7]. А. С. Бусел представляет самозанятых граждан, которые выполняют деятельность собственными силами, не имеющих отношения с работодателем, и не привлекают наемных работников [8]. Законодатель указывает, что самозанятый гражданин — это налогоплательщик, который уплачивают НПД. Закон к самозанятым относит физическое лицо или индивидуального предпринимателя, который осуществляет доходную деятельность на себя и уплачивает НПД в рамках специального налогового режима (Закон № 422-ФЗ). Анализ нормативно-правовых актов позволил утверждать, что прямое трактование понятия «самозанятый гражданин» отсутствует, только дается пояснение о гражданах, уплачиваемых НПД.

Статистические данные о количестве самозанятых граждан в Российской Федерации на 31 марта 2026 г. представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный режим» по состоянию на 31 марта 2026 г. [9]

Наименование субъекта Российской Федерации	Всего, чел	В том числе:	
		физические лица	индивидуальные предприниматели
Центральный федеральный округ	5 038 576	4 780 880	257 696
Северо-Западный федеральный округ	1 801 160	1 704 102	97 058
Южный федеральный округ	1 879 152	1 776 034	103 118
Северо-Кавказский федеральный округ	1 000 535	965 355	35 180
Приволжский федеральный округ	2 768 858	2 616 141	152 717
Уральский федеральный округ	1 305 980	1 241 179	64 801
Сибирский федеральный округ	1 678 582	1 593 370	85 212
Дальневосточный федеральный округ	634 486	600 706	33 780
Иные субъекты (Запорожская и Херсонская области, Донецкая и Луганская Народные Республики)	80 900	77 853	3 047
Итого по Российской Федерации	16 188 229	15 355 620	832 609

Статистические данные, представленные Федеральной налоговой службой РФ, о количестве граждан России, которые зарегистрированы в статусе самозанятых, по состоянию на 31 марта 2026 г., составило 16 188 229 чел. Наибольший удельный вес самозанятых в Центральном федеральном округе — 31,1 % от общей численности граждан данной категории. При этом, основная масса самозанятых — это физические лица (94,9 %). Следовательно, самозанятые граждане и их деятельность должна иметь правовой статус.

Правовой статус самозанятых — это установленное нормами права положение указанного субъекта в правовой системе, определяющее их права, обязанности

и ответственность. Исследование правового статуса самозанятых граждан в Российской Федерации позволили утверждать, что основным нормативно-правовых актом, который регулирует их деятельность — это Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Указанный правовой акт регламентирует общие положения самозанятых (ст. 2), порядок и условия начала и прекращения применения специального налогового режима (ст. 5), объект налогообложения (ст. 6), налоговую базу (ст. 8), налоговый период (ст. 9), налоговые ставки (ст. 10), налоговый вычет (ст. 12) и т. д. [6].

Важно отметить, что регистрация статуса самозанятого гражданина осуществляется на добровольной основе. Отечественное законодательство прописывает определенные условия для приобретения правового статуса плательщика НПД: самозанятый должен осуществлять деятельность, доходы от которой облагаются НПД; годовой доход самозанятого не должен превышать 2,4 млн. руб.; самозанятый не может иметь наемных работников. Таким образом, правовой статус самозанятых обладает особым набором прав и обязанностей.

Д. А. Полуян выделил следующие особенности правового статуса самозанятых граждан: действия самозанятых осуществляется только в пределах специального налогового режима; специфическая форма легитимности деятельности выражается в постановке на учет в качестве плательщика НПД; малые объемы деятельности самозанятых [10]. Можно согласиться с мнением О. В. Журкиной, что правовая сущность самозанятости определяется признаками: отсутствие работодателя и трудового договора, невозможность привлечения наемных работников, особый порядок налогообложения получаемых доходов [11, с. 160].

Анализ правового статуса самозанятых позволили выделить преимущества и ряд нерешенных проблем в правовом регулировании данной категории граждан. Закон

предоставляет самозанятым доступную процедуру регистрации через мобильное приложение «Мой налог», осуществлять деятельность без контрольно-кассовой техники. Однако в правовом регулировании самозанятости выявлены пробелы: отсутствие четкого разграничения между самозанятостью и предпринимательской деятельностью создает правовую неопределенность; существует проблема понятийного характера и социальной защищенности самозанятых. Автор статьи солидарен с позицией И. В. Ушанкова и А. А. Филипповой, что существуют законодательные и правоприменительные проблемы, связанные с определением правового положения самозанятых граждан [12, с. 114].

На основании вышеизложенного сделаем следующие выводы. Институт самозанятости — новое явление в отечественной правовой системе. Причина появления данного института — борьба с теневой экономикой. Институт самозанятости в России взял свое начало в 2019 г. В научном сообществе нет единого консенсуса на термин «самозанятый гражданин». Для решения правовой неопределенности необходимо четко прописать в законе понятие «самозанятый гражданин» с указанием признаков исследуемого правового статуса; создать правовой механизм социальной защищенности самозанятых граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (ред. 04.10.2022) // Российская газета. — 2022. — 06 октября.
2. Виленский, А. В. Российский институт самозанятости: развитие в контексте пространственных особенностей / А. В. Виленский // Вестник института экономики Российской академии наук. — 2023. — № 3. — С. 7–29.
3. Плюснина, Л. К. Становление и развитие законодательства о самозанятости в современной России / Л. К. Плюснина // Теория и практика общественного развития. — 2025. — № 12. — С. 233–242.
4. Федеральный закон от 12 декабря 2023 года № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (ред. 28.11.2025) // Российская газета. — 2023. — 18 декабря.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05 августа 2000 года № 117-ФЗ (ред. 25.04.2025) // Российская газета. — 2000. — 10 августа.
6. Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (ред. 28.11.2025) // Российская газета. — 2018. — 30 ноября.
7. Крицкая, М. На что рассчитывать самозанятым в 2026 году / М. Крицкая // Контур. — 2025. — 26 ноября. — URL: <https://kontur.ru/articles/4818> (дата обращения: 26.04.2026).
8. Бусел, А. С. Правовой статус самозанятых в предпринимательских отношениях / А. С. Бусел // Молодой ученый. — 2024. — № 38 (537). — С. 75–80. — URL: <https://moluch.ru/archive/537/117679> (дата обращения: 26.04.2026).
9. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный режим» // Федеральная налоговая служба Российской Федерации. — 2026. — 26 апреля. — URL: <https://ofd.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 26.04.2026).
10. Полуян, Д. А. Особенности правового регулирования деятельности самозанятых / Д. А. Полуян // Право и политика. — 2025. — № 4. — С. 42–56. — URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=73937 (дата обращения: 26.04.2026).
11. Журкина, О. В. Особенности правового статуса самозанятых по российскому законодательству / О. В. Журкина // Вопросы российского и международного права. — 2025. — № 5А. — Т. 15. — С. 159–164.
12. Ушанков, И. В. Статус самозанятого физического лица. Тенденции развития законодательства / И. В. Ушанков, А. А. Филиппова // Вестник Академии права и управления. — 2025. — № 3. — С. 110–115.

Внедрение систем искусственного интеллекта в деятельность органов прокуратуры: перспективы и правовые риски

Пивоваров Кирилл Максимович, студент;

Махмудов Мурад Камильевич, студент

Научный руководитель: Асташкина Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются перспективы и проблемы использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в надзорной деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Автор анализирует направления, в которых нейросети могут оптимизировать работу прокуроров, такие как обработка обращений граждан и антикоррупционная экспертиза нормативных актов. Особое внимание уделяется правовым и этическим рискам, связанным с делегированием полномочий алгоритмам.

Ключевые слова: прокуратура, искусственный интеллект, цифровизация права, нейросети, прокурорский надзор, антикоррупционная экспертиза, правовые риски.

Актуальность темы обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и необходимостью оптимизации работы государственного аппарата. В последние годы в России активно реализуется Национальная стратегия развития искусственного интеллекта [2]. Правоохранительные и надзорные органы традиционно считаются весьма консервативными структурами, однако растущий объем документооборота и необходимость оперативно реагировать на нарушения закона диктуют новые правила. Органы прокуратуры, ежедневно обрабатывающие тысячи обращений граждан и нормативно-правовых актов, объективно нуждаются во внедрении современных ИТ-решений.

На наш взгляд, внедрение систем на базе ИИ в деятельность органов прокуратуры целесообразно разделить на несколько ключевых направлений.

Во-первых, это автоматизация работы с обращениями граждан. Согласно статистике, ежегодно в органы прокуратуры поступают миллионы жалоб. Прокурорский работник тратит значительную часть рабочего времени на первичный анализ текста, определение его поднадзорности и маршрутизацию. Нейросетевые модели, обученные на обработке естественного языка (NLP), способны мгновенно анализировать суть обращения, определять отрасль права (уголовное, гражданское, трудовое) и предлагать проект ответа или постановления о перенаправлении жалобы в профильное ведомство (например, в Жилинспекцию или Роспотребнадзор). Это позволит снизить рутинную нагрузку на сотрудников.

Во-вторых, огромным потенциалом ИИ обладает в сфере антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (НПА) и их проектов. Согласно Федеральному закону «О прокуратуре РФ», прокуроры обязаны выявлять в документах коррупционные факторы [1]. Алгоритм может в автоматическом режиме сканировать базы данных (например, региональные реестры НПА) и подсвечивать для прокурора сомнительные формулировки: необоснованно широкие пределы усмотрения

чиновников, отсутствие четких административных процедур и так далее. Как справедливо отмечает Т. Я. Хабриева, цифровизация права неизбежно приведет к созданию «машиночитаемого права», где поиск коллизий будет осуществляться автоматически [5].

В-третьих, ИИ может применяться для предиктивной аналитики в сфере криминологии. Анализируя массивы данных о совершенных преступлениях, демографической ситуации и экономических показателях региона, ИИ способен прогнозировать всплески определенных видов правонарушений, что поможет прокуратуре грамотно планировать проверки и координировать деятельность правоохранительных органов.

Однако, несмотря на очевидные плюсы, процесс внедрения ИИ сталкивается с серьезными правовыми и техническими барьерами.

Главная проблема — это статус решения, сгенерированного ИИ. Кто несет ответственность за ошибку алгоритма? Если нейросеть ошибочно квалифицирует жалобу гражданина или не заметит коррупциогенный фактор в законе, ответственность все равно ляжет на должностное лицо, подписавшее документ. В юридической литературе этот феномен часто называют проблемой «черного ящика» — мы не всегда можем отследить логику, по которой нейросеть пришла к тому или иному выводу [3].

Кроме того, органы прокуратуры работают с информацией ограниченного доступа: персональными данными граждан, материалами уголовных дел, государственной тайной. Использование сторонних (особенно зарубежных) облачных сервисов для обработки таких данных категорически недопустимо. Требуется разработка отечественных, полностью изолированных программных комплексов, что требует колоссальных бюджетных затрат и времени [4].

Подводя итог, хочется отметить, что искусственный интеллект в прокуратуре не должен и не сможет заменить человека. Оценка доказательств, внутреннее убеждение прокурора и понимание принципов социальной справедливости недоступны алгоритму.

Тем не менее, ИИ способен стать мощным инструментом, эдаким «цифровым помощником», который возьмет на себя рутинную аналитическую работу. Для успешной реализации этой идеи необходимо не только

техническое оснащение ведомства, но и внесение изменений в процессуальное законодательство, которые четко закрепят статус и пределы использования автоматизированных систем в надзорной деятельности.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 25.12.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 41. — Ст. 5700.
3. Понкин, И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2018. — Т. 22, № 1. — С. 91–109.
4. Филипова, И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие / И. А. Филипова. — Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020. — 90 с.
5. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. — 2018. — № 9(261). — С. 5–16.

Научные методы, реализуемые в ходе криминологического анализа преступлений, совершаемых несовершеннолетними

Полтавских Анастасия Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

Статья посвящена изучению научных методов, используемых в криминологическом анализе преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Актуальность исследования объясняется устойчивым ухудшением ситуации в преступлениях, совершаемых несовершеннолетними, а также необходимостью рассмотрения научного инструментария, позволяющего выявить причины, условия и механизмы формирования противоправного поведения несовершеннолетних. Основная цель работы — выявить научные методы, реализуемые в криминологическом анализе преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Ключевые слова: метод, научные методы, методология, юриспруденция, свойства, особенности, преступность несовершеннолетних.

Введение

Изменения в обществе, влияние цифровой среды, рост девиантного поведения среди несовершеннолетних требуют более глубокого и системного анализа. Изучение научного инструментария, используемого в криминологическом анализе, позволяет выяснить и объяснить новые причины, условия и механизмы противоправного поведения подростков, а также позволяет находить закономерности преступного поведения и разрабатывать новые меры предупреждения.

Научные методы, реализуемые в ходе криминологического анализа

Криминологический анализ преступности несовершеннолетних является необходимой областью исследования, поскольку позволяет выявить основные причины,

условия, закономерности и механизмы девиантного поведения подростков. Методы, которые используются для криминологического анализа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также историю изучения этого социально-правового явления. Изучение данных фактов является важным для создания более эффективных мер предупреждения преступности несовершеннолетних.

Долгое время в российской правовой системе не уделялось должного внимания понятию детской и подростковой преступности. Считалось, что дети являются такими же субъектами преступлений и уголовного наказания, как и взрослые. Поэтому преступность несовершеннолетних как отдельная категория преступности не изучалась.

Несовершеннолетние подвергались таким же видам наказаний, что и взрослые, включая телесные наказания и смертную казнь. Лишь в 1763 году Указом Екатерины II

дети до 17 лет были изъяты из-под этой жестокой кары. Дальнейшее смягчение уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних в нашем отечестве произошло лишь 100 лет спустя в ходе начавшейся судебной реформы.

Несмотря на указанные преобразования, значительную либерализацию законодательства в отношении детей-правонарушителей период после отмены крепостного права связан с ростом детских и подростковых правонарушений, именно теперь феномен детской преступности перерастает в проблему преступности несовершеннолетних. И только теперь педагоги и юристы начинают активно изучать это явление, его причины и пути противодействия [1].

Криминологический анализ преступности несовершеннолетних включает статистические методы исследования, социологические методы, а также криминологическое моделирование. Эти подходы дополняют друг друга, позволяя получить всестороннее представление о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними.

Для сбора и анализа криминологической информации о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними, применяется статистический метод. Данный метод исследования состоит из трех этапов — наблюдение, группировка и сводка, анализ. Первый этап, так называемое статистическое наблюдение, заключается в сборе необходимой первичной информации посредством учета и регистрации сведений из статистических карточек и статистических отчетов, которые имеются в органах — УВД, прокуратуры, юстиции и суда, а также из материалов анкетирования, интервью, изучения уголовного дела и так далее. Второй этап состоит в сводке и группировке (классификации) всей информации, собранной из данных первичного учета. На этом этапе первичные данные систематизируются, подсчитывается их количество, после чего они группируются по различным признакам (например, по видам преступлений, по полу и возрасту), проводится подсчет по этим признакам и затем сводится воедино в статистический отчет, таблицу, схему, диаграмму. Статистический анализ — это завершающий и наиболее ответственный этап исследования. Он представляет собой процесс и результат сравнения, сопоставления, изучения полученных цифровых данных, их обобщения, установления и измерения взаимосвязей и закономерностей, характеризующих криминологически значимые явления и процессы. Например, статистика о количестве преступлений, совершенных несовершеннолетними, в регионе за последние 5 лет дает возможность выяснить растет ли уровень преступности среди подростков и факторы, связанные с этим.

Данный метод позволяет собрать и обобщить информацию о количественных характеристиках преступности несовершеннолетних, ее причинах и условиях, о личности несовершеннолетнего преступника. Эта информация позволит обнаружить закономерности, типические черты преступности несовершеннолетних. В результате

можно получить необходимые данные для разработки различных мер предупреждения подростковой преступности, для оценки эффективности действующей системы мер борьбы с ней.

Для изучения преступлений, совершаемых несовершеннолетними, используются социологические методы, как наблюдение, опрос, интервью, анализа документов, экспериментальный метод.

Различают невключенное (простое) наблюдение, наблюдение-участие и включенное наблюдение. В первом случае наблюдение ведется «извне» по отношению к среде, в которой имеют место изучаемые факты и явления. Во втором случае исследователь-наблюдатель участвует в какой-либо деятельности (например, в индивидуальной профилактической работе с подучетными подростками). Особое место занимает включенное наблюдение, заключающееся в том, что исследователь смешивается с группой и становится как бы одним из ее членов (то есть осуществляет взгляд на группу изнутри, с позиций рядового участника ее деятельности). Использование этого метода в криминологии связано с определенными сложностями, обусловленными спецификой внедрения в группу (например, несовершеннолетних нарушителей), определенным «кризисом терпения» со стороны объектов изучения (длительное присутствие исследователя в группе может вызвать негативное отношение к нему — гораздо труднее становится скрыть факты противоправного поведения).

Опрос является одним из самых распространенных методов исследования различных проблем общественной жизни. Цель его состоит в получении информации об объективных и субъективных факторах со слов опрашиваемых (респондентов). В криминологических исследованиях при помощи опроса изучаются, как правило, конкретные причины и условия преступности несовершеннолетних, личность несовершеннолетнего преступника и потерпевшего, эффективность применяемых органов, уровень правосознания различных социальных групп населения, их отношение к проблемам борьбы с преступностью и др. Например, опрос может показать, что подростки, проводящие много времени без контроля взрослых, чаще совершают преступления.

Интервьюирование используется несколько реже, нежели анкетирование, что вызвано большей трудоемкостью проведения интервью, необходимостью привлечения значительного количества обученных специалистов — интервьюеров.

Интервью имеет как свои достоинства, так и недостатки по сравнению с анкетированием. Достоинства заключаются, прежде всего, в том, что интервью дает возможность достичь более глубокого психологического контакта с несовершеннолетним респондентом, что, безусловно, сказывается на качестве получаемой информации (в первую очередь, ее надежности). В целом ряде случаев с помощью интервью можно получить ту информацию, которую невозможно собрать в ходе анкети-

рования — касающуюся негативных сторон жизни несовершеннолетнего преступника (например, характера противоправной деятельности, обстоятельств совершения преступления и пр.). Например, в ходе исследования причин краж среди подростков было проведено интервью с несовершеннолетним преступником. В процессе беседы установлено, что преступление было совершено под влиянием группы сверстников и при отсутствии должного контроля со стороны родителей. Подросток отметил, что ранее уже допускал мелкие правонарушения, не воспринимая их как серьёзные. Анализ интервью позволил выявить негативное влияние окружения, недостаток семейного контроля и искажённое представление о допустимости противоправного поведения. Метод интервьюирования позволяет определить глубинные социальные и психологические причины преступности несовершеннолетних.

Различного рода документы не только дают определенный объем важной информации о преступности несовершеннолетних, характеризующей те или иные стороны изучаемого, но и попутно позволяют судить об их составителях (язык документа, стиль изложения и так далее). К документам относят различную письменную и графическую документацию, а также звуковые, визуальные и аудиовизуальные источники. Например, было изучено уголовное дело несовершеннолетнего, совершившего грабёж, а также его школьная характеристика и материалы комиссии по делам несовершеннолетних. Анализ показал, что подросток состоял на учёте, имел низкую успеваемость, пропускал занятия и воспитывался в неблагополучной семье. Таким образом, анализ документов позволил выявить факторы риска, а именно семейное неблагополучие, проблемы в школе и ранее проявлявшееся девиантное поведение.

Экспериментальный метод предполагает изучение ситуации, которая возникает в результате изменения определенных условий при сохранении прочих. Экспериментом является также настоящее или последующее изменение многих условий, поскольку мы можем контролировать (оценивать) воздействие этих изменений. Затем изучаются проявления этих изменений в ходе развития событий и процессов. Естественно, если не происходит никаких изменений, значит, данные условия не влияют на течение процесса. Например, часть несовершеннолетних, состоящих на учете, были включены в экспериментальную программу, а именно им предоставили бесплатное занятие в кружках, спортивных секциях, применялись тренинги по самоконтролю, ролевые игры, регулярная работа с психологом и социальным педагогом, а также предоставили временную подработку на летние каникулы. Другая группа подростков таких возможностей не получила и оставалась в обычных условиях. По итогам нескольких месяцев в экспериментальной группе несовершеннолетние сменили круг общения, чаще были вовлечены в организованные формы досуга и не были замечены на совершении повторных противоправных дей-

ствий. Другая же часть подростков продолжила демонстрировать прежние модели поведения. Таким образом экспериментальный метод позволил изучить различные профилактические меры противодействия преступности несовершеннолетних и выявить их эффективность.

Являясь методом научного познания, моделирование активно применяется при организации, планировании, совершенствовании конкретных видов деятельности и предполагает построение системы элементов, воспроизводящих определенные стороны, связи, функции предмета исследования [5]. Например, исследовании групповых краж несовершеннолетними определяется цель, а именно выявить причины вовлечения в преступление и спрогнозировать риск его рецидива. Далее собираются данные (уголовные дела, статистика, опросы), на основе которых выделяются факторы: семейное неблагополучие, влияние группы сверстников, личностные особенности и др. Затем формируется модель, в которой вероятность совершения преступления рассматривается как результат совокупного влияния этих факторов. После проверки модели на практике она используется для прогнозирования и профилактики, т. е. выявляются группы риска, оценивается вероятность рецидива, разрабатываются меры предупреждения (усиление контроля в семье, работа с подростковыми группами). Таким образом, моделирование позволяет перейти от описания преступности несовершеннолетних к её объяснению и прогнозированию.

Заключение

Таким образом, научные методы, используемые в ходе криминологического анализа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, позволяет сделать вывод о том, что изучение данного вида преступности требует комплексного подхода. Так, статистические методы позволяют получить количественную характеристику преступности несовершеннолетних, выявить её динамику, структуру и региональные особенности. Они дают объективную основу для анализа и позволяют фиксировать изменения уровня подростковой преступности во времени, а также определять наиболее распространённые виды правонарушений.

Социологические методы, а именно наблюдение, опрос, интервью, анализ документов обеспечивают получение качественной информации, раскрывающей социальные и психологические причины противоправного поведения несовершеннолетних. Их применение позволяет выявить особенности семейного воспитания, влияние ближайшего окружения, их отношение к нормам права. Особенно важным является применение интервью и анализа документов, т. к. они позволяют понять мотивацию преступного поведения и выявить скрытые факторы риска.

Экспериментальные методы дают возможность оценивать эффективность профилактических мер, направленных на снижение уровня преступности среди несовершеннолетних. Сравнение экспериментальных

и контрольных групп позволяет выявить реальные изменения в поведении подростков и определить наиболее действенные формы профилактического воздействия.

Метод криминологического моделирования позволяет не только описывать, но и объяснять и прогнозировать преступное поведение несовершеннолетних. Построение моделей, учитывающих совокупность социальных и пси-

хологических факторов, способствует выявлению групп риска и разработке эффективных мер предупреждения преступности.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что эффективность криминологического анализа преступлений несовершеннолетних напрямую зависит от комплексного использования различных научных методов.

Литература:

1. Грудинин, Н. С. Преступность женщин и несовершеннолетних в России: история и современное состояние: монография / Н. С. Грудинин. — Москва: Проспект, 2022. — 124 с.
2. Криминология и предупреждение преступлений: преступность несовершеннолетних / под редакцией А. В. Ростокинского, Р. С. Данелян. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 220 с.
3. Криминология: учебник / В. Д. Малков. — М: Юнити-Дана, 2022. — 166 с.
4. Писаревская, Е. А. Криминология: учебное пособие / Е. А. Писаревская, М. А. Дворжицкая. — Казань: Бук, 2023. — 94 с.
5. Сачек А. Г. Стадии и значение криминологического моделирования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stadii-i-znachenie-kriminologicheskogo-modelirovaniya> (дата обращения: 22.04.2026).
6. Шиханцов, Г. Г. Криминология: учеб. пособие / Г. Г. Шиханцов. — Минск: Тесей, 2006. — 296 с.

Сущность, признаки и классификация административных наказаний в российском административном праве

Потомский Вадим Владимирович, студент магистратуры
Московская академия предпринимательства (г. Москва)

В статье рассматривается институт административных наказаний в качестве особого инструмента поддержания правопорядка в системе мер государственного принуждения. Автор анализирует законодательное определение и ключевые цели административного наказания, закрепленные в КоАП РФ. На основе анализа научной литературы и норм права выделяются ключевые признаки наказаний, позволяющие отграничивать их от иных мер государственного воздействия.

Ключевые слова: административное наказание, цели наказания, государственное принуждение, признаки наказания, предупреждение, административный штраф, классификация наказаний.

Essence, characteristics and classification of administrative punishments in Russian administrative law

The article examines the institution of administrative punishments as a specific tool for maintaining law and order within the system of state coercion measures. The author analyzes the legal definition and key objectives of administrative punishment established in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Based on the analysis of academic literature and legal norms, the key characteristics of punishments are identified, allowing them to be distinguished from other measures of state influence.

Keywords: administrative punishment, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, goals of punishment, state coercion, characteristics of punishment, warning, administrative fine, classification of punishments.

В системе мер государственного принуждения административные наказания занимают особое место, выступая одним из главных инструментов поддержания правопорядка и профилактики правонарушений в повседневной жизни общества. Данные меры воздействия реа-

лизуются в отношении как граждан, так и организаций за деяния, которые характеризуются меньшим уровнем общественной угрозы по сравнению с уголовными преступлениями, однако обуславливают необходимость незамедлительного и адекватного государственного вме-

шательства. Специфика административных санкций заключается в их превентивной направленности и вариативности применения, что дает возможность оперативно нивелировать последствия правонарушений и культивировать в социуме уважение к правовым нормам.

Исходя из положений ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ, рассматриваемая категория наказаний выступает официально регламентированной государством мерой ответственности за совершение противоправных проступков в административной сфере. При этом ключевой задачей данной санкции является исключительно превенция — недопущение совершения аналогичных деяний в будущем как самим виновным субъектом, так и иными лицами [1]. Немаловажным аспектом выступает прямой законодательный запрет на то, чтобы применение таких мер сопровождалось причинением физической боли, умалением человеческой чести и достоинства либо нанесением ущерба деловой репутации юридических лиц (согласно ч. 2 ст. 3.1 КоАП РФ). Эта норма отражает гуманистический подход современного административного права и отличает административные санкции от мер, преследующих исключительно карательные цели.

В научной литературе понятие административного наказания трактуется как реакция государства на противоправное поведение, выражающаяся в ограничении прав и свобод нарушителя. Так, Д. А. Липинский отмечает, что «административное наказание — это не просто санкция, а комплексный инструмент, сочетающий элементы кары, воспитания и восстановления нарушенного правопорядка. Автор предлагает даже расширить формулировку статьи 3.1 КоАП РФ, включив в цели наказания восстановление общественных отношений и воспитание правонарушителей» [8]. Аналогичной позиции придерживается А. А. Скачкова, которая разграничивает признаки административного наказания и административной ответственности в целом, подчеркивая профилактическую направленность первой [4].

Ключевыми признаками административного наказания выступают: государственный характер (устанавливается только федеральным законом); применение исключительно за административное правонарушение; индивидуальный характер (назначается конкретному лицу); наличие неблагоприятных последствий для правонарушителя (ограничение прав, имущественные потери и т. д.); процессуальный порядок назначения через уполномоченные органы или суд. Эти черты позволяют четко отграничивать административные наказания от дисциплинарных взысканий, мер административного пресечения или гражданско-правовых санкций.

Базовые постулаты, регламентирующие институт административных наказаний, систематизированы в рамках третьей главы КоАП РФ. Законодатель закрепил в статье 3.2 кодекса закрытый (исчерпывающий) перечень допустимых санкций, расширение которого допускается исключительно посредством принятия новых федеральных законов, что исключает введение дополнительных мер на

иных уровнях нормотворчества. На сегодняшний день в системе насчитывается десять основных видов, каждый из которых обладает своими особенностями применения и целями.

В качестве стартовой и наименее строгой меры воздействия выступает **предупреждение**. Оно представляет собой формализованное в письменном виде государственное порицание, адресуемое виновному субъекту (физическому либо юридическому лицу). Традиционно данная санкция применяется в ситуациях первичного совершения малозначительных деяний, не повлекших за собой негативных последствий. Хотя вынесение предупреждения не сопряжено с серьезными юридическими ограничениями, его наличие формирует правовую базу для применения более жестких санкций в случае рецидива.

В свою очередь, **административный штраф** уверенно сохраняет статус наиболее часто применяемой меры наказания. Сущность данной санкции сводится к имущественному обременению в виде взыскания денежных средств. Законодателем предусмотрена возможность исчисления штрафа как в твердой фиксированной сумме, так и в виде величины, кратной определенным показателям (от стоимости предмета правонарушения, суммы неуплаченных налогов и т. п.). Штраф выполняет одновременно карательную и восстановительную функции, поскольку средства поступают в бюджет.

Под **конфискацией орудия совершения или предмета административного правонарушения** понимается санкционированное судом принудительное и безвозмездное обращение в доход государства имущества, которое выступало непосредственным инструментом или объектом противоправного посягательства. Назначение данной меры относится к исключительной прерогативе судебных инстанций, при этом в рамках некоторых составов ее применение в роли факультативного наказания не допускается.

Что касается **лишения специального права** (к примеру, права на управление транспортными средствами), то данная мера реализуется в ответ на грубые проступки в соответствующих отраслях. Период действия такого ограничения способен достигать нескольких лет, что критически сужает возможности нарушителя в его профессиональной или бытовой деятельности.

Одним из наиболее суровых вариантов государственного реагирования признается **административный арест**, предполагающий кратковременную изоляцию от общества (максимум до 30 суток). Полномочиями по его назначению наделен исключительно суд, а сама мера применяется только к гражданам за проступки повышенной степени тяжести (такие как мелкое хулиганство, игнорирование требований режима контртеррористической операции и т. д.).

Процедура **административного выдворения** за пределы РФ актуальна только для иностранных граждан и лиц, не имеющих подданства. Данная мера, нередко сопряженная с установлением запрета на последующий

въезд в страну, может реализовываться как по факту совершения деяния, так и в рамках профилактической работы.

Дисквалификация выражается во временном запрете для лица (на период до трех лет) занимать руководящие должности или вести строго оговоренные виды деятельности. Целевой аудиторией данного наказания выступают преимущественно должностные лица, а также субъекты индивидуального предпринимательства.

Административное приостановление деятельности — временное прекращение работы предприятия или его отдельных подразделений (до 90 суток). Используется в сферах, связанных с безопасностью (экология, пожарный надзор, санитария).

Обязательные работы — относительно новый вид, введённый в 2012 году. Лицо бесплатно выполняет общественно полезные работы в свободное от основной деятельности время (до 200 часов). Этот вид сочетает элементы кары и воспитания.

Наконец, **административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований** в дни их проведения введён для борьбы с фанатским насилием и направлен на обеспечение общественной безопасности на массовых мероприятиях.

Систематизация административных наказаний осуществляется по целому ряду оснований. В зависимости от юридического статуса они дифференцируются на основные (к числу которых относятся штрафные взыскания, предупреждения, обязательные работы, арест и др.) и дополнительные (включая выдворение, конфискацию, запрет на посещение спортивных мероприятий). Последняя категория может реализовываться исключительно в каче-

стве дополнения к основному наказанию, что прямо закреплено в ст. 3.3 КоАП РФ. Если рассматривать санкции через призму субъекта юрисдикции, то выделяют меры, находящиеся в исключительной компетенции судебных органов, и те, право наложения которых делегировано должностным лицам исполнительной ветви власти. Кроме того, возможна классификация по характеру правоограничений: имущественные (штраф, конфискация), организационные (дисквалификация, приостановление деятельности), личные (арест, выдворение).

Как справедливо отмечает Д. Н. Бахрах, «существующая система административных наказаний образует единую совокупность карательных санкций, системообразующие признаки которой чётко закреплёны в КоАП РФ» [6]. В то же время К. С. Кароян подчёркивает необходимость дальнейшего совершенствования классификации с учётом степени общественной опасности деяний и индивидуальных особенностей правонарушителя [7]. Современные исследователи (Д. В. Федорченко, Г. М. Мусаева) обращают внимание на тенденцию к расширению видов наказаний и увеличению размеров штрафов, что, с одной стороны, усиливает превентивный эффект, а с другой — требует строгого соблюдения принципа соразмерности [2; 5].

Таким образом, административные наказания представляют собой динамично развивающийся институт административного права, который сочетает в себе карательные, профилактические и воспитательные функции. Грамотное понимание их сущности, признаков и системы видов позволяет не только правильно применять нормы КоАП РФ на практике, но и совершенствовать законодательство с целью достижения баланса между интересами государства, общества и отдельной личности.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: текст с изменениями и дополнениями на 01.04.2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Федорченко Д. В. Административные наказания: понятие, виды и порядок применения [Электронный ресурс] // CyberLeninka. — 2021. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnye-nakazaniya-ponyatie-vidy-i-poryadok-primeneniya> (дата обращения: 01.04.2026).
3. Цечоев Х. И. Понятие и виды административного наказания [Электронный ресурс] // CyberLeninka. — 2008. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-administrativnogo-nakazaniya> (дата обращения: 01.04.2026).
4. Скачкова А. А. Понятие и цели административного наказания [Электронный ресурс] // CyberLeninka. — 2024. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-tseli-administrativnogo-nakazaniya> (дата обращения: 01.04.2026).
5. Мусаева Г. М. Административное наказание: понятие и его цели [Электронный ресурс] // CyberLeninka. — 2018. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-nakazanie-ponyatie-i-ego-tseli> (дата обращения: 01.04.2026).
6. Бахрах Д. Н. Вопросы системы административных наказаний [Электронный ресурс] // CyberLeninka. — 2009. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-sistemy-administrativnyh-nakazaniy> (дата обращения: 01.04.2026).
7. Кароян К. С. Классификация административных наказаний [Электронный ресурс] // CyberLeninka. — 2022. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-administrativnyh-nakazaniy> (дата обращения: 01.04.2026).
8. Липинский Д. А. Понятие административного наказания [Электронный ресурс] // CyberLeninka. — 2017. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-administrativnogo-nakazaniya> (дата обращения: 01.04.2026).
9. Бойченко А. С. Административные наказания: современное состояние, проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // CyberLeninka. — 2025. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnye-nakazaniya-sovremennoe-sostoyanie-problemy-perspektivy> (дата обращения: 01.04.2026).

Правовой режим экспорта, импорта военной продукции: таможенное регулирование

Романовский Владислав Игоревич, студент

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В данной статье рассматриваются правовые аспекты экспорта и импорта военной продукции, уделяется при этом особое внимание таможенному регулированию. Анализируются международные и национальные нормы, лицензирование, разрешительный порядок, а также особенности таможенных процедур для данной категории товаров. Обсуждаются вопросы контроля и ответственности за нарушение законодательства.

Ключевые слова: военная продукция, импорт, таможенное регулирование, экспорт, правовой режим, разрешительный порядок, контроль.

Legal regime of export, import of military products: customs regulation

Romanovsky Vladislav Igorevich, student

Crimean Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Simferopol)

This article examines the legal aspects of the export and import of military products, while paying special attention to customs regulation. The article analyzes international and national standards, licensing, licensing procedures, as well as the specifics of customs procedures for this category of goods. Issues of control and liability for violations of the law are discussed.

Keywords: military products, import, customs regulation, export, legal regime, licensing procedure, control.

Одной из наиболее важных сфер международных отношений, требующей строгого правового регулирования является экспорт и импорт продукции военного назначения. Это связано прежде всего с потенциальным влиянием таких поставок на национальную безопасность, региональную стабильность и международный мир. Таможенное регулирование играет ключевую роль в обеспечении законности и прозрачности трансграничного оборота военной продукции, служа инструментом контроля за ее перемещением через государственные границы, предотвращения незаконных поставок и соблюдения международных обязательств.

В настоящее время, как отмечает В. Р. Бодак, «повышены требования к порядку ввоза и вывоза продукции военного назначения и в следствии этого возросло количество вопросов, связанных с таможенным контролем данной продукции» [4].

В статье 1 Федерального закона от 19.07.1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» указано, что к продукции военного назначения относится «вооружение, военная техника, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность) и информация в военно-технической области и т. д.» [10].

Российская Федерация активно участвует в мировом рынке вооружений, экспортируя широкий спектр продукции военного назначения. Среди ключевых направлений поставок выделяются летательные аппараты, как гражданского, так и военного назначения. Эти товары классифицируются в группе 88 Товарной номенклатуры

внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД), которая охватывает воздушные, космические летательные аппараты и их части. Помимо авиационной техники, значительную долю российского экспорта составляют морские и сухопутные боевые системы.

Военные корабли и суда, а также различные виды бронетехники, включая танки и боевые машины, попадают под регулирование группы 87 ТН ВЭД, обозначающей «Средства наземного транспорта», и группы 89 ТН ВЭД, охватывающей «Суда, лодки и плавучие конструкции».

Важным сегментом экспорта является также стрелковое оружие, артиллерийские системы, ракеты и боеприпасы. Эти товары кодифицируются в группе 93 ТН ВЭД, которая включает «Оружие и боеприпасы; их части и принадлежности». Также в контексте экспорта высокотехнологичной продукции, охватываемой внешнеэкономической деятельностью, следует упомянуть и поставки, связанные с ядерными материалами.

На современном этапе Федеральная таможенная служба обозначила правила, согласно которым может осуществляться ввоз на таможенную территорию Российской Федерации или вывоз с нее гражданского оружия, а также его составных частей и патронов к нему.

Перемещение гражданского оружия через таможенную границу Российской Федерации сопряжено с особыми требованиями. Для осуществления такого экспорта или импорта необходимо наличие разрешительного документа, выдаваемого Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации.

Сам процесс таможенного оформления гражданского оружия и его составных частей, таких как стволы или затворы, осуществляется с обязательным таможенным де-

кларированием. При этом используются пассажирские таможенные декларации (ПТД). Особое внимание уделяется условиям транспортировки: гражданское оружие должно перевозиться исключительно в специализированной упаковке, такой как чехлы, кобуры или специализированные футляры. Важно отметить, что для физических лиц ввоз в Россию и вывоз из нее стрелкового оружия военного назначения, а также комплектующих к нему, категорически запрещен [7].

Однако не смотря на существующие меры контроля и, как отмечается, снижение объемов официального экспорта продукции военного назначения, Федеральная таможенная служба фиксирует тревожную тенденцию. То есть прослеживается рост преступлений, связанных с нелегальным оборотом и контрабандой военного оружия. Ка следствие это подчеркивает актуальность и необходимость постоянного совершенствования механизмов таможенного регулирования и правоприменительной практики с целью противодействия незаконному перемещению вооружений.

Так в 2024 году в целом по России отмечалась тенденция к снижению общего числа уголовных дел о контрабанде, включая контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов (к которым относится и продукция военного назначения).

Однако в отдельных случаях фиксировались резонансные случаи. Например, «в декабре 2024 года Федеральная таможенная служба сообщила о пресечении канала контрабанды продукции военного назначения в США и страны ЕС. Было перехвачено 20 международных почтовых отправок с прицепами для снайперских винтовок, автоматами, гранатомётами, средствами бронезащиты и военной амуницией» [6].

За 9 месяцев 2025 года по статье 226.1 УК РФ (контрабанда, включая вооружение и военную технику) было возбуждено 776 уголовных дел. Это больше, чем за аналогичный период 2024 года, когда было возбуждено 651 такое дело.

Далее детально остановимся на обосновании правового режима экспорта, импорта военной продукции, то есть его таможенного регулирования.

Государство реализует абсолютную монополию на деятельность, связанную с военно-техническим сотрудничеством, устанавливая для экспорта и импорта продукции военного назначения строгий разрешительный порядок. Центральным элементом этой системы регулирования выступает лицензирование, которое является одним из основных инструментов государственного контроля. Ключевые аспекты данного регулирования включают: формирование перечней; лицензирование; право на внешнеторговую деятельность [9].

Президент Российской Федерации, по представлению Правительства, утверждает два важнейших списка: перечень военной продукции, разрешенной к передаче иностранным заказчикам, и список государств, которым разрешена такая передача. Вывоз продукции, не включенной

в эти утвержденные списки, допускается исключительно на основании решений главы государства, за исключением случаев временного вывоза для целей демонстрации или участия в выставках.

В свою очередь выдачей лицензий на ввоз и вывоз военной продукции занимается уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, ответственный за контроль в сфере военно-технического сотрудничества, таким органом является Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству. Лицензирование реализуется по определенной процедуре, которая начинается с рассмотрения заявок и завершается принятием решения в установленный срок, не превышающий одного месяца.

Следует отметить, что право осуществлять внешне-торговую деятельность в отношении продукции военного назначения предоставляется только российским организациям, получившим соответствующее разрешение. Таковыми организациями выступают организации-разработчики и производители, чьи пакеты акций или долей более чем на 51 % принадлежат федеральной собственности. А оставшаяся часть находится в собственности российских физических и юридических лиц. К управляющим компаниям предъявляются такие же требования. Российским физическим лицам, а также организациям, не имеющим необходимого права на занятие внешнеторговой деятельности, запрещено заниматься такой деятельностью [8].

Таможенное регулирование процесса трансграничного перемещения военной продукции охватывает следующие аспекты: контроль и идентификация; особые процедуры; декларирование; скрытое хранение документов.

Таможенные органы осуществляют строгий контроль за соблюдением установленного порядка перемещения такой продукции через таможенную границу. Используется специальный классификатор продукции военного назначения для точной идентификации товаров, разрешенных к вывозу.

В процессе таможенного регулирования процесса трансграничного перемещения военной продукции применяются специальные процедуры таможенного оформления и контроля, которые могут включать обязательный выборочный досмотр, учитывающий особенности заводской упаковки товаров.

При оформлении грузовой таможенной декларации в графе 31 («Грузовые места и описание товаров»), перед непосредственным описанием товара, проставляется категория продукции военного назначения, указанная в действующей лицензии.

Сами лицензии, грузовые таможенные декларации и прилагаемые к ним документы для таможенных органов имеют статус документов для служебного пользования и хранятся в особом порядке [3].

Юридическое лицо, получившее лицензию от Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству России, обязано представить ее оригинал в соответствующий таможенный орган минимум за три рабочих дня до

подачи таможенной декларации. Одновременно подается заявление о постановке лицензии на контроль, в котором указываются: наименование таможен, данные владельца лицензии, номер, дата и срок действия лицензии, направление перемещения продукции, страна отправителя (при импорте) или получателя (при экспорте), а также наименование и количество продукции военного назначения согласно лицензии.

Как отмечает А. Н. Гардюк таможенные органы производят сверку данных, проверяют подлинность подписи и печати на лицензии. В случае выявления нарушений применяются меры, предусмотренные международными договорами, актами ЕАЭС и законодательством о таможенном регулировании [5].

Президент Российской Федерации вправе вводить запреты или ограничения на вывоз военной продукции в отдельные страны, исходя из национальных интересов или в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН. Государственный контроль за деятельностью в области военно-технического сотрудничества осуществляют различные органы государственной власти РФ в рамках своих полномочий. Также запрещается передача иностранным заказчикам результатов интеллектуальной деятельности без четкого определения условий их использования и правовой охраны [2].

В настоящее время результативность борьбы с незаконным перемещением оружия и товаров военного назначения зависит в первую очередь от результатов деятельности и взаимодействия правоохранительных органов. Д. Н. Афонин в своем научном труде отмечает: «Немаловажным в процессе борьбы с незаконным перемещением оружия и товаров военного назначения является перестройка действующей системы и устранение имеющихся недостатков для создания более эффективной и современной системы по борьбе с преступлениями, связанными с нелегальным ввозом или вывозом военной

техники и оружия. Важным шагом будет налаживание взаимодействия с федеральной службой войск национальной гвардии, так как именно эта государственная структура наделена полномочиями по выдаче лицензий и разрешительных документов гражданам на владение оружием» [1].

Для максимально оперативного пресечения и выявления незаконного распространения оружия на территории государства ключевым мероприятием является своевременное постановление на учет правоохранительными органами каждой единицы оружия, которая была похищена, утрачена или потеряна. Этот процесс позволяет создать единую, актуальную базу данных об оружии, вышедшем из-под легального контроля. Быстрое внесение информации о каждой такой единице в систему дает возможность правоохранительным органам оперативно реагировать на потенциальные угрозы, отслеживать перемещение оружия и предотвращать его попадание в руки преступников, тем самым снижая общий уровень криминальной активности, связанной с незаконным оборотом огнестрельного оружия.

Таким образом, можно сказать, что правовой режим, регулирующий экспорт и импорт военной продукции, представляет собой сложную и строго регламентированную систему, призванную обеспечить национальную безопасность, соблюдение международных договоров и строгих таможенных правил. Данный правовой режим включает в себя комплексные правовые нормы, процедуры лицензирования и механизмы контроля, направленные на предотвращение несанкционированного оборота, распространения оружия и нарушения эмбарго. Следует отметить, что эффективное таможенное регулирование в этой сфере необходимо для поддержания глобальной стабильности, защиты государственных интересов и обеспечения того, чтобы военная продукция перемещалась только в соответствии с национальным и международным законодательством.

Литература:

1. Афонин Д. Н. Таможенный контроль оружия и товаров военного назначения: Учебник. — Екатеринбург: Общество с ограниченной ответственностью «Издательские решения», 2024. 152 с.
2. Ахмедзянов Р. Р. Совершенствования таможенного администрирования в условиях функционирования ЕАЭС // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 35 (3). С. 58–62.
3. Багдасарян И. А. Таможенное регулирование перемещения воинских грузов и продукции военного назначения в евразийском экономическом союзе // Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 3. С. 40–46.
4. Бодак В. Р. Контроль за ввозом и вывозом продукции военного назначения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10–3. С. 17–19.
5. Гардюк А. Н. К вопросу об обеспечении безопасности воинских перевозок в мирное и военное время // Специальная техника и технологии транспорта: сборник научных статей. СПб., 2020. С. 54–60.
6. Геращенко В. А. Контрабанда как угроза национальной безопасности России // Молодой ученый. 2024. № 19. С. 478–481.
7. Особенности перемещения продукции военного назначения / Е. М. Борисова, Н. Т. Касьянова, Н. В. Матвеева, Е. С. Тумашева // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2021. № 3 (79). С. 21–28.
8. Пермякова Э. Ш. Правовое регулирование внешней торговли продукцией военно-технического назначения в Российской Федерации как необходимая мера обеспечения национальной безопасности // ВЭПС. 2017. № 4. С. 184–188.

9. Сувернева В. А. Актуальные проблемы борьбы с незаконным оборотом оружия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. № 102 (61). С. 241–245.
10. Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами».

Причинение вреда здоровью в рамках спортивных соревнований как нетрадиционное обстоятельство, исключающее преступность деяния

Сафина Юлия Константиновна, студент

Научный руководитель: Красущих Лидия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена исследованию уголовно-правовой природы причинения вреда здоровью в ходе спортивных соревнований. Автором произведен анализ существующих в доктрине подходов к обоснованию правомерности такого вреда, включая концепции обоснованного риска, согласия потерпевшего и отсутствия противоправности. Обосновывается вывод о необходимости признания причинения вреда в спорте в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния, и предлагается редакция соответствующей нормы.

Ключевые слова: спортивные соревнования, причинение вреда здоровью, обоснованный риск, согласие потерпевшего, добровольное согласие на риск.

Действующее уголовное законодательство РФ не предусматривает ответственности за нарушение правил поведения спортивных мероприятий, повлекшее причинение вреда их участникам. В рамках уголовного права вопрос о привлечении спортсменов к уголовной ответственности за причинение вреда здоровью или смерти во время спортивных мероприятий остается дискуссионным.

Профессия спортсмена предполагает возможность получения различных травм во время состязаний. Такому риску подвергаются боксеры, борцы, хоккеисты, футболисты и представители иных видов спорта. И данный риск связывают с обоснованным.

Обоснованный риск — это одно из обстоятельств, исключающих преступность деяния, закреплённое в ст. 41 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Данный риск должен отвечать следующим критериям:

1. Достижение общественно полезной цели;
2. Невозможность достижения цели обычными (традиционными, не связанными с риском) способами;
3. Принятие достаточных мер для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам;
4. Не должен быть заведомо сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия [1, Ст. 41].

Самым важным условием обоснованного риска является, несомненно, достижение общественно полезной цели. Интеллектуальное и физическое развитие способностей человека согласно п. 26 ст. 2 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и составляют общественно полезную цель занятий спортом [2, ст. 2].

Почему в случае, когда спортсмен на соревнованиях наносит умышленный вред здоровью оппоненту, то его привлекают к спортивной, а не уголовной ответственности?

В российской литературе существует две точки зрения на данную проблему: одни считают, что спортсмены не должны привлекаться к уголовной ответственности, другие — настаивают на том, что спортсмены должны нести уголовную ответственность за причинение вреда здоровью или смерти.

Сторонники позиции, считающие, что спортсмены не должны привлекаться к уголовной ответственности, так как они осознанно соглашаются на риск причинения вреда, аргументируют свою точку зрения тем, что спортивные мероприятия разрешены законом, и спортсмены добровольно принимают в них участие. Как пишет Марина Буянова, «травмы, которые спортсмены получают, участвуя в спортивных мероприятиях, не рассматриваются как уголовно наказуемые деяния. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью в ходе проведения спортивного соревнования не возникает «в силу общественной полезности совершаемого действия». Причинение вреда здоровью другого человека в процессе спортивных состязаний не является преступлением, так как относится к сфере профессионального риска» [3, с. 22]. Но как отмечает Медведев А. А., «однако в случае, так называемых, «подпольных, нелегальных» спортивных соревнований это положение не может применяться, поскольку участники таких соревнований де-юре не являются спортсменами и эти нелегальные соревнования запрещены законом» [4, с. 400]. Принимая во внимание вышесказанное, я разделяю представленную точку зрения и прихожу к следующему заключению: уголовная ответственность за вред, причинённый в рамках официальных спортивных соревнований или тренировочного процесса при соблюдении установленных правил, не наступает. Такой вред не может квалифицироваться как преступ-

ление, поскольку является результатом правомерной, общественно полезной деятельности, на участие в которой потерпевший дал добровольное согласие.

Но сторонники другой позиции настаивают на том, что спортсмены, причинившие вред здоровью или смерть, должны нести уголовную ответственность. Аргументы включают в себя то, что не всегда причинение вреда связано с достижением общественно полезных целей, и что у спортсменов отсутствует возможность предотвратить вред. Олег Михаль и Юрий Власов уверены в том, что в данном случае не может быть применима ст. 41 УК РФ, предусматривающая освобождение от уголовной ответственности при обоснованном риске, так как причинение вреда здоровью во время занятий спортом далеко не всегда преследует общественно полезную цель [5, с. 128]. Следовательно, по мнению сторонников данной позиции, причинение вреда здоровью в ходе спортивных соревнований не может автоматически признаваться обстоятельством, исключающим преступность деяния. Вред, причинённый при нарушении установленных спортивных правил либо умышленно выходящий за пределы допустимого риска, должен влечь уголовную ответственность на общих основаниях, предусмотренных УК РФ.

Интересной точки зрения придерживается А. А. Скворцов, полагая, что «за причинение вреда жизни или здоровью при занятиях спортом уголовная ответственность исключается, так как отсутствует один из основных признаков преступления — противоправность» [6, с. 93]. Данный подход предлагает наиболее точную уголовно-правовую характеристику рассматриваемых деяний. Причинение вреда в спорте при соблюдении установленных правил не просто является общественно полезным или рискованным действием, а изначально лишено юридического свойства противоправности. Поскольку противоправность выступает обязательным признаком любого преступления, её отсутствие означает, что деяние ни при каких условиях не может быть признано

преступным. Такой взгляд устраняет необходимость в подведении спортивных травм под обоснованный риск или согласие потерпевшего.

Отвечая на вопрос, поставленный в начале исследования, можно сделать вывод, что данная ответственность объясняется следующими причинами:

1. Спортивные соревнования рассматриваются как общественно полезная деятельность — это означает, что определенный риск получения травм считается допустимым и оправданным в контексте спортивной борьбы;
2. Причинение вреда в ходе спортивных состязаний часто рассматривается как обоснованный риск, т. е. спортсмены, участвуя в соревнованиях, осознанно идут на риск получения травм для достижения спортивных целей;
3. Нарушение правил и причинение травм рассматриваются как неотъемлемая часть спортивной практики — если вред причинен в рамках обычной спортивной борьбы, даже с нарушением правил, это не будет считаться преступлением;
4. Спортивные соревнования не запрещены законом, поэтому в действиях спортсменов отсутствует основной признак преступления — противоправность.

По нашему мнению, следует дополнить главу 8 УК РФ обстоятельством, исключающим преступность деяния, которое может быть сформулировано следующим образом: «Не является преступлением причинение вреда жизни или здоровью другому лицу во время проведения спортивных мероприятий, при отсутствии нарушения правил соответствующих мероприятий».

Таким образом, обстоятельством, исключающим преступность деяния при причинении вреда жизни и здоровью на соревнованиях и в тренировочном процессе при соблюдении правил определенного вида спорта, является ст. 41 УК РФ «Обоснованный риск». Но следует отметить, что вопрос законодательного совершенствования и научного изучения указанной нормы остается открытым.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 N 329-ФЗ, принят Государственной Думой 16.11.2007 г. // СПС «Консультант ПЛЮС». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 24.04.2026).
3. Буянова, М. О. Спортивная ответственность: монография / М. О. Буянова. — М.: Издательство Юрайт, 2021. — 176 с
4. Медведев, А. А. Причинение вреда во время спортивных соревнований как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Вопросы российской юстиции. — 2019. — № 4. — С. 395–404.
5. Михаль, О. А. Уголовно-правовое регулирование причинения вреда здоровью или смерти при спортивных занятиях // Современное право. — 2014. — № 9. — С. 128–132.
6. Скворцов, А. А. Уголовно-правовая оценка причинения вреда жизни или здоровью при занятиях спортом: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических — Саратов, 2005. — 180 с.

Гражданско-правовые способы защиты прав авторов и патентообладателей

Семенова Татьяна Владимировна, студент магистратуры
Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

Защита авторских и патентных прав гражданско-правовыми методами регламентируется Гражданским кодексом Российской Федерации. Данные методы предусматривают комплекс мер, таких как: установление правообладателей; прекращение противоправных действий; возмещение понесенных убытков; выплата компенсаций и иные предусмотренные законом средства.

В данной статье рассмотрим:

1. Понятие гражданско-правовых способов защиты прав авторов и патентообладателей;
2. Способы защиты прав авторов и патентообладателей;
3. Формы защиты;
4. Отличие способов защиты прав авторов и патентообладателей.

В соответствии с гражданским кодексом Российской Федерации гражданско-правовые способы защиты прав автор и патентообладателей — это право и возможность авторов и патентообладателей использовать ряд юридических механизмов для защиты своих прав. Эти механизмы, носящие принудительный характер, призваны восстановить справедливость, остановить посягательства на интеллектуальную собственность и возместить ущерб. Они вступают в силу, когда права авторов или патентообладателей оказываются под угрозой или оспариваются [1].

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) в своей четвертой части устанавливает механизмы защиты прав авторов и патентообладателей.

Рассмотрим основные способы защиты:

1. Требование о признании права представляет собой юридически обоснованное обращение к субъекту, который оспаривает или игнорирует законные права другого лица, тем самым ущемляя его интересы. Такое требование может включать в себя официальное уведомление о наличии и объеме данного права;

2. Реституция и превенция правонарушений. Данный термин охватывает комплекс мер, направленных на возвращение правоотношений в состояние, предшествующее их нарушению, а также на прекращение противоправных действий или устранение угрозы их совершения. Примерами могут служить ликвидация контрафактной продукции и маркировка ее оригинальными именами правообладателей [1];

3. Также Широкова Ирина Владимировна выделяет: «в случае нарушения своих прав, владелец этих прав имеет законное основание требовать компенсации как понесенных им фактических потерь, так и упущенной выгоды, то есть доходов, которые он мог бы получить при отсутствии противоправных действий. Для успешного взыскания таких убытков требуется документальное подтверждение их существования, точная оценка их величины и установление

прямой причинно-следственной связи между действиями нарушителя и возникшими потерями» [2];

4. Вместо компенсации понесенных убытков, правообладатель может истребовать у нарушителя полученную им прибыль, возникшую непосредственно в результате неправомерного использования объектов промышленной собственности или авторского права. Важно, чтобы такой доход был следствием именно нарушения прав, а не законной деятельности;

5. Оглашение судебного вердикта, констатирующего факт нарушения, служит инструментом для реабилитации доброго имени и восстановления деловой репутации лица, являющегося автором или патентообладателем.

6. Изъятие и уничтожение контрафактных материальных носителей — эти действия осуществляются за счёт нарушителя [1];

7. В случаях, когда личные неимущественные права автора или патентообладателя были ущемлены, предусмотрена возможность защиты их чести, достоинства и деловой репутации в рамках статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации [1].

Монгуш С. Ш. различает юрисдикционную и неюрисдикционную формы защиты.

Юрисдикционная форма защиты подразумевает задействование официальных инстанций, таких как судебные органы или специализированные ведомства (например, Роспатент), для применения мер принудительного характера. Этот метод является наиболее часто используемым.

Неюрисдикционная форма, или самозащита, применяется в меньшей степени и, как правило, ограничивается рамками договорных обязательств, например, путем расторжения соглашения [3].

Определение оптимальной меры защиты требует всестороннего анализа обстоятельств, сопутствующих делу, природы совершенного правонарушения и иных релевантных факторов в практической деятельности.

Методы обеспечения защиты авторских прав и прав патентообладателей демонстрируют существенные различия, обусловленные спецификой охраняемых объектов, процессами их создания и особенностями правового регулирования.

1. Основные различия:

- Источники возникновения защиты;
- Моменты возникновения исключительных прав;
- Основания для приобретения исключительных прав.

2. Способы защиты:

Гражданский кодекс РФ предоставляет авторам возможность защищать свои исключительные и личные неимущественные права различными способами. Среди них — признание права, пресечение нарушений, возме-

щение убытков или выплата компенсации, а также возмещение доходов, полученных нарушителем. При этом защита личных неимущественных прав автора осуществляется независимо от того, виновен ли нарушитель или были ли затронуты его имущественные интересы.

В свою очередь, патентообладатели могут требовать прекращения нарушений (например, незаконного производства или использования запатентованного объекта) и возмещения убытков или выплаты компенсации. Од-

нако ключевое отличие патентных прав заключается в их территориальном характере: патент действует исключительно в пределах государства, где он был выдан [4].

Таким образом, общие нормы защиты интеллектуальных прав, такие как возможность обращения в судебные органы и применение гражданско-правовых мер, применимы к обеим категориям, однако специфические способы защиты варьируются в зависимости от вида прав и особенностей их появления.

Литература:

1. «Гражданский, кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18 12 2006 N 230-ФЗ (ред. от 23 07 2025) — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/9032831652fe5ed209a85170bef753bd4d53ac67/ (дата обращения: 15.04.2026).
2. Широкова, И. В. Защита прав авторов и патентообладателей / И. В. Широкова. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-grazhdansko-pravovoy-zaschity-patentnyh-prav/viewer> (дата обращения: 17.04.2026).
3. Монгуш, С. Ш. Гражданско-правовая защита авторских прав: понятие, формы и способы / С. Ш. Монгуш. — Текст: электронный // КиберЛенинка: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovaya-zaschita-avtorskih-prav-ponyatie-formy-i-sposoby> (дата обращения: 21.04.2026).
4. Тема 5. Защита интеллектуальных прав // КонсультантПлюс студенту и преподавателю. — Текст: электронный. — URL: <https://www.consultant.ru/edu/center/training/ip/theme5/> (дата обращения: 29.04.2026).

Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь как элемент механизма защиты прав обвиняемого

Смирных Елизавета Александровна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматривается право на квалифицированную юридическую помощь как фундаментальный элемент механизма защиты прав обвиняемого в российском уголовном процессе. Анализируется конституционное и законодательное закрепление данного права, его соответствие международным стандартам и роль в обеспечении состязательности судопроизводства. Особое внимание уделено проблемам реализации права на квалифицированную юридическую помощь, включая вопросы доступности, качества, своевременности предоставления и независимости адвоката. Предлагаются пути совершенствования механизма обеспечения данного права, такие как расширение доступности юридической помощи, повышение квалификации адвокатов, усиление гарантий их независимости, а также совершенствование законодательства и повышение правовой грамотности населения. Подчеркивается, что обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь является необходимым условием для построения правового государства и требует комплексного подхода, объединяющего усилия государства, адвокатского сообщества и гражданского общества.

Ключевые слова: уголовный процесс, защита прав обвиняемого, доступность юридической помощи, качество юридической помощи, независимость адвоката, состязательность, уголовно-процессуальный кодекс, адвокатура по назначению, правовая грамотность, механизм защиты прав.

Ensuring the right to qualified legal assistance as an element of the mechanism for protecting the rights of the accused

Smirnykh Yelizaveta Aleksandrovna, master's student
Tyumen State University

The article examines the right to qualified legal assistance as a fundamental element of the mechanism for protecting the rights of the accused in Russian criminal proceedings. The article analyzes the constitutional and legislative enshrinement of this right, its compliance with international standards and its role in ensuring the adversarial nature of legal proceedings. Particular attention

is paid to the problems of implementing the right to qualified legal assistance, including issues of accessibility, quality, timeliness of provision and independence of a lawyer. The article suggests ways to improve the mechanism for ensuring this right, such as expanding the availability of legal assistance, improving the qualifications of lawyers, strengthening guarantees of their independence, as well as improving legislation and increasing the legal literacy of the population. It is emphasized that ensuring the right to qualified legal assistance is a prerequisite for building a state governed by the rule of law and requires an integrated approach that combines the efforts of the state, the legal community and civil society.

Keywords: criminal procedure, protection of the rights of the accused, accessibility of legal aid, quality of legal aid, independence of the lawyer, competitiveness, code of criminal Procedure, legal profession by appointment, legal literacy, mechanism of protection of rights.

В условиях модернизации российской правовой системы и повышения требований к качеству судопроизводства, особое значение приобретает вопрос обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса. Право на квалифицированную юридическую помощь, закрепленное в статье 48 Конституции Российской Федерации, является фундаментальным элементом механизма защиты прав обвиняемого, обеспечивающим ему возможность эффективно отстаивать свою позицию и участвовать в справедливом разбирательстве [2]. Данное право не только коррелирует с общепризнанными международными стандартами в области прав человека, но и выступает необходимым условием для реализации принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

Однако, несмотря на конституционное закрепление и законодательное регулирование, практика реализации права на квалифицированную юридическую помощь в российском уголовном судопроизводстве сопряжена с рядом проблем, требующих детального анализа и поиска путей их разрешения. В частности, речь идет о доступности квалифицированной юридической помощи, ее качестве и эффективности, а также о гарантиях независимости адвоката в процессе оказания такой помощи.

Понятие «квалифицированная юридическая помощь» в уголовном процессе предполагает не только наличие у адвоката соответствующего образования и опыта, но и его способность компетентно и добросовестно осуществлять защиту интересов обвиняемого, используя все законные средства и методы [1]. В соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно отстаивать права и законные интересы доверителя, соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката [6]. Однако, на практике, далеко не всегда удается обеспечить соответствие оказываемой юридической помощи указанным требованиям.

Одной из ключевых проблем является доступность квалифицированной юридической помощи, особенно для социально незащищенных слоев населения, проживающих в отдаленных регионах страны. Несмотря на наличие института адвокатуры по назначению, гарантирующего бесплатную юридическую помощь в случаях,

предусмотренных законом, количество адвокатов, участвующих в этой системе, зачастую недостаточно для удовлетворения потребностей населения. Кроме того, нередко случаи формального подхода к оказанию помощи адвокатами по назначению, что негативно сказывается на ее качестве и эффективности [4].

Важным аспектом обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь является своевременность ее предоставления. Право на защиту должно быть обеспечено с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, либо с момента предъявления обвинения [5]. Задержка в предоставлении юридической помощи может привести к нарушению прав обвиняемого, например, к даче показаний под давлением или без понимания последствий, что впоследствии может негативно отразиться на исходе дела.

Кроме того, необходимо отметить важность обеспечения независимости адвоката в процессе оказания юридической помощи. Адвокат должен быть свободен от какого-либо давления со стороны органов предварительного расследования, суда или иных лиц, заинтересованных в исходе дела [3]. Любое вмешательство в деятельность адвоката, направленное на воспрепятствование осуществлению им своих профессиональных обязанностей, является недопустимым и должно преследоваться по закону.

Дальнейшее совершенствование механизма обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь требует комплексного подхода, включающего в себя:

— Увеличение доступности юридической помощи: расширение сети государственных юридических бюро, увеличение количества адвокатов, участвующих в системе бесплатной юридической помощи, развитие дистанционных форм оказания юридической помощи (онлайн-консультации, видеосвязь и т. д.).

— Повышение качества юридической помощи: разработка и внедрение системы оценки качества работы адвокатов, повышение квалификации адвокатов, специализирующихся на уголовных делах, усиление контроля за соблюдением адвокатами Кодекса профессиональной этики.

— Усиление гарантий независимости адвоката: законодательное закрепление дополнительных мер защиты адвокатов от давления и вмешательства в их профессиональную деятельность, повышение ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвоката.

— Совершенствование законодательства: внесение изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленных на расширение прав обвиняемого и адвоката, уточнение порядка и условий предоставления юридической помощи.

— Повышение правовой грамотности населения: проведение информационно-просветительских кампаний, направленных на разъяснение права на квалифицированную юридическую помощь и порядка его реализации.

Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь является необходимым условием для по-

строения правового государства, в котором права и свободы каждого человека надежно защищены. Дальнейшее совершенствование механизма реализации этого права должно стать одним из приоритетных направлений развития российского уголовного судопроизводства. Игнорирование проблем, связанных с реализацией данного права, неизбежно приведет к снижению доверия к судебной системе и нарушению принципов справедливости и законности. Решение этих проблем требует совместных усилий государства, адвокатского сообщества и гражданского общества.

Литература:

1. Борисова К. А. Право на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/6222/1/BorisovaKA_2020.pdf (дата обращения: 04.06.2025).
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.06.2025).
3. Ларин Е. Г. Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-prava-na-kvalifitsirovannuyu-yuridicheskuyu-pomosch-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 03.06.2025).
4. Право на квалифицированную юридическую помощь: аналитика. Право Всем. [Электронный ресурс]. URL: https://pravovsem59.ru/pravovoe-prosveshchenie/analitika/pravo-na-kvalifitsirovannuyu-yuridicheskuyu-pomoshch_1531373407/?ysclid=mbgywiow7l96988081 (дата обращения: 04.06.2025).
5. Седова Г. И., Громач В. Ю. Право на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве: понятие, соотношение с правом на защиту // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 198–205.
6. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 N 63-ФЗ.

Классификация цифровых прав: проблемы построения эффективной системы

Трубников Вячеслав Вячеславович, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье исследуются теоретические и практические проблемы классификации цифровых прав как нового правового института. Анализируются подходы ученых к систематизации цифровых прав, предлагается авторская классификация на основе различных критериев. Рассматриваются проблемы несовершенства существующей системы. Предлагаются пути совершенствования классификации и правового регулирования цифровых прав в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровые права, классификация, объекты гражданских прав, информационные системы, цифровые финансовые активы, право на забвение.

Активная трансформация общественных отношений в цифровую форму, происходящая в последние десятилетия, породила необходимость формирования новой регуляторной среды для цифровой экономики.

В российском законодательстве понятие «цифровые права» появилось относительно недавно. Статья 141.1 Гражданского кодекса РФ определяет цифровые права как обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей

установленным законом признакам. Однако данное определение охватывает лишь узкий сегмент цифровых правоотношений, связанный с гражданским оборотом, оставляя за пределами регулирования конституционные и публично-правовые аспекты цифровых прав.

Цель настоящего исследования — разработать эффективную классификацию цифровых прав и выявить проблемы ее построения на основе анализа российского законодательства, доктринальных подходов и зарубежного опыта.

Методы исследования: сравнительно-правовой анализ, формально-логический метод, систематизация и классификация, анализ судебной практики.

В юридической литературе представлены различные подходы к классификации цифровых прав. По мнению В. А. Вайпана, цифровое право в объективном смысле представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в связи с использованием данных в цифровой форме и цифровых технологий. Л. Ю. Грудцына рассматривает цифровое право как комплексную отрасль российского законодательства. А. В. Минбалева определяет цифровое право в качестве комплексного института российского права [2].

Наиболее развернутую классификацию цифровых прав предлагают А. П. Анисимов и Л. А. Резванова, которые подразделяют цифровые права на два вида: классические права в цифровой форме и цифровые права, не имеющие прямых аналогов офлайн [1].

Анализ доктринальных источников и правоприменительной практики позволяет выделить следующие основные проблемы построения эффективной системы классификации цифровых прав.

Во-первых, дискуссионным остается вопрос об относительности цифровых прав к правам первого поколения (личным и политическим), второго поколения (социально-экономическим) или же к новой обособленной системе прав.

Во-вторых, И. М. Даниленко указывает на необходимость включения цифровых прав как нового формата взаимоотношений между людьми и государством в качестве конституционных прав [5].

В-третьих, сравнительный анализ цифрового законодательства стран Азии и Западной Европы демонстрирует, что западные страны фокусируются на правах граждан, децентрализованном управлении и балансе между открытостью данных и их защитой, тогда как в азиатских государствах доминируют централизованный контроль, приоритет национальной безопасности и жесткое регулирование новых технологий [9].

В-четвертых, проблема фрагментарности и нестабильности подходов.

В-пятых, как отмечается в исследовании IEEE, в отношении цифровых ресурсов до сих пор отсутствует детальная классификация прав [7].

Далее приведем практические примеры проблем классификации цифровых прав в отечественной юридической практике.

Пример 1. Право на забвение. Данное право по-разному классифицируется в различных правовых системах. В решении Европейского суда по правам человека от 13.05.2014 № С-131/12 право на забвение было признано как возможность потребовать удаления ссылок на материалы на компрометирующие, устаревшие или недостоверные сведения.

Пример 2. Цифровые финансовые активы. В российской практике цифровые финансовые активы классифи-

цируются как имущество, однако их правовая природа остается дискуссионной.

Пример 3. Смарт-контракты. В зависимости от подхода к классификации, смарт-контракты могут рассматриваться либо как форма договора, либо как способ исполнения обязательств, либо как программный код, не порождающий правовых последствий [5].

На основе проведенного анализа можно предложить следующие способы решения обозначенных проблем:

- разработка многоуровневой классификации цифровых прав, включающей конституционный уровень (базовые цифровые права человека); отраслевой уровень (цифровые права в гражданском, административном, трудовом праве); уровень объектов гражданского оборота (цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права);

- гармонизация терминологии на основе анализа зарубежного опыта, предполагающая создание единой системы машиночитаемой классификации прав, которая позволила бы автоматизировать процессы фиксации и защиты цифровых прав [10];

- введение детальной градации прав пользования цифровыми ресурсами, включая такие правомочия, как чтение, сохранение, скачивание, модификация, передача;

- законодательное закрепление принципов классификации в рамках разрабатываемого Цифрового кодекса или иного системообразующего акта [6].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Цифровые права представляют собой сложное многогранное явление, которое не может быть сведено исключительно к гражданско-правовой категории. Эффективная классификация должна учитывать конституционно-правовой, отраслевой и оборотный аспекты цифровых прав, а также разграничивать традиционные права, реализуемые в цифровой форме, и специфические цифровые права, не имеющие аналогов офлайн.

2. Основными проблемами построения эффективной системы классификации являются терминологическая неопределенность, противоречие между узким гражданско-правовым и широким конституционным подходами, отсутствие единых международных критериев, фрагментарность регулирования, недостаточная детализация правомочий в отношении цифровых объектов.

3. Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего разработку многоуровневой классификации, гармонизацию терминологии с учетом зарубежного опыта, создание машиночитаемых стандартов описания прав, внедрение детальной градации правомочий и законодательное закрепление классификационных принципов.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку конкретных критериев отнесения тех или иных правомочий к различным категориям цифровых прав и создание методик правовой квалификации новых цифровых явлений.

Литература:

1. Анисимов А. П., Резванова Л. А. Цифровые права граждан в России и зарубежных странах // Современное право. 2026. № 2. С. 55–62.
2. Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. 2024. № 1. С. 5–27.
3. Даниленко И. М. Цифровые права и их взаимосвязь с Конституцией Российской Федерации // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 22–24.
4. Сафиуллин Р. Р. Классификация цифровых прав, реализуемых в соответствии с правилами информационной системы // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 4(73). С. 279–284.
5. Цифровые права в контексте норм международного права // Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/articles/tsifrovye-prava-v-kontekste-aktualnykh-norm-mezhdunarodnogo-prava/>.
6. Чиквин А. Б. Сравнительный анализ цифрового законодательства стран Азии и Западной Европы // Гуманитарный университет. 2025. № 3. С. 142–153.
7. Газгиреев, Н. Ш. Проблемы и перспективы правового регулирования цифровых прав в гражданском праве России / Н. Ш. Газгиреев. — Текст: непосредственный // Вестник МГПУ «Юридические науки». — 2024. — № 2 (54). — С. 78.
8. Globethics. Digital rights of man and citizen: constitutional dimension. 2024. URL: <https://repository.globethics.net/handle/20.500.12424/4315771>.
9. IEEE. Digital Resource Rights Confirmation and Infringement Tracking Based on Smart Contracts. 2020. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9073733/>.
10. Open Future Foundation. Divergent Mechanisms Elusive Vocabularies: The State of Machine-Readable Rights Reservations. 2026. URL: <https://openfuture.eu/publication/divergent-mechanisms-elusive-vocabularies/>

Направления совершенствования законодательства о банкротстве физических лиц в Российской Федерации

Тюрикова Вероника Вадимовна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье рассматриваются современные проблемы правового регулирования несостоятельности физических лиц в Российской Федерации, выявляются недостатки действующей нормативной базы и формулируются конкретные пути её улучшения. На основе анализа статистических показателей и практики разрешения дел в судах изучается эффективность применяемых процедур, а также проблемы обеспечения прав как должников, так и кредиторов. Особое внимание уделено вопросам досудебного пересмотра долговых обязательств и социальной адаптации лиц, признанных банкротами. Предложенные меры позволяют повысить результативность института потребительского банкротства и снизить уровень долговой нагрузки на граждан.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, потребительское банкротство, несостоятельность граждан, реструктуризация долгов, защита прав должников, совершенствование законодательства.

Введение в 2015 году процедуры банкротства для физических лиц позволило законодателю сформировать правовой инструмент защиты граждан, попавших в тяжелое финансовое положение. Ключевым регулятором в данной области продолжает оставаться Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] с поправками, внесенными в 2015 году. Значимость рассматриваемой темы определяется следующими факторами:

- значительным увеличением количества судебных процессов о банкротстве граждан (за пятилетний период их число возросло более чем в три раза);
- наличием серьезных пробелов в действующем правовом регулировании;
- потребностью в сбалансированном учете интересов как должников, так и кредиторов;
- высокой социальной ценностью института потребительского банкротства.

Главная цель работы заключается в выявлении ключевых трудностей в сфере банкротства физлиц и разработке путей совершенствования нормативной базы.

Поставленные задачи исследования:

1. Изучить статистику дел о банкротстве граждан за период 2020–2025 гг.

2. Определить основные сложности применения законодательства в реальной практике.
3. Рассмотреть зарубежную практику регулирования потребительского банкротства.
4. Разработать конкретные предложения по внесению изменений в законодательство.

Объектом исследования выступают общественные отношения, формирующиеся в процессе банкротства физических лиц. Предметом исследования являются нормы законодательства Российской Федерации и зарубежных государств, регулирующие процедуру несостоятельности граждан.

Использованные в исследовании методы включают:

- статистический анализ данных Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации;
- сравнительно-правовое исследование (сопоставление законодательства Российской Федерации с нормами зарубежных стран);
- формально-юридический подход (изучение норм Закона о банкротстве);
- метод экспертной оценки (анкетирование арбитражных управляющих и юристов).

Согласно сведениям из Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ) [3] и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, количество дел о банкротстве физических лиц продолжает стабильно увеличиваться. Данные исследования в таблице 1.

Таблица 1

Год	Количество дел	Порядок рассмотрения
2020	120 000	внесудебный-1 %, судебный- 99 %
2021	175 000	внесудебный-4 %, судебный- 96 %
2022	225 000	внесудебный-6 %, судебный- 94 %
2023	310 000	внесудебный-10 %, судебный- 90 %
2024	420 000	внесудебный-18 %, судебный- 82 %
2025	520 000	внесудебный-25 %, судебный- 75 %

Анализ практики применения Закона о банкротстве выявил ряд значимых недостатков:

- высокая финансовая нагрузка на граждан при прохождении процедур (в пределах от 100 000 до 300 000 рублей);
- продолжительность процедуры в среднем составляет 8–12 месяцев;
- низкий уровень утверждения планов реструктуризации долгов — менее 5 % случаев;
- недостаточная юридическая защита жилья, являющегося единственным для должника;
- отсутствие сформированных механизмов социальной адаптации лиц, прошедших процедуру банкротства;
- случаи злоупотреблений со стороны кредиторов (намеренное увеличение долга);
- отсутствие чётких нормативных положений по вопросам банкротства супругов и разделу совместно нажитого имущества.

В США и странах Европы используются более гибкие процедуры:

- упрощённая процедура банкротства с минимальными издержками;
- обязательные курсы финансовой грамотности;
- системы социальной поддержки лиц, переживших банкротство;
- индивидуальный подход в зависимости от размера задолженности.

Обнаруженные трудности подтверждают актуальность обновления российского законодательства о несостоятельности граждан. Рационально позаимствовать ряд зарубежных практик, адаптируя их к отечественным реалиям и социально-экономическим условиям.

Предлагаемые направления на основе проведённого анализа:

1. Упрощение и снижение стоимости процедур:
 - установление жёсткой предельной ставки за процедуру — не более 30 000 рублей;
 - создание государственной системы бесплатной юридической поддержки граждан в ходе банкротства.
2. Оптимизация реструктуризации долгов:
 - продление максимального срока плана реструктуризации до 5 лет;
 - снижение пороговых требований к уровню дохода для утверждения плана;
 - обязательное проведение консультаций с финансовым омбудсменом перед утверждением плана.
3. Укрепление правового положения должников:
 - расширение списка имущества, которое не может быть изъято и продано;
 - гарантия сохранения части заработной платы на уровне прожиточного минимума;
4. Поддержка социальной адаптации:
 - реализация образовательных программ по финансовой грамотности;

- открытие специализированных центров реабилитации бывших должников;
- ограничение срока действия негативных последствий банкротства — не более 3 лет.
- 5. Цифровизация процессов:
 - внедрение электронного обмена документами;
 - создание единой цифровой платформы для подачи заявлений;
 - применение искусственного интеллекта для оценки финансового состояния заявителя.
- 6. Регулирование процедур банкротства супругов:
 - чёткое регулирование порядка раздела совместно нажитого имущества;
 - возможность подачи совместного заявления о банкротстве супружеской пары;
 - обеспечение защиты интересов добросовестного супруга.

Исследование выявило необходимость кардинальной модернизации действующего законодательства о банкротстве физических лиц. Внесённые предложения позволяют:

- уменьшить финансовое бремя для граждан на этапе прохождения банкротства;
- повысить результативность реструктуризации долгов на 20–25 %;
- обеспечить защиту прав должников в социальном плане;
- сократить продолжительность процедур на 30–40 %;
- снизить вероятность злоупотреблений со стороны кредиторов.

Осуществление предложенных мер способствует расширению доступа граждан к процедуре банкротства и уменьшению общей задолженности населения.

Дальнейшие научные исследования могут быть направлены на углублённое изучение механизмов социальной адаптации лиц, прошедших банкротство, а также на создание конкретных программ повышения финансовой грамотности.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Карелина С. А. Правовое регулирование отношений несостоятельности. — М.: Волтерс Клувер, 2020.
3. Данные Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ) за 2020–2025 гг. — Москва : Интерфакс. — URL: <https://bankrot.fedresurs.ru>
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по вопросам банкротства физических лиц за 2020–2025 гг.
5. Hodgson M. Consumer Bankruptcy in Europe: A Comparative Study. — Cambridge University Press, 2019.
6. Terry D. C. Personal Bankruptcy Reform: Lessons from Abroad // Journal of Consumer Law. — 2020. — Vol. 15. — P. 45–67.

Классификация преступлений в российском уголовном праве

Унанян Аркадий Севакович, студент

Научный руководитель: Рыткова Виолетта Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Западный филиал (г. Калининград)

В данной статье рассматриваются теоретические и практические аспекты классификации преступлений в российском уголовном праве. Анализируется понятие преступления, его признаки, закрепленные в Уголовном кодексе РФ. Особое внимание уделяется основаниям (критериям) деления преступных деяний на категории, а также иным видам классификаций (в зависимости от родового объекта, формы вины, субъекта). Раскрывается значение категоризации наказания, определения рецидива и освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: преступление, классификация преступлений, категории преступлений, Уголовный кодекс РФ, общественная опасность, форма вины, наказание, судимость.

Classification of crimes in Russian criminal law

Hunanyan Arkady Sevakovich, student

Scientific advisor: Rytkova Violetta Yuryevna, phd in law, associate professor

Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Western Branch (Kaliningrad)

This article examines the theoretical and practical aspects of the classification of crimes in Russian criminal law. The concept of crime and its signs, fixed in the Criminal Code of the Russian Federation, are analyzed. Special attention is paid to the grounds (criteria) for

dividing criminal acts into categories, as well as other types of classifications (depending on the generic object, form of guilt, subject). The significance of the categorization of punishment, the definition of recidivism and exemption from criminal liability is revealed.

Keywords: crime, classification of crimes, categories of crimes, Criminal Code of the Russian Federation, public danger, form of guilt, punishment, criminal record.

Уголовное право каждого государства сталкивается с необходимостью упорядочить огромный массив деяний, признаваемых преступными. Российское уголовное законодательство представляет собой фундаментальный институт Общей части уголовного права, позволяющий не только систематизировать преступные деяния, но и дифференцировать меры ответственности в зависимости от степени и характера общественной опасности содеянного.

Цель данной работы — проанализировать понятие преступления, выявить основные критерии его классификации в соответствии с действующим Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ) и определить практическое значение данной классификации для правоприменительной деятельности.

Прежде чем перейти к классификации, необходимо определить, что именно закон понимает под преступлением. Легальное определение содержится в ч.1 ст.14 УК РФ: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [1].

Из данного определения можно выделить четыре ключевых признака преступления:

1. Общественная опасность — данный признак считается основополагающим, поскольку именно он позволяет провести грань между преступлением и иными правонарушениями.

2. Противоправность (уголовная противозаконность) — формальный признак, указывающий на то, что деяние прямо запрещено конкретной статьей Особенной части УК РФ.

3. Виновность — деяние признается преступным только в том случае, если оно совершено умышленно или по неосторожности. Объективное вменение, то есть ответственность за невиновное причинение вреда, запрещено ч.2 ст.5 УК РФ.

4. Наказуемость — за совершение преступления уголовным законом предусмотрена возможность применения мер государственного принуждения в виде наказания. Наказуемость является следствием общественной опасности и противоправности.

Ч.2 ст.14 УК РФ вводит институт малозначительности деяния: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» [1]. Однако, как справедливо отмечает Пленум Верховного Суда РФ, малозначительность не может применяться к тяжким и особо тяжким преступлениям, если деяние заведомо способно причинить существенный вред [2].

Классификация преступлений — это деление преступных деяний на группы (категории, виды) по опре-

деленным юридически значимым основаниям, закрепленным в законе. В широком смысле классификация пронизывает всю систему уголовного права, начиная от построения Особенной части УК РФ (по родовому объекту) и заканчивая конкретными санкциями статей.

Значение классификации проявляется в следующих аспектах:

- Законодательный — позволяет упорядочить нормативный материал, создавая иерархию запретов.

- Правоприменительный — обеспечивает судебные органы необходимыми ориентирами для персонализации наказания, выбора типа исправительного учреждения и установления наличия рецидива.

- Процессуальный — определяет форму предварительного производства (дознание либо следствие), условия задержания лица и порядок избрания мер пресечения. Так, например, заключение под стражу преимущественно применяется за деяния, относящиеся к тяжким и особо тяжким категориям.

Наиболее важное значение для уголовного права имеет классификация преступных деяний, базирующаяся на характере и уровне общественной опасности. Данная градация закреплена в ст.15 УК РФ и подразделяет все преступления на четыре категории. В качестве классификационных критериев выступают 2 показателя: форма вины, а также максимальный срок наказания, установленный санкцией соответствующей статьи.

Важно отметить, что Федеральным законом от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ст.15 УК РФ была внесена ч.6, предоставляющая суду право при наличии смягчающих обстоятельств и отсутствии отягчающих изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на 1 категорию [3].

В свою очередь, Н. Г. Кадников предлагает классифицировать преступления по следующим основаниям: объект, на который направлено посягательство; особенности и конструкция объективной стороны; содержание субъективной стороны; признаки субъекта преступления; вид состава (материальный, формальный, усеченный) [4].

В теоретических источниках отсутствует единое мнение и относительно количества выделяемых теорий. Например, И. А. Подройкина обосновывает необходимость введения пяти категорий (наименее тяжкое, менее тяжкое, тяжкое, более тяжкое и наиболее тяжкое). При этом предлагается дополнить ст.15 УК РФ перечнем всех возможных наказаний для каждой категории, указав как верхний, так и нижний пределы санкций [5].

Статические данные о состоянии преступности в России за период с января 2025 по декабрь 2025, пред-

Таблица 1. Категории преступлений по ст.15 УКР РФ

Категория	Форма вины	Максимальное наказание (по санкции)
Небольшой тяжести	Умысел или неосторожность	Не более 3-х лет лишения свободы
Средней тяжести	Умысел или неосторожность	Неосторожные деяния – не более 10-ти лет лишения свободы
Тяжкие	Только умысел	Не более 10-ти лет лишения свободы
Особо тяжкие	Только умысел	Лишение свободы на срок более 10-ти лет или более строгое наказание

ставленные Министерством внутренних дел Российской Федерации, наглядно демонстрируют практическую значимость категоризации преступлений, установленной ст.15 УК РФ. Анализ этих цифр позволяет выявить динамику общественной опасности деяний и структуру судимости. В 2025 году количество тяжких и особо тяжких преступлений составило 627 894 (+1,7 % к 2024) [6].

При детализации: особо тяжкие — 184 842 (+18,4 %), тяжкие — 443 052 (-3,9 %). Всего зарегистрировано 1 143 271 (-11,6 %) преступление средней и небольшой тяжести. Снижение количества преступлений небольшой тяжести (-10,9 %) коррелирует с реализацией принципа гуманизации уголовной политики, заложенного в ч.6 ст.15УК РФ.

Значение рассмотренных классификаций выходит далеко за рамки теории. Законодатель привязывает к категории преступления (ст.15 УК РФ) множество важнейших

правовых последствий: назначение наказания, вид исправительного учреждения, условно-досрочное освобождение, сроки погашения судимости, а также освобождение от уголовной ответственности.

Подводя итог, следует отметить, что классификация преступлений в российском уголовном праве представляет собой многоуровневую и логически выверенную систему. Это полноценный правовой институт, касающийся как Общей, так и Особенной части УК РФ, без которого невозможно представить ни грамотное построение санкций, ни обоснованную дифференциацию ответственности, ни реализацию принципа справедливости. С одной стороны, классификация преступлений служит инструментом ужесточения, позволяя изолировать от общества лиц, совершивших наиболее опасные деяния, а с другой — открывает путь к гуманизации, давая шанс на исправления без реального лишения свободы.

Таблица 2. Сведения о преступлениях, выявленных в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года

СВЕДЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ВЫЯВЛЕННЫХ СУБЪЕКТАМИ УЧЕТА									
	Всего	+, - в %	Из них выявлено преступлений сотрудниками						
			следственных органов Следственного комитета Российской Федерации		органов внутренних дел			таможенных органов	
			всего	+, - в %	всего	+, - в %	Уд. вес %	всего	+, - в %
Всего	1771174	-7,3	31845	18,0	1574994	-10,0	88,9	1650	-8,6
в том числе									
тяжких и особо тяжких	627894	1,7	15405	26,9	531977	-4,6	84,7	646	42,0
из них особо тяжких	184842	18,4	7146	35,8	165109	16,2	89,3	153	-5,6
тяжких	443052	-3,9	8259	20,2	366868	-11,7	82,8	493	68,3
средней и небольшой тяжести	1143271	-11,6	16440	10,8	1043008	-12,6	91,2	1004	-25,7
из них средней тяжести	446631	-12,8	5531	15,7	427489	-13,7	95,7	593	-19,4
небольшой тяжести	696640	-10,9	10909	8,4	615519	-11,8	88,4	411	-33,2

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026)// СПС «Консультант-Плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 N 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298065/
3. Федеральный закон от 07.12.2011 N 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864/
4. Кадников Е. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. М.: Юриспруденция, 2013. С.24
5. Подройкина И. А., Серегина Е. В. Категоризация преступлений в уголовном законодательстве России: проблемы и пути решения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017 № 3 (40). С.154.
6. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2025 года: стат. Сб./ ФКУ «ГИАЦ МВД России». — М., 2026, 42 с.
7. Уголовное право. Общая часть. Семестр I: учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 307 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16554-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 104 — URL: <https://urait.ru/bcode/584174/p.104>
8. Курс уголовного права: Общая часть. Т.1 / под ред. Е. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2-4. С.103

Административно-процессуальные механизмы высылки иностранных граждан в Российской Федерации

Хвостова Екатерина Андреевна, студент;

Смирнова Полина Юрьевна, студент

Научный руководитель: Максимов Иван Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена комплексному анализу административно-процессуальных механизмов высылки иностранных граждан и лиц без гражданства из Российской Федерации. Авторы рассматривают три основные формы высылки: административное выдворение (как меру административной ответственности), депортацию (как меру административного принуждения) и реадмиссию (как международно-правовой механизм). Особое внимание уделяется различиям в правовой природе, основаниях применения и процессуальном порядке реализации указанных мер. В статье анализируются актуальные изменения законодательства, включая расширение полномочий сотрудников МВД по самостоятельному принятию решений о выдворении с 2025 года.

Ключевые слова. административное выдворение, депортация, реадмиссия, иностранные граждане, лица без гражданства, механизмы высылки, миграционное законодательство.

Борьба с незаконной миграцией остается одним из приоритетов в деятельности российского государства, особенно на фоне возрастающего количества противоправных деяний, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства. В России для противодействия незаконной миграции используются административное выдворение за пределы Российской Федерации. Вопросы регулирования пребывания иностранных граждан на территории РФ приобретают особую актуальность в условиях глобализации миграционных процессов. Высылка иностранных граждан — мера, направленная на обеспечение национальной безопасности и соблюдение

миграционного законодательства. В российском праве она реализуется через несколько административно-процессуальных механизмов, различающихся по правовой природе и порядку применения. Есть различные формы высылки иностранных граждан. Российское законодательство предусматривает три формы высылки: административное выдворение (ст. 3.10 КоАП РФ), депортация (ст. 2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ), реадмиссия (например, Соглашение между РФ и ЕС о реадмиссии от 25.05.2006).

Административное выдворение — это мера ответственности, применяемая к иностранным гражданам за

нарушение миграционного режима или трудового законодательства. Понятие административного выдворения закреплено в ст. 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1]. На сегодняшний день выдворение применяется в двух вариантах: контролируемый самостоятельный выезд: лицо, получившее решение суда, обязано самостоятельно уехать из РФ. При этом за ним осуществляется наблюдение миграционными органами.

Принудительное выдворение предполагает этапирование за пределы РФ под конвоем. Применяется, когда отсутствуют финансовые возможности у правонарушителя. Административное выдворение является одной из мер административной ответственности, применяемой к иностранным гражданам и лицам без гражданства за совершение правонарушений, предусмотренных Кодексом об административных правонарушениях. Форма административного выдворения определяется судебными органами и их должностными лицами, рассматривающими дело, исходя из совокупности обстоятельств дела, личности правонарушителя, а также его материальных и физических возможностей для самостоятельного выезда с территории Российской Федерации. Неисполнение иностранным гражданином и лицом без гражданства административного выдворения в форме контролируемого самостоятельного выезда с территории нашего государства, согласно КоАП РФ (ст. 18.8), влечет наложение административного штрафа (от 3 до 5 тыс. рублей) с административным выдворением.

Правовые аспекты административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства, направленные на ограничение их свободы передвижения для контроля за исполнением наказания, подпадают под действие статьи 5 Конвенции о защите прав человека, как разъяснил Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) [3]. Реализация этой меры должна соответствовать как национальному законодательству РФ, так и международным нормам.

Конституционный Суд РФ также занимался вопросами административного выдворения, в частности, своим определением от 5 марта 2014 г. № 628 он установил, что систематический контроль за пребыванием иностранцев на территории РФ не противоречит статье 8 Конвенции. ЕСПЧ, в свою очередь, указал, что хотя Конвенция не исключает административное выдворение, оно должно быть обусловлено вескими причинами, связанными с защитой общественных и государственных интересов. Следовательно, административное выдворение не противоречит международному праву, в том числе статье 8 Конвенции, при условии соблюдения пункта 2 данной статьи.

Таким образом, депортация — мера административного принуждения, а не вид наказания, вместе с тем ее применение также исключает дальнейшее нахождение иностранного гражданина на территории России. Существенная проблема в сфере реализации и изучения миграционного права заключается в терминологической бли-

зости «административного выдворения» и «депортации». В контексте международного права, депортация традиционно понимается как принудительная (конвойная) высылка лица за пределы государства. Российское законодательство, в частности статья 2 Федерального закона № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г., трактует депортацию как принудительное выдворение иностранного гражданина из Российской Федерации в случаях, когда он утрачивает или лишается законных оснований для дальнейшего пребывания (проживания). Примеры таких ситуаций включают отказ в удовлетворении ходатайства о признании беженцем, сокращение или истечение срока пребывания. Кроме того, решение о депортации может быть принято в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, отбывшего уголовное наказание, или если его пребывание на территории Российской Федерации признано нежелательным ввиду угрозы общественной безопасности или здоровью населения [6].

Рассматривая правовую природу категорий «административное выдворение» и «депортация», следует констатировать, что ряд исследователей полагает их эквивалентными. В частности, Я. Б. Жолобов придерживается мнения об идентичности их сущности [7]. Однако данная позиция представляется дискуссионной, поскольку дифференцированы основания применения указанных административных санкций, а также тяжесть деликтов, за которые они назначаются.

В связи с этим унификация административного выдворения и депортации является некорректной. Более того, законодателю надлежит имплементировать ряд новелл, способствующих акцентированию степени различия данных концептов, их дальнейшему дистанцированию. Безусловно, результатом каждой из рассматриваемых мер является выезд иностранного гражданина с территории Российской Федерации, однако в случае административного выдворения основаниями служат нормы КоАП РФ, а в случае депортации — положения федеральных законов. Депортация применяется в случаях нарушения режима пребывания в РФ, аннулирования документов (РВП, ВНЖ, визы), утраты оснований для проживания, признания нежелательным пребывания в РФ, нарушения трудового законодательства. В отношении процедур данных мер мнения научного сообщества также расходятся.

По мнению Я. Б. Жолобова, порядок депортации и административного выдворения аналогичны, поскольку осуществляются в принудительном порядке. А. В. Степанов считает сравнение необоснованным из-за отсутствия установленной процедуры депортации [8]. Г. Б. Романовский акцентирует внимание на том, что обе эти процедуры существенно ограничивают права человека, что требует комплексного подхода к их регулированию, включающего не только правовые аспекты, но и развитие соответствующей инфраструктуры [9]. Важность последнего была подтверждена Президентом РФ в «Концепции общественной безопасности» (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) [10], где развитие инфра-

структуры для осуществления административного выдворения, депортации и реадмиссии названо одним из ключевых направлений обеспечения общественной безопасности.

Рeadмиссия, в отличие от депортации, не обусловлена критерием неисполнения иностранным гражданином или лицом без гражданства требования покинуть территорию государства, она может осуществляется в том числе в государство, с территории которого иностранный гражданин или лицо без гражданства непосредственно прибыли в государство. Стоит подчеркнуть, что, несмотря на явную схожесть данных понятий, они нуждаются в отграничении друг от друга, поскольку имеют ряд отличий при их назначении и применении [12].

В условиях современной внешнеполитической ситуации и расширяющегося спектра геополитических вызовов, проблема незаконной миграции, представляющая собой глобальную угрозу международной и национальной безопасности, требует консолидации усилий государств. Международное сотрудничество является ключевым инструментом в противодействии этому негативному явлению. Двусторонний формат такого сотрудничества позволяет наиболее предметно регулировать процессы между его субъектами, учитывая специфику их

взаимодействия и эффективно решая присущие им вопросы и проблемы.

Административно-процессуальные способы высылки иностранных граждан сочетают в себе различные меры, что позволяет поддерживать равновесие между обеспечением национальной безопасности и защитой прав человека. Усовершенствование законодательства (в том числе введение режима высылки) нацелено на усиление контроля за миграционными процессами. Расширение полномочий органов внутренних дел: начиная с 5 февраля 2025 года, в соответствии с приказом МВД России от 28.11.2024 № 824 [15], сотрудники органов внутренних дел получили право самостоятельно принимать решения о выдворении иностранных граждан, что позволило сократить продолжительность административных процедур. В качестве возможных улучшений административно-процессуальных мер высылки иностранцев можно предложить, например, унификацию процедур депортации и административного выдворения и сосредоточение функций по высылке в органах внутренних дел (полиции) [16]. Это позволит снизить временные и финансовые затраты, связанные с доставкой иностранных граждан в суды, и обеспечит возможность оперативно удалять с территории России тех, кто нарушил законодательство.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.03.2026) Ст. 3.10
2. Постановление Верховного Суда РФ от 07.02.2025 N 47-АД25-1-К6 // URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-07022025-n-47-ad25-1-k6/>
3. Комментарии к постановлению Европейского суда по права человека, вынесенному по Статье 5 Конвенции // URL: <https://base.garant.ru/4069978/>
4. Амельчаков И. Ф., Катаева О. В. Высылка иностранного гражданина как ограничение его права на свободу передвижения и как способ обеспечения национальной безопасности
5. Сосновская Ю. Н., Бондарь Е. О. Основные проблемы реализации механизма административного наказания в виде административного выдворения иностранных граждан или лиц без гражданства за пределы российской федерации // Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства Мнутренних Дел Российской Федерации. — 2024. — № 1
6. Чернышёв К. И. Административное выдворение и депортация: юридическая природа и целевая направленность санкций // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2015
7. Жолобов Я. Б. Административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: проблемы и пути их решения / Я. Б. Жалобов // Судья. — 2015. — № 6
8. Степанов А. В. Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации: понятие, содержание, направления противодействия / А. В. Степанов // Административное право и процесс. — 2013. — № 8.
9. Романовский Г. Б. К вопросу об административной ответственности за проживание гражданина России без регистрации / Г. Б. Романовский // Миграционное право. — 2009. — № 2
10. «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 14.11.2013 N Пр-2685) // legalacts.ru URL: <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-obshchestvennoi-bezopasnosti-v-rossiiskoi-federatsii-utv/>
11. Федеральный закон от 15.08.1996 N 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) Ст. п.4 ст.26
12. Бабошина Е. В., Гусейнова И. С. Рeadмиссия как институт международно-правового регулирования миграции // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 264–270. DOI: 10.34670/AR.2023.74.57.033
13. Ястребова А. Ю. Международно-правовое понятие и основы осуществления реадмиссии. Право и управление. XXI век. 2024;20(2):3–10. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2024-2-71-3-10>

14. Жукова О. И. Понятие и виды реадмиссии // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-readmissii>
15. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28.11.2024 № 824 «О внесении изменений в Порядок представления в системе...»
16. Шурухнова Д. Н. Современное состояние и перспективы совершенствования правового регулирования административного выдворения и высылки иностранных граждан и лиц без гражданства // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-sovershenstvovaniya-pravovogo-regulirovaniya-administrativnogo-vydvoreniya-i-vysylki>.

Брачный договор как способ защиты от кредитных рисков супруга: допустимые пределы и риски оспаривания

Шелаева Любовь Алексеевна, студент

Научный руководитель: Максимова Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируется брачный договор как инструмент защиты добросовестного супруга от кредитных рисков другого. Исследуются правовые основания распределения долгов и практика оспаривания. Также в работе предлагаются допустимые пределы регулирования, от соблюдения которых зависит эффективность договора.

Ключевые слова: брачный договор, кредитные обязательства, личные долги супругов, оспаривание брачного договора, защита прав кредиторов.

Активное развитие потребительского кредитования делает актуальной проблему правового регулирования ответственности супругов по обязательствам. Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ) (ст. 40) позволяет супругам изменить законный режим совместной собственности брачным договором, установив раздельный, долевой или совместный режим в отношении всего имущества или его отдельных видов. Одна из ключевых задач брачного договора — защита добросовестного супруга от кредитных рисков другого. Однако, как отмечается в юридической литературе, брачный договор может стать не только средством защиты, но и инструментом злоупотребления правом, направленным на сокрытие активов от кредиторов и уменьшение конкурсной массы при банкротстве [5, с. 48–59.]. Разграничение личных и общих долгов супругов — один из ключевых вопросов современного семейного права. Брачный договор может как сохранить имущество добросовестного супруга при банкротстве другого, так и быть использован для уменьшения конкурсной массы.

Ст. 45 СК РФ устанавливает фундаментальные положения об ответственности супругов по обязательствам. Согласно общему принципу, закрепленному в п. 1 данной статьи, по обязательствам одного из супругов взыскание, как правило, обращается на его личное имущество. В случае его недостаточности, кредитор вправе требовать выделения доли супруга-должника из общего имущества супругов для последующего обращения на нее взыскания. Однако, исключительный порядок взыскания на общее имущество супругов, предусмотрен п. 2 ст. 45 СК РФ. Взыскание на такое имущество допускается в двух случаях: во-первых, по общим обязательствам супругов,

и во-вторых, по личному долгу одного из супругов, при условии, что судом установлено использование полученных по такому обязательству средств на нужды семьи. Важно отметить, что бремя доказывания факта использования средств на нужды семьи возлагается на кредитора. Указанный пункт порождает значительную проблематику правоприменения, создавая риски для добросовестного супруга, который может оказаться ответственным по долгам другого супруга, о которых он мог не знать или которые не одобрял, но при этом быть вынужденным отвечать по ним своим имуществом.

В дополнение к этому, ст. 46 СК РФ регулирует защиту прав кредиторов при заключении, изменении или расторжении брачного договора. В таких ситуациях супруг-должник обязан уведомить своих кредиторов о совершаемых действиях. При невыполнении этой обязанности он несет ответственность по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора, что служит дополнительным механизмом защиты интересов кредиторов. Брачный договор призван обеспечивать реализацию принципа персональной ответственности каждого из супругов по собственным кредитным обязательствам.

Согласно ст. 42 СК РФ, брачным договором супруги вправе определить не только режим имущества, но и порядок несения долговых обязательств. В частности, договором может быть предусмотрено, что: долг выплачивается тем супругом, на имя которого оформлены заёмные средства, а обременённое имущество переходит в его собственность; кредит, взятый в браке, подлежит разделу с определением доли участия каждого супруга в его погашении; обязательство, использованное на нужды семьи, остаётся за одним из супругов с освобождением другого

от его исполнения; устанавливается режим раздельной собственности на имущество и долги, при котором каждый супруг отвечает только по своим обязательствам. При этом не обязательно перечислять конкретные объекты или долги — достаточно общего указания на распределение обязанностей. Однако следует учитывать, что, если кредит был оформлен до заключения брака, такой долг признаётся личным обязательством супруга-заёмщика, и брачный договор не может изменить этот статус. Кроме того, при разделе обязательств по ипотечному кредиту может потребоваться согласие банка, поскольку изменение стороны в обязательстве или залогодателя затрагивает условия кредитного договора.

Брачным договором допустимо отнести долги к категории личных или общих, а также установить самостоятельную ответственность каждого из супругов. Вместе с тем недопустима конфигурация договора, при которой все долги концентрируются на одном супруге, а все активы — на другом; подобное распределение квалифицируется как злоупотребление правом и служит основанием для оспаривания брачного договора. Например, согласно Определению СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 мая 2020 г. № 78-КГ20–14 [4], брачный договор супругов установил режим раздельной собственности на все совместно нажитое имущество. Фактически это привело к недопустимой конфигурации: все активы (включая жилье) сосредоточились у мужа, а жена после развода осталась без имущества и с детьми. Следовательно, подобные конфигурации договора недопустимы и служат основанием для признания его недействительным вне зависимости от того, касается ли неравенство активов или долгов.

Ключевым критерием добросовестности выступает принцип пропорциональности: распределение долговых обязательств должно коррелировать с разделом имущества [8]. Исключение возможно в случаях, когда объём совместно нажитого имущества кратно превышает размер долга, однако общее правило о недопустимости явного дисбаланса, ущемляющего права кредиторов, остаётся неизменным.

Кроме того, брачный договор не должен ставить одного из супругов в крайне неблагоприятное положение (ст. 44 СК РФ). При оценке данного критерия суды учитывают соразмерность имущественных долей, наличие у супруга самостоятельного дохода и жилья, воспитание детей, нетрудоспособность. Сам по себе неравный раздел не является безусловным основанием для недействительности, однако в совокупности с другими обстоятельствами может им признаваться.

Важно отметить, что момент заключения брачного договора имеет существенное значение. Если долг возник до заключения договора, супруг-должник обязан уведомить об этом кредитора [6]; в противном случае кредитор вправе требовать раздела имущества в общем порядке без учёта условий брачного договора. Для обязательств, возникших после заключения брачного договора, правовая

определённость выше: при условии установления раздельного режима имущества и ответственности, а также при надлежащем уведомлении кредитора о содержании договора взыскание на имущество добросовестного супруга по личным долгам другого супруга, как правило, не допускается.

Основания для оспаривания брачного договора могут быть общими (статьи 10, 168, 170 Гражданского кодекса РФ — недействительность сделки, совершённой с целью, противной основам правопорядка, мнимая или притворная сделка) и специальными, предусмотренными законодательством о банкротстве (статья 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» — подозрительные сделки, совершённые с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов). Кроме того, брачный договор может быть признан недействительным как сделка, совершённая под влиянием насилия, угрозы, обмана или заблуждения (ст. 179 ГК РФ).

Особенно активно брачные договоры оспариваются в делах о банкротстве, когда должник пытается вывести ликвидное имущество из конкурсной массы, передав его супругу на условиях, существенно отличающихся от законного режима совместной собственности. Данный подход подтверждается позицией Верховного Суда РФ, отражённой в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 и в Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан (утверждён Президиумом ВС РФ 18 июня 2025 г.) [1].

Так, в определении ВС РФ указано, что сам по себе брачный договор, изменяющий режим совместной собственности, не является злоупотреблением правом. Для признания его недействительным по статье 61.2 Закона о банкротстве необходимо доказать совокупность условий: совершение сделки в период подозрительности и наличие цели причинения вреда кредиторам. В данном деле договор был заключён за пять лет до возбуждения процедуры банкротства (то есть за пределами трёхлетнего периода подозрительности), а имущество было разделено без дисбаланса и без ухудшения имущественного положения должника. Верховный Суд РФ отказал в оспаривании, подтвердив, что при отсутствии признаков неплатёжеспособности на момент заключения договора и при соблюдении принципа пропорциональности брачный договор не может быть признан недействительным только на том основании, что он изменяет законный режим имущества [2].

Анализ судебной практики и доктринальных подходов позволяет выделить ряд критериев, соблюдение которых снижает риски оспаривания брачного договора и позволяет использовать его в качестве эффективного инструмента защиты от кредитных рисков супруга: 1) отсутствие существенного дисбаланса между распределением активов и обязательств (принцип пропорциональности); 2) заключение договора до возникновения долга или признаков неплатёжеспособности (например, в Определении СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23

мая 2019 г. № 305-ЭС18–25248 отмечено, что ухудшение имущественного положения супруга-должника в результате исполнения брачного договора не влечёт правовых последствий для кредиторов, обязательства перед которыми возникли до заключения такого договора) [3]; 3) добросовестный супруг не знал о неплатёжеспособности другого супруга и не участвовал в сокрытии имущества от кредиторов [7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что брачный договор является эффективным, но не абсолютным инструментом защиты добросовестного супруга от кредитных рисков другого супруга. Его защитный потенциал ограничен рисками оспаривания, особенно в рамках процедур банкротства. Ключевыми факторами, определяющими судьбу брачного договора при оспаривании, выступают момент его заключения (до или после возникновения долга), пропорциональность распреде-

ления активов и обязательств, а также отсутствие цели причинения вреда имущественным правам кредиторов. Договор, заключённый добросовестно и до появления признаков неплатёжеспособности, с высокой вероятностью устоит при оспаривании; договор, направленный на вывод активов, будет признан недействительным.

Для минимизации рисков супругам рекомендуется заключать брачный договор до возникновения кредитных обязательств, соблюдать баланс при распределении имущества и долгов, своевременно уведомлять кредиторов о заключении договора, а также обращаться за квалифицированной юридической помощью при его составлении. Совершенствование семейно-правового регулирования — в частности, уточнение критериев оспаривания и механизма уведомления кредиторов — позволит повысить правовую определённость и обеспечить баланс интересов супругов, кредиторов и государства.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда России от 25.12.2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.05.2020 года № 78-КГ20–14 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.05.2019 г. № 305-ЭС18–25248 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2025 г. N 305-ЭС25–2188 по делу № А40–244083/2022 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Емелина Л. А., Яворский С. А. Последствия применения брачного договора для сокрытия финансовых активов от кредиторов // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 3 (55). С. 48–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-primeneniya-brachnogo-dogovora-dlya-sokrytiya-finansovyh-aktivov-ot-kreditorov> (дата обращения: 19.04.2026).
6. Козлова Н. ВС РФ объяснил, когда брачный договор не защитит супруга от долга [Электронный ресурс] // Российская газета. — 2022. — 29 дек. — URL: <https://rg.ru/2022/12/29/reg-cfo/kuda-priyat-nazhitoe.html> (дата обращения: 18.04.2026)
7. Оспаривание брачного договора: судебная практика за 2024–2025 годы // Юрист компании. — 2025. — 9 июня. — URL: <https://www.law.ru/article/28525-osparivanie-brachnogo-dogovora-sudebnaya-praktika-za-2024-2025-gody> (дата обращения: 17.04.2026).
8. Терещенко Т. А. Сотрудничество как критерий добросовестности [Электронный ресурс] // Закон.ru: информ. портал для юристов. 2020. 5 окт. URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/5/sotrudnichestvo-kak-kriterij-dobrosovestnosti_mozhno_li_trebovat_otkaza_v_udovletvorenii_trebovaniy (дата обращения: 19.04.2026).

Примечание к статье 126 УК РФ: баланс между стимулированием позитивного поведения преступника и защитой прав потерпевшего лица

Эшмаматов Руслан Олимжонович, студент
Государственный академический университет гуманитарных наук (г. Москва)

Настоящая статья посвящена исследованию проблемы содержания примечания к статье 126 УК РФ, являющейся законодательным выражением уголовно-правового компромисса, предусматривающая возможность избежания уголовного преследования и ответственности за похищение человека при условиях добровольного освобождения похищенного и отсутствии иных составов преступления, предусмотренных Уголовным законом. Рассматривается проблема юридиче-

ской коллизии в балансе интересов преступника и потерпевшего. На основе анализа позиций учёных и материалов, обобщающих судебную практику, предлагаются возможные пути законодательных изменений примечания к ст. 126 УК РФ.

Ключевые слова: похищение, уголовно-правовой компромисс, примечание, основополагающие принципы, освобождение от ответственности.

Note to article 126 of the Criminal Code of Russian Federation: balancing between encouraging positive behavior of the criminal and protecting the rights of the victim

Eshmatov Ruslan Olimzhonovich, student
The State Academic University for the Humanities (Moscow)

This article is devoted to the study of the problem of the content of the note to Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is a legislative expression of a criminal law compromise that provides for the possibility of avoiding criminal prosecution and liability for kidnapping under the conditions of voluntary release of the kidnapped person and the absence of other criminal offenses provided for by the Criminal Law. The article examines the problem of legal conflict in the balance of interest between the criminal and the victim. Based on the analysis of the positions of scientists and materials summarizing judicial practice, the article proposes possible ways of legislative changes to the note to Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: kidnapping, criminal compromise, note, fundamental principles, exemption from liability.

Конституция Российской Федерации 1993 г. провозглашает права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, возлагая на государство обязанность по их защите. Ключевое значение занимает право на свободу и личную неприкосновенность, закреплённое в ст. 22 Конституции РФ, выступая одной из нерушимых основ правового государства. Развивая данное конституционное положение, Уголовный Кодекс РФ 1996 г. содержит отдельный состав преступления, определённый диспозицией ст. 126 УК РФ, основным объектом которого выступает конституционное право на свободу человека. Примечание к рассматриваемой статье предусматривает законодательное выражение уголовно-правового компромисса, стимулирующего позитивное посткриминальное поведение виновного лица [1].

В исследуемом примечании законодатель определяет два взаимосвязанных условия, при совокупности которых возможно освобождение от уголовного преследования и ответственности: добровольное освобождение потерпевшего лица и отсутствие в других деяниях виновного иных составов преступления. Данная нормативная конструкция вызывает ряд научных дискуссий в доктрине и правоприменительной практике [2].

В п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» отмечается, что добровольным следует признавать освобождение похищенного человека, при котором виновное лицо осознавало, что у него имелась реальная возможность удерживать потерпевшего, но оно освободило его, в том числе передало родственникам, представителям власти, указало им на место нахождения похищенного лица, откуда его можно освободить [3]. Однако данное разъяснение оставляет значительное число проблемных аспектов без разрешения, а также порождает

целый спектр новых вопросов, требующих всестороннего осмысления.

Прежде всего, остается спорным вопрос о степени учёта законных интересов потерпевшего лица при применении данного примечания, так как при анализе законодательства и рассматриваемого Постановления можно сделать вывод о преимущественном внимании к интересам преступника, что создаёт юридическую коллизию с фундаментальными положениями ст. ст. 2, 52 Конституции РФ.

Схожую озабоченность выражают и другие исследователи так, Т. А. Берш и А. А. Христюк отмечают: «Введение законодателем в Уголовный закон данного примечания несёт лишь благие намерения, но освобождение виновного лица от уголовной ответственности является необоснованно благоприятным результатом преступного поведения» [4].

Вместе с этим в научном дискурсе наблюдается плюрализм мнений по вопросу стимулирования похитителя к освобождению похищенного, а также о содержании исследуемого примечания.

Ряд авторов, среди которых А. А. Казарьянц высказывали предложение об исключении нормы, предусмотренной примечанием к ст. 126 УК РФ, рассматривая её с позиции эффективности, социальной обусловленности, а также принципов уголовного права [5].

Тем не менее, в противовес упомянутой позиции, необходимо акцентировать внимание на том, что законодатель при конструировании анализируемого примечания исходил прежде всего из приоритета жизни и здоровья похищенного, стремясь к максимальной минимизации потенциального вреда, так как предусмотренная возможность освобождения от уголовной ответственности является ключевым детерминантом, побуждающим преступника отпустить потерпевшего. Упразднение же данного

примечания может привести к диаметрально противоположному результату и спровоцировать рост числа убийств при похищении, поскольку виновный при неимении возможности легально избежать ответственности будет прибегать к радикальным мерам, таким как устранение улик, свидетелей и жертв.

В связи с этим, мы согласны с А. Г. Антоновым, и разделяем его подход, заключающийся в законодательном обновлении текста рассматриваемого примечания, вместо его полного исключения из текста Уголовного Кодекса Российской Федерации [6].

Одним из ключевых вопросов является влияние продолжительности незаконного лишения свободы и возможности освобождения от уголовной ответственности. В действующей редакции примечания отсутствует указание на какой-либо временной промежуток, в течение которого оно может применяться. Постановление Пленума Верховного Суда от 24.12.2019 N 58 также не содержит разъяснения относительно временных границ. Учитывая вышесказанное, требуется чёткое определение сроков непосредственно в тексте примечания.

Юридическая доктрина содержит ряд предложений по установлению временных интервалов, варьирующихся от 1 до 7 суток для добровольного освобождения потерпевшего.

На наш взгляд, оптимальным временным ограничением является период не более 3 суток с момента похищения, что подтверждается медицинскими и психологическими исследованиями, согласно которым данный временной промежуток является критическим порогом и порождает необратимые последствия для похищенного

и членов его семьи. Не менее важно, что такого срока более чем достаточно и для самого преступника, а именно для субъективного осмысления преступности своего деяния и к добровольному отказу от его совершения.

Особо важной предстаёт проблема, которую рассматривали ряд исследователей, включая Самокаеву В. В. [1], Макуху А. А. [7], касающаяся отсутствия в примечании ограничений по признаку повторности преступлений, что может приводить к злоупотреблению правом. Так, лицо, которое ранее освобождалось от уголовной ответственности, может совершить ещё одно или несколько похищений и каждый раз добровольно освобождать жертву, юридически вправе рассчитывать на повторное освобождение от уголовной ответственности. На наш взгляд, во избежание таких ситуаций необходимо уточнить, что примечание к ст. 126 УК РФ не должно распространяться в случаях, когда лицо ранее освобождалось от ответственности за аналогичное преступление, а также при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных частями 2 и 3 исследуемой статьи.

Обобщая изложенное, необходимо вновь отметить, что примечание к ст. 126 УК РФ требует законодательного обновления для устранения противоречий с фундаментальными конституционными положениями, гарантирующими приоритет прав и свобод человека и гражданина. Реализация данных предложений позволит достичь баланса между стимулированием позитивного посткриминального поведения преступника и обеспечением справедливой защиты законных интересов потерпевшей стороны, а также внесёт ясность в правоприменительную практику.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N 58 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»
3. Антонов А. Г. Специальное основание освобождения от уголовной ответственности при похищении человека // Человек: преступление и наказание. — 2010. — № 4.
4. Берш Т. А., Христюк А. А. Проблемы применения специального основания освобождения от уголовной ответственности за похищение человека // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. 2021. Т. 12, № 4.
5. Казарьянц А. А. Борьба с захватом заложника (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. — Сев.-Кавказ. науч. центр высш. шк., 2004. С. 28.
6. Макуха, А. А. Освобождение от уголовной ответственности за похищение человека: некоторые проблемы применения примечания к статье 126 УК РФ / А. А. Макуха. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 24 (419). — С. 241–243. — URL: <https://moluch.ru/archive/419/93042>.
7. Самокаева В. В. Проблемы применения примечания к статье 126 УК РФ и пути их устранения // Международный журнал гуманитарных наук. 2024. Т. 5–4 (92). С 266–268.

ИСТОРИЯ

Удмуртская женщина XVII века: социокультурный аспект (на примере Каринской и Чепецкой земель)

Бегишева Анастасия Сергеевна, студент магистратуры

Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В. Г. Короленко (Удмуртская Республика)

В статье автор исследует положение и статус удмуртской женщины XVII века через социокультурный аспект. Подробно рассматривается представление о женщине в культуре и мифологии удмуртского народа. Автор подчёркивает, что женщина в удмуртском обществе XVII века пользовалась большим авторитетом. Подчеркивается необходимость изучения истории и культуры удмуртского народа.

Ключевые слова: удмурты, женщина, язычество, христианство, Шунды-мумы, Толзэ-мумы, Дьыркышет, воршудно-родовой строй.

К XVII веку в состав Российского государства вошли такие земли Урало-Поволжья как: Пермь Великая, Вятская земля, Казанское ханство. Прежде отдельные, независимые государства стали частью единой Русской земли, а народы, на них проживающие, стали считаться российскими народами, сохранив при этом свою национальную независимость. Удмурты, татары, бесермяне, коми-пермяки были коренными народами этих земель. Женщины Российского государства всегда славились своей отвагой и красотой. Но российские женщины — это не только русские, но и удмуртки, татарки, бесермянки, коми-пермячки. В настоящей статье речь пойдёт именно об удмуртских женщинах XVII века. На данный момент есть много исследований историков и этнографов, например, И. Н. Смирнова «Вотяки», В. Е. Владыкина «Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов», М. Г. Худякова «Пережитки группового брака и матриархата в Поволжье: (У мари и удмуртов)», М. В. Гришкиной «Удмурты: Этюды из истории IX — XIX вв.», посвящённых удмуртам и их земле. Есть работы и об удмуртских женщинах, например, исследования Г. К. Шкляева «Очерки этнической психологии удмуртов», Н. С. Христолюбовой «Женщина в удмуртском обществе XVIII — начала XXI вв.», М. В. Ившиной «Статус женщины в традиционном удмуртском обществе XIX — начало XX века».

В целом, вышеперечисленные авторы представляют себе удмуртскую женщину как заботливую жену, мать, прекрасную хозяйку и рукодельницу с высоким правовым статусом. В личной жизни удмуртка была свободной. Никто не ставил ей в вину, если она приходила в семью мужа не девственницей или даже с ребёнком, наоборот, такие пользовались уважением. Удмурты очень уважали

и почитали своих женщин, о чём свидетельствует и женский пантеон богинь-прародительниц. Но все они касаются периода XVIII — XXI веков, а об удмуртской женщине XVII века трудов нет, мы о ней ничего не знаем. Всё дело в скудости источников. Русские учёные начали изучать коренные народы Урало-Поволжья только в XVIII веке, до этого времени источников нет, точнее они есть, но их очень мало, и они не касаются конкретно жизни и статуса удмуртки в обществе того времени. Но мы всё-таки собрали данные сведения, систематизировали их и получили образ удмуртской женщины XVII века.

Эта тема важна, так как наша страна многонациональная, и многие народы, к сожалению, сейчас мало знают о своей истории и культуре.

С этой целью правительство делает всё для поддержания национального самосознания коренных народов России. Указом Президента Российской Федерации от 25.12.2025 № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России» настоящий 2026 год объявлен годом народов России [4]. История и культура удмуртского народа должна изучаться, так как современные удмурты имеют мало представлений о своей истории и языческих верованиях и праздниках.

Удмурты (вотяки, отяки, воть, отяцкая чудь) жили в Казанском Ханстве — «южные» и, так называемой «Вятской земле», — «северные» и были окончательно присоединены к Московскому государству в XVI веке [9]. С XIV века по XVII век — период активной русской колонизации. Русские активно заселяют и осваивают новые земли. Татарские мурзы и русские воеводы под протекторатом Москвы начинают владеть удмуртскими землями, из-за чего в районе Каринского стана и Верхней Чепцы происходят

выступления удмуртов [1, с. 168]. Именно из челобитных и переписей этих мест мы узнаём о положении удмуртских женщин того времени.

В Каринской и Чепецкой землях женщины-удмуртки, как и мужчины-удмурты, даже дети, чаще всего были в кабале у татар, которые отбирали их земли и заставляли их работать на себя [6, с. 101, 122–123]. Татары воровали удмуртских девушек и насильно брали их в жёны, такие случаи были нередки. Из чего можно сделать предположение, что удмуртки были привлекательными, здоровыми и работающими. Удмуртская община защищала своих женщин, так они даже писали Московскому царю, чтобы им отдали обратно удмуртских девушек, которые жили с татарами, или были их жёнами насильно. Из этого следует, что удмуртская женщина была ценна для своего общества, а вопрос девственности не волновал удмуртов, как это было, например: у русских [6, с. 101–103]. Просьбы удмуртов такого плана были удовлетворены Московским царём: девушек и женщин возвращали обратно в удмуртское общество [6, с. 104]. Одним из таких примеров служит конкретный случай с удмуртской девицей Панькой Есекеевой: в 1683 г. её умыкнул (похитил) каринский татарин Ахмат Дюняшев, держал у себя дома, насиловал, хотел взять в жёны. Удмурты вступились за свою соплеменницу, написали челобитную русскому правительству, просили девку вернуть. Самым главным предлогом в данном случае было то, что татарин чужой веры, поэтому они не могут позволить своей девушке перейти в мусульманскую веру и выйти замуж за чужого. Какой веры были сами удмурты: христианской или языческой в данном документе не указано. Но известно, что в XVII веке многие удмурты были язычниками, и принимали христианство только ради того, чтобы получать льготы от русского правительства [6, с. 353–354]. Примечательно, что первую челобитную в Приказную избу написала мать девушки — Ботка Екеева, что означает равное положение женщины в удмуртском обществе. Из того, что в документе указано, что женщина была женой, а не вдовой, следует, что и замужняя женщина имела право голоса в обществе, а не только вдова, которая берет на себя все бразды правления семейством. Челобитная женщины была удовлетворена, суд состоялся, татарина осудили, а девушку отдали матери. Позже она вышла замуж за удмурта, Келдиша Коемова. Целью этой челобитной было недовольство удмуртов тем, что татарин так и не понёс наказания. То есть девушку отпустили, а наказания за её надругательство не последовало. [6, с. 105]. С честью удмуртки не считались татарские наместники и русское правительство, но она была нужна для своего народа, её «порченную» не осуждали свои, она не стала изгоем в обществе и даже вышла замуж за своего соплеменника. Это говорит о ценности удмуртской женщины в своём обществе.

Кроме того, что татары «имали» удмуртских девушек, они ещё могли и подговаривать их убежать с ними, то есть некоторые удмуртки сами влюблялись в татар и могли уходить с ними, что говорит о их смелости [6, с. 120].

Иногда татары — отцы подговаривали своих сыновей похищать удмуртских девушек и насильно брать их в жёны [6, с. 142–143].

Бывало, что судьбой удмуртской девушки распоряжались русские наместники воеводы, например, в 1636 году дочь вдовы Марицы Голубихиной русский воевода Иван Кожин отдал насильно за кого-то замуж [6, с. 384–386].

Был случай, когда русский стольник и воевода Андрей Леонтьевич Римский-Корсаков не разрешал жениться удмуртам во второй раз после смерти первой жены или выдавать замуж своих дочерей без его позволения. Об этом и о других его бесчинствах они и подали челобитную царю в 1694 году. [6, с. 403–406]. То есть положение удмуртской женщины для русских было равным с удмуртским мужчиной.

Иногда удмуртская женщина могла понести наказание вместе с мужем за его преступление. Так случилось с женой Тукташа Зямбаева: за то, что он грабил своих соплеменников и наносил им разорение, будучи в должности подъячего, его отправили закованного со своими злоумышленниками в Москву. А жену его с детьми держали в Приказной избе, скованными, до его возвращения, что подтверждается и царской грамотой от февраля 1698 года [6, с. 125–129]. То есть удмуртская женщина наравне с мужем несла наказание за его преступление. Можно предположить, что это было сделано русским правительством, чтобы женщина не подняла бунт за мужа. То есть женщина имела вес в удмуртском обществе, с её мнением считались.

Женщина-удмуртка вместе со своим мужем и детьми не была освобождена от телесных наказаний со стороны татарских служилых людей. [6, с. 391–393].

Примечательно, что в XVII веке, уже при русском правительстве, удмуртская женщина имела право на землю после смерти мужа, причём, право на землю сохранялось за удмурткой даже после того, как она выходила второй раз замуж. Наглядный пример: вдова Марица Идеговская, жена Семёнова, такие случаи были редки, но встречались в писцовых книгах [11].

Как уже было сказано выше, удмурты неохотно принимали христианство. В XVII веке они ещё сохраняли языческие верования. Иногда были двоеверными, то есть были и христианами, и язычниками. Примечательно, что такая тенденция сохраняется до сих пор в некоторых деревнях. Так, из опроса жителей деревни Золотарёво Глазовского района, автора статьи, следует, что удмурты до сих пор знают своих языческих божеств, а в самой деревне даже сохранилось святилище «квала».

О почитании женщины в удмуртском обществе, её высоким статусе говорит целый пантеон женских божеств. Хотя эти божества относятся к низшим в мифологической иерархии, они напрямую связаны с космологическими мифами, в которых отражены главные явления природы. Одним из главных божеств у удмуртов считается *Ин-Мумы* (Мать неба). Одновременно с ней существуют и другие важные божества, связанные с небесной стихией: *Шунды-мумы* (Мать-солнце или Мать-солнца) — раньше

ассоциировалось с женским началом, позже солнце стало ассоциироваться с мужским началом, а *Шунды-мумы* стала его матерью, которая следит за тем, чтобы солнце вовремя восходило и заходило. Женское начало позже стало ассоциировать другое божество — *Толэзь-мумы* (Мать-луна) или *Толэзь-анай* (Мать месяца). Она была покровительницей женщин. Известный узор «толэзь» (лунный) или *толэзпужы* вышивался на свадебных девичьих рубахах как оберег [3, с. 70]. Выглядел такой узор, как красный шестигранный крест. Олицетворял одновременно культ поклонения Луне у удмуртов и женское начало [4, с. 62–63]. Примечательно, что сейчас данный знак изображён на флаге Удмуртской республики. *Гудыри-мумы* — мать грома отвечала за небесную сферу. *Инву-мумы* — мать небесной воды, почиталась удмуртами с давних времён во время родового или семейного молений. Во время моления этому божеству исполнялась мелодия поисков небесной воды (*Инву утча гур*), примечательно, что её на Великих гусях играла женщина (гусярша). *Инву-мумы* обеспечивала благополучие рода и семьи [3, с. 71]. *Ву-мумы* — мать воды божество, олицетворяющее стихию воды. Музье мумы — мать земли, *Пужмер мумы* — мать инея и ветра [3, с. 101].

Хозяйкой потустороннего мира была злая старуха *Египеча*, из чего можно сделать предположение, что пожилые женщины в удмуртском обществе ассоциировались со всем потусторонним [3, с. 77]. Подобно ей существовала *Кукри-баба* наподобие русской Бабы-Яги [3, с. 99].

Сведений о поклонении удмуртов более древним зооморфным женским божествам, таким как *Обида* и *Колтак-мумы*, не сохранилось, хотя они имели важное значение в удмуртской культуре [3, с. 95].

Обида традиционно ассоциируется с лешим, только в женском облики: это лохматая женщина, вся покрытая шерстью, с большой грудью [3, с. 99].

У удмурток были свои покровители в животном мире: корова (её голову и ноги обычно «дали» умершей матери на 3, 5, 10, 20-й годы после её смерти) [3, с. 83]. Лошадь (*вало-вало*, конь-лошадь) — считалась талисманом, оберегом от злых духов, обитателей подземного мира. В то же время конь выступал символом потустороннего мира, воды и символом женщины. То есть женщина у удмуртов была связана со всем потусторонним. Изображение конских головок (*вало-вало*) встречалось на вышивке женских нагрудников — *кабачи*. Оно представляло собой две головы лошади, соединённые вместе, и олицетворяло лошадь верхнего мира и лошадь водную (подземную). Иногда кони изображаются по бокам женской фигуры [3, с. 93]. *Вало-вало* изображался на полотенцеобразном свадебном платке — *дыркышете*, что означало пожелание невесте счастливого пути. Сам *дыркышет* являлся обязательным атрибутом головного убора невесты [2].

Девушка в удмуртской культуре часто ассоциировалась с птицей, а точнее, с уткой, гусем, лебедем: о чём говорят такие узоры на женской одежде, чаще свадебной, как «*чож бурд пужы*» — утиные крылья, «*курег пыд*» — гу-

синые лапки, «*зазег пынь*» — гусиные зубки, «*юсь*» — лебедь и «*юсь пуз*» — лебединое яйцо. Вышеперечисленные птицы считались священными и употреблялись в обрядовой пище. Примечательно, что от названий этих птиц образовались удмуртские женские имена. Эти имена указывали на родовую принадлежность женщины [2].

Можно приводить ещё множество примеров олицетворения женщины с животными и птицами, но они рассчитаны на большую исследовательскую работу. Здесь мы привели самые главные, на наш взгляд.

В XVII веке у удмуртов существовал воршудно-родовой строй, который сохранялся у них вплоть до середины XX века [7, с. 54] Воршудное божество или *воршуд* — родовое божество, являлся родоначальником рода или родоначальницей, так как *воршуд* — имя женское [8, с. 18, 35]. Это ещё раз подтверждает равное положение мужчины и женщины в удмуртском обществе. Воршудам молились обычно в особом помещении — «*квале*». В углу данного сооружения ставили воршудный короб, куда складывали кости и кожу принесённых в жертву животных [8, с. 18–20]. Также *воршуд* мог быть знаком рода или его эмблемой [8, с. 22, 24].

Некоторые воршудные божества были посвящены ещё прабабкам самых старших женщин дома — основательниц этого дома, как отдельного хозяйства [8, с. 36]. То есть женщина могла владеть землёй в удмуртском обществе. Женщина приходила в семью с воршудом своей матери. Однако на следующий день после свадьбы, со специальными обрядами по этому поводу, принимала воршуда семьи своего мужа [8, с. 36]. Примечательно, что *воршуд* — это род, относящийся только к поколениям женщин, что ещё раз подтверждает большую роль женщины в жизни рода и семьи. Мужчина называл свою жену по имени воршуда.

Всего существовало примерно 50 воршудов. Так как воршуды связаны главным образом с женщинами, можно предположить, что их культ сформировался при матернитете. Матернитет или полиандрия (многомужество) существовал некоторое время у удмуртов, в связи с недостатком женщин и с запретом мужчинам заключать браки в своём роде. Тогда женщина была в большом почёте и имела сразу несколько мужей. В то время родство учитывалось по женской линии. Происхождение в таком случае велось только по женской линии [7, с. 67]. С падением матернитета, удмурты придумали альтернативный вариант: мальчиков стали называть по имени отца (отчеству), девочек — по имени матери (материнству) [7, с. 68].

Воршудно-родовая система общества одновременно как защищала права женщины, делала её значимой для народа, так и стирала её индивидуальность. Удмуртка не могла самостоятельно жить вне рода, она сливалась с ним в одно целое.

В XVII веке большая семья начинает распадаться на малую, при этом воршудно-родовой строй сохраняется. Такая семья состояла: из главы семейства отца — *кузё*, жены — *кузё кышно* и их детей [5, с. 89].

Таким образом, женщина в удмуртском обществе XVII века пользовалась большим авторитетом. Несмотря на господство мужчины, она была равна ему, а в хозяйственной сфере и выше его по положению. Воршудно-родовой строй, сложившийся из системы почитания родовых женских имён божеств, сформировался во время материнства.

Он охранял права женщины и её высокий статус от притеснения со стороны русских и татарских наместников, злоупотреблявших своими полномочиями. Самостоятельный пантеон женских божеств подтверждает высокий социальный статус представительниц прекрасного пола в удмуртской культуре и их связь с потусторонним миром.

Литература:

1. Атаманов М. Г. По следам удмуртских воршудов. — Ижевск, изд. «Удмуртия», 2001. URL: [https://elibrary.unatlib.ru/web/viewer.html?dsfile=23b6527d-3d8d-453f-a7ac-1514380aa10c&dstitle=По %20следам %20удмуртских %20воршудов](https://elibrary.unatlib.ru/web/viewer.html?dsfile=23b6527d-3d8d-453f-a7ac-1514380aa10c&dstitle=По%20следам%20удмуртских%20воршудов) (дата обращения: 05.01.2026).
2. Виноградов С. Н. Удмуртские народные узоры и значение их названий. URL: https://www.iz-article.ru/uzor_1.php (дата обращения: 05.01.2026).
3. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. URL: [https://elibrary.unatlib.ru/web/viewer.html?dsfile=a3400066-a1a5-4362-824e-52f05d0fcf29&dstitle=Религиозно-мифологическая %20картина %20мира %20удмуртов](https://elibrary.unatlib.ru/web/viewer.html?dsfile=a3400066-a1a5-4362-824e-52f05d0fcf29&dstitle=Религиозно-мифологическая%20картина%20мира%20удмуртов) (дата обращения: 05.01.2026).
4. Владыкин В. Е. Удмуртская мифология. — Ижевск, 2003. URL: [https://elibrary.unatlib.ru/web/viewer.html?dsfile=b0761fda-3a12-422a-9dc1-073cd475c068&dstitle=Удмуртская %20мифология](https://elibrary.unatlib.ru/web/viewer.html?dsfile=b0761fda-3a12-422a-9dc1-073cd475c068&dstitle=Удмуртская%20мифология) (дата обращения: 05.01.2026).
5. Владыкин В. Е. Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов. — Ижевск, изд. «Удмуртия», 1997. URL: [https://elibrary.unatlib.ru/web/viewer.html?dsfile=7901d3bf-74fe-4182-a0ad-953058a064f7&dstitle=Этнография %20удмуртов](https://elibrary.unatlib.ru/web/viewer.html?dsfile=7901d3bf-74fe-4182-a0ad-953058a064f7&dstitle=Этнография%20удмуртов) (дата обращения: 05.01.2026).
6. Луппов П. Н. (сост.) Удмурты в XV-XVII веках. Документы по истории Удмуртии XV-XVII веков. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/J1fdmq5Paqx_hbE5RSL8mDTnjyqgsaCvnHmtH8amcTHsBDIaH8sONi47De3A8qkN-XPd5PZc92VNMWeqgFI0P7Vf4rsp3AIm08QDnTf7rAIP3-i8RxBQ/Udmurty_v_XV-XVII_vekakh_1958.pdf (дата обращения: 05.01.2026).
7. Максимов В. А. Вотяки. -Изд. Удкига, 1925. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/web/viewer.html?dsfile=cacfa6cd-9847-4535-b5b0-235774387ed9&dstitle=Вотяки> (дата обращения: 05.01.2026).
8. Первухин Н. Г. — Вятка, изд. Губернская типография, 1888. URL: [https://elibrary.unatlib.ru/web/viewer.html?dsfile=98d25b55-36a3-4ed5-8f6b-495644a76c53&dstitle=Эскизы %20преданий %20и %20быта %20иноподцев %20Глазовского %20уезда. %20Эскиз %201 %20: %20Древняя %20религия %20вотьяков %20по %20ее %20следам %20в %20современных %20преданиях](https://elibrary.unatlib.ru/web/viewer.html?dsfile=98d25b55-36a3-4ed5-8f6b-495644a76c53&dstitle=Эскизы%20преданий%20и%20быта%20иноподцев%20Глазовского%20уезда.%20Эскиз%201%20: %20Древняя%20религия%20вотьяков%20по%20ее%20следам%20в%20современных%20преданиях) (дата обращения: 05.01.2026).
9. Повесть о земле Вятской. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C_%D0%BE_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5_%D0%92%D1%8F%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%9B%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D (дата обращения: 05.01.2026).
10. Указ Президента Российской Федерации от 25.12.2025 № 962 «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512250003?ysclid=mkwsnj0a1z652656893> (дата обращения: 05.01.2026).
11. Чураков В. С. (автор-сост.). Удмуртское Прикамье по писцовым описаниям и подворным переписям XVII — начала XVIII веков [Электронный ресурс] — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009. л. 592. URL: <https://udmcensus.narod.ru/> (дата обращения: 05.01.2026).

Этническая пресса Таврической губернии

Иконникова Марина Виталиевна, студент

Крымский инженерно-педагогический университет имени Ф. Я. Якубова (г. Симферополь)

В статье автор исследует историю этнической прессы Таврической губернии XIX — начала XX века. Рассмотрены основные периодические издания на армянском, крымско-татарском, еврейском и караимском языках. Особое внимание уделено таким изданиям, как армянские журналы «Голубь Масиса», крымскотатарская газета «Терджиман», еврейское издание «Молот», а также караимские «Известия караимского Духовного Правления».

Ключевые слова: этническая пресса, Таврическая губерния, крымскотатарская печать, армянские издания, еврейская пресса, караимские журналы, периодические издания.

Актуальность. История периодической печати в Таврической губернии является актуальным исследовательским направлением. Изучение этнической прессы Таврической губернии представляет значительный интерес для понимания историко-культурных процессов в многонациональном регионе. Изучение периодики позволяет проследить становление и особенности местной прессы, а также ее роль в формировании региональной идентичности.

В истории дореволюционной периодической печати Таврической губернии особое место занимает этническая пресса. Первым этническим печатным изданием в Феодосии был журнал «Радуга». Появилось это издание в 1860 г. при армянском Халибовском училище.

Халибовское училище, основанное Г. Айвазовским, было открыто в октябре 1858 года. Свое название оно получило в честь попечителя заведения, Арутюна Халибова. Первоначально оно размещалось в частном доме братьев Алтунчян, а в октябре 1862 г. переехало в здание, построенное на окраине Феодосии на средства Халибова. В Халибовское училище принимались юноши армянской национальности из разных городов и государств. Общий курс обучения составлял 6 лет, а преподавались здесь все науки, которые входили в общий состав гимназического курса, также изучали русский, французский, армянский и турецкий языки. Также изучались основы правоведения в сфере экономике и торговли, бухгалтерский учет. 19 мая 1859 г. при училище открылась первая армянская типография в Крыму, в которой печаталась учебная и художественная литература [2, с. 294].

В Феодосии журнал выходил ежемесячно на русском и французском языках под названием «Радуга» или «L'arc-en-ciel» и на армянском языке под названием «Голубь Массиса». С 1861 г. армянская часть стала выходить два раза в месяц [2, с. 294].

Журнал охватывал широкий спектр тем: от епархиальных новостей и жизни училища до экономического положения Таврической губернии. Особое внимание уделялось древней армянской письменности, археологии и истории Армении. Публиковались материалы с ныне утраченными эпиграфическими надписями и описания сохранившихся древних памятников [5, с. 37].

Журнал прекратил свое существование в 1865 г. по финансовым причинам, а из-за недостаточного финансирования в 1871 г. перестало функционировать и Халибовское училище.

10 апреля 1883 г. в Бахчисарае был напечатан первый номер газеты на крымско-татарском и русском языках «Терджиман» (Переводчик). Выпуск газеты совпал с началом нового периода национально-освободительного демократического движения крымских татар (1880–1905 гг.) Наиболее ярким представителем этого движения стал ре-

дактор «Терджимана» — выдающийся крымско-татарский просветитель Исмаил бей Гаспринский, которому долгих четыре года пришлось бороться за право издания газеты на родном языке.

Периодичность издания устанавливалась один раз в неделю, подписная цена — 4 рубля в год, 2,5 рубля на полгода.

У «Терджимана» было несколько приложений, в 1886 г. как бесплатное приложение к газете 2 раза в неделю выходил «Листок объявлений». Это издание печаталось значительным тиражом, более 1000 экземпляров, и бесплатно распространялось во многих населенных пунктах губернии, а также рассылалось во все губернские учреждения, банки гостиницы и т. д. По данным В. Ганкевича, с 7 января 1886 г. вышло 53 номера этого приложения [5, с. 39].

Значение первой крымско-татарской газеты невозможно не переоценить: она стала своеобразной энциклопедией социокультурной жизни крымских татар конца XIX века. И. Гаспринский кроме вопросов общественно-политической и экономической жизни мусульман России, уделял значительное внимание вопросам сельского хозяйства, светской жизни, медицины, воспитания, благотворительности, развития науки.

Тематику статей «Терджимана» можно классифицировать следующим образом: сельское хозяйство; криминальная хроника и вопросы нравственности; практические советы и гигиена; научно-технический прогресс, товары и услуги; благоустройство и светская жизнь Бахчисарая.

В начале 1906 г. И. Гаспринский начинает издавать в Бахчисарае юмористический еженедельник на крымско-татарском языке «Ха-ха-ха». В программу этого издания входила публикация критико-сатирических очерков мусульманской жизни в прозе и стихах, анекдотов всех народов и времен, обозрение явлений общественной жизни, главным образом мусульман, карикатуры из быта мусульман и карикатуры из сатирических журналов разных народов, а также публикация объявлений.

В мае 1906 г. в Карасубазаре начинает выходить крымскотатарское издание «Ватан Хадими» («Работник Родины»). Эта газета выходила 4 раза в неделю, а с 1917 г. — дважды в неделю. Подписная цена издания составляла 5,50 руб. в год.

С 27 июня 1917 г. в Симферополе начала выходить ежедневная газета «Миллет» и стала одним из самых авторитетных изданий того периода. Ее редактором был Асан Сабри Айвазов. Первоначально газета «Миллет» была официальным органом Крымского Мусульманского Исполнительного Комитета, а затем национального правительства Крыма [1, с. 128].

Появление первых еврейских изданий в Крыму в 1906 г. не было случайным: 17 октября 1905 г. царским манифе-

стом была отменена цензура, являвшаяся долгое время непреодолимым препятствием для печатного слова негосударственных народов Российской империи. Благодаря общественному подъему во время первой русской революции число русско-еврейских изданий достигло к середине 1906 г. рекордной для России цифры — 17 [3, с. 35].

В результате обретения гражданских свобод и на крымском полуострове были открыты: в Симферополе В. Спиро — журнал «Молот», в Ялте — А. Я. Гофштейн-Левентон — журнал «Молодая Иудея» [6, с. 111–115].

Активное участие еврейских партий в общественно-политической жизни Крыма стимулировало появление национальных изданий. Так, 23 июля 1917 года в Феодосии вышел первый номер газеты «Вестник Феодосийской организации, объединенной еврейской социалистической партии», редактором которой стал Ф. Чиринский. Кроме того, на полуострове распространялась газета «Наше слово» — орган членов Бунда, издававшийся в Екатеринославе (ныне Днепр) в 1917–1918 годах [4, с. 563].

К концу 1919 года Крым занял позицию одного из ведущих центров российского сионизма. Причиной тому послужила уникальная возможность легальной эмиграции евреев в Палестину, которая была доступна исключительно через крымские порты. Укрепление позиций сионистских организаций Крыма отразилось и в создании новых печатных органов. На протяжении 1919 г. в Керчи выходил «Бюллетень Керченского комитета сионистских организаций». С августа 1919 г. в Симферополе Палестинским эмигрантским бюро (бюро для регистрации евреев, желающих переселиться в Палестину) при Временном Мерказе (Совете) Сионистской организации в Таврии начал издаваться «Бюллетень Палестинского эмигрантского бюро».

Редакция бюллетеня находилась в Симферополе, на ул. Петропавловской, 3. Ответственными редакторами были заявлены М. С. Жак и Б. М. Эйшлин. В программу издания вошли: 1) сообщения о положении Палестины; 2) сведения о деятельности эмиграционного бюро и его отделений; 3)

информация о деятельности Палестинских организаций; 4) распоряжения и циркуляры по вопросам эмиграции; 5) прочие сообщения по вопросам переселений [6, с. 205].

Начало XX в. стало настоящим «золотым веком» для караимов, которые всегда играли заметную роль в истории полуострова. Одним из главных показателей этого национального возрождения явилось открытие караимских изданий, рассматривавших проблемы национального прошлого и будущего, национальной религии, национального образования и культурной жизни. Это были журналы «Караимская жизнь», «Известия караимского Духовного Правления».

«Известия» должны были стать ежемесячным изданием, выходящим дважды в месяц. Однако реальность гражданской войны внесла свои коррективы. С 20 мая 1917 года по февраль 1919 года читатели увидели лишь 9 номеров: шесть в 1917 году (включая спаренный № 5–6), два в 1918 году и всего один в 1919 году [6, с. 40].

Подводя итоги нашего обзора, можно заключить: конец XIX века стал для Крыма периодом бурного развития этнической прессы. В Таврической губернии начали активно открываться различные учебные заведения, в том числе национальные, а также редакции газет. Армянская и крымскотатарская периодика послужили просвещению читателей газет, заложили прочную основу для дальнейшего развития этнической прессы. Еврейская пресса, а именно издания «Молот», «Бюллетень Керченского комитета сионистских организаций», «Вестник еврейской жизни», вносила вклад в борьбу за гражданские права и политическое равноправие евреев, а также поддерживая еврейские политические организации. Караимская пресса в Таврической губернии, будучи представленной прежде всего газетой «Известия Караимского Духовного Правления» и другими, менее продолжительными изданиями, играла значимую роль в сохранении и развитии караимской культуры, языка, и самосознания в условиях сложных политических и социальных изменений начала XX в.

Литература:

1. Керимов, И. А. Крымскотатарская периодическая печать довоенного времени / И. А. Керимов // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы КИПУ. Т. 1. — Симферополь, 2011. — С. 448–456.
2. Кондратская, В.Л., Сидоренко, И. П. Пресса Крыма сто лет назад // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2012. № 4. С. 291–296.
3. Краткая еврейская энциклопедия. — Иерусалим: Центр по исследованию и документации восточноевропейского еврейства, Еврейский университет в Иерусалиме, 1988. — Т.4. — С. 599–600; Евреи в Крыму / Краткий очерк иудейских общин Крыма / Сост. Ю. М. Могаричев, И. И. Вдовиченко. — Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. — С. 35.
4. Литература о евреях на русском языке, 1890–1947: книги, брошюры, оттиски статей, органы периодической печати: Библиографический указатель / Составитель В. Е. Кельнер, Д. А. Ельяшевич; Ред. М. А. Бенина. — Санкт-Петербург: Академический проект, 1995. — 670 с.
5. Хоменок, О. С. Дореволюционная периодическая печать Таврической губернии (1838–1916). Очерк истории и библиографический указатель. Одесса: Бахва, 2003. — 177 с.
6. Яблонувська, Н. В. Етнічна преса Криму: історія та сучасність. Монографія / Н. В. Яблонувська. — Симферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво, 2006. — 312 с.

Театральная жизнь Севастополя в 1917–1920 гг.

Першикова Евгения Максимовна, студент

Крымский инженерно-педагогический университет имени Ф. Я. Якубова (г. Симферополь)

В статье автор исследует театральное развитие в Севастополе в период гражданской войны 1917–1920 гг. При этом подчеркивается, что, несмотря на трудности, культурная жизнь в городе развивалась.

Ключевые слова: севастопольский театр, развитие театрального искусства, труппа, выступления знаменитых актеров.

Актуальность темы исследования: изучение истории становления и развития театральной жизни в Севастополе является актуальным сегодня, поскольку способствует восполнению пробелов в историографии, сохранению культурного наследия города, пониманию его истории.

Несмотря на богатую и насыщенную историю театральной жизни города, эта тема остаётся недостаточно изученной, многие её аспекты, включая репертуарную политику, влияние исторических событий и вклад отдельных деятелей, требуют дальнейшего анализа и осмысления.

Театр является неотъемлемой частью социокультурной динамики города, отражает его идентичность и роль в общероссийском культурном пространстве, формирует общественное мнение и эстетические предпочтения различных поколений. Анализ развития театрального искусства неразрывно связан с историей самого Севастополя, его социально-политической жизнью и экономическим развитием, что позволяет глубже понять историю города и его место в истории России. Кроме того, изучение исторического опыта развития театра в Севастополе может быть полезно для понимания современных тенденций и проблем в театральной сфере. Наконец, данная работа способствует сохранению исторической памяти о людях и событиях, значимых для культурной жизни Севастополя, что особенно важно в условиях современных вызовов и переосмысления истории, а также формирует у читателей уважение к культурному наследию, патриотизм и интерес к истории родного края.

Для всей страны 1917 г. вновь был ознаменован политическими потрясениями, повлекшими за собой гибель Империи, падением самодержавия и первыми шагами власти пролетариата. Не обошла эта участь и провинциальный Крым. Севастополь, будучи военно-морской базой, принимал в событиях 1917 г. самое непосредственное участие. В декабре 1917 г. в Севастополе большевики в коалиции с левыми партиями пришли к власти.

Накал политических страстей вызвал перемены во всех сферах жизнедеятельности севастопольского общества. Несмотря на беспокойную обстановку в стране, летом 1917 г. семья Шаляпиных по традиции отправилась в Крым.

Лето того года оставило яркий след как в биографии Фёдора Шаляпина, так и в истории Крыма. В. Дмитриевский отмечал, что в то время на севастопольском рейде стояло множество военных кораблей, включая леген-

дарный крейсер «Алмаз», известный своими революционными настроениями. Эта ситуация вдохновила известного театрального режиссёра Вениамина Ивановича Никулина, отдыхавшего в Севастополе, на организацию масштабного концерта с участием военных моряков и сольным выступлением Шаляпина. Никулин лично приехал к певцу на Южный берег, чтобы предложить эту идею и убедить его принять участие [10, с. 120].

Концерт, задуманный как благотворительное мероприятие в поддержку раненых на фронтах и жертв революции, требовал тщательной подготовки. В течение двух недель Фёдор Шаляпин лично посещал военные корабли, отбирая моряков для участия в хоре [7]. Р. Смольговская, ссылаясь на воспоминания матроса Фёдора Анастасюка, участника концерта, пишет, что Шаляпин лично приглашал моряков, любящих петь, присоединиться к хору, и репетиции начались незамедлительно. 11 июля 1917 года на Приморском бульваре состоялся грандиозный концерт, в котором приняли участие более трёхсот черноморцев, а Шаляпин исполнил свои лучшие произведения. Мероприятие собрало огромное количество зрителей, казалось, что весь Севастополь и крымское побережье съехались на бульвар. В знак благодарности моряки подарили Шаляпину бескозырку и тельняшку, о чём певец позднее рассказывал писателю Льву Никулину, упоминая, как надевал бескозырку и с радостью выступал в матросской рубашке [10].

30 января 1918 г. в Севастополе состоялся чрезвычайный Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В его работе принимали участие представители крестьянских депутатов и военно-революционных комитетов Таврической губернии. Решением съезда за Симферополем было закреплено положение административного центра губернии. Кроме этого, был избран Таврический центральный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. За Севастополем по-прежнему оставалась главенствующая роль как военного стратегически важного объекта [8, с. 11].

Но советская власть в Крыму продержалась недолго. Овладев Перекопом весной 1918 г., германские войска вошли на полуостров. 1 мая 1918 г. Севастополь был оккупирован германскими войсками, где концентрировались основные силы интервентов в Крыму. Здесь была расположена база их военного флота, сюда приходили военные корабли, транспорты с оружием и боеприпасами. В начале декабря 1918 г. в Севастополе были высажены английский

(500 чел.), французский (около 3 тыс.) и греческий (2 тыс.) десантные отряды. В декабре 1918 г. в городе насчитывалось около 5,5 тыс. сухопутных войск интервентов, не считая личного состава кораблей [9, с. 93].

Тяжелой в городе была ситуация с продовольствием. В ноябре 1918 г. в связи с недостатком хлеба, продовольственный отдел севастопольской городской управы решил уменьшить порцию хлеба, выдавая на человека по полфунта в день. Рыночные цены на продукты поднялись до небывалых размеров.

После ухода германской эскадры в апреле 1918 года, советско-французское управление продержалось в Севастополе недолго. Уже в июне 1919 года город заняли части Добровольческой армии ВСЮР под командованием барона Врангеля. К концу октября 1920 года Красная Армия сосредоточила основные силы на Южном фронте, начав штурм Перекопа. В связи с этим из Севастополя срочно эвакуировали мирных жителей, раненых и больных, и 14 ноября 1920 года последние суда покинули город, направившись в Константинополь, а затем к берегам Туниса, в Бизерту.

Несмотря на сложную политическую и экономическую обстановку, в Севастополе пытались организовать мирную жизнь. Газета «Юг» призывала к благотворительности в пользу вдов и сирот, оставшихся после войны, чье положение было особенно тяжелым из-за задержек с государственными пенсиями. Также анонсировался спектакль «Чашка чаю» в Морском собрании, организованный артистами «Московского Петроградского», с целью сбора средств для нуждающихся семей военных [1].

В течение 1918–1920 годов на сцене театра «Ренессанс» выступал известный оперный певец Леонид Витальевич Собинов, обладавший уникальным голосом. В 1918 году Собинов оказался в Крыму и активно участвовал в благотворительной и культурной жизни города. Так, в ноябре 1919 года состоялся его концерт с участием местных музыкантов Грюнберг-Метиль (скрипка) и М. Якобсона (рояль) [2].

В начале 1920 г. в Севастополе официально работали три крупных театра: театр при Морском собрании с оперным и драматическим коллективом, театр «Ренес-

санс» с драматической труппой, театр Общественного собрания с труппой артистов под управлением С. А. Глазуненко. При этом местные артисты-любители перманентно создавали небольшие театральные коллективы, называя их модными тогда именами.

Весной 1920 года Севастополь поража обилием театральных площадок, создавая впечатление, что их не меньше, чем в Москве. Например, на Корабельной стороне, в Николаевском районе, функционировал театр «Науки и жизни», где под руководством артиста Павла Троицкого выступали М. С. Марадудина, В. Д. Борзов и З. Юматова [3]. Помимо этого, в том же театре давал представления союз драматических артистов бывших императорских театров под управлением В. А. Блюменталь-Тамарина и М. Л. Муратова, представивший 8 марта 1920 года комедию Э. Кноблаха «Фавн» [4].

С начала 1920 года на сцене театра «Ренессанс» работала труппа под режиссурой В. Ленского, которая 25 января представила спектакль «Веселый Бэби» С. Кэбба, где главную роль исполнила известная артистка Анна Вацкая [5]. Труппа Ленского гастролировала в Севастополе до середины февраля, а лучшими артистами были признаны Александр Франк и С. Н. Буржинская [6].

Таким образом, несмотря на политическую нестабильность и экономические трудности, в Севастополе в период 1918–1920 годов продолжалась активная театральная жизнь, демонстрируя стремление горожан к мирной и культурной жизни. Благотворительные спектакли и концерты, такие как выступления Леонида Собинова, организовывались для поддержки нуждающихся слоев населения. Наряду с тремя крупными театрами, в городе действовали многочисленные небольшие труппы, что создавало иллюзию изобилия театральных площадок. Разнообразие репертуара и активная гастрольная деятельность трупп поддерживали интерес зрителей и способствовали развитию театрального искусства в Севастополе, вопреки сложным историческим обстоятельствам. Театр оставался важным элементом общественной жизни, предоставляя людям возможность отвлечься от проблем и насладиться искусством.

Литература:

1. Севастополь. Театр // Юг. — 1919. — 7 нояб. (№ 85).
2. Театр. Концерт Л. В. Собинова // Юг. — 1919. — 26 нояб. (№ 100).
3. Театр науки и жизни // Юг. — 1920. — 14 марта. (№ 187).
4. Театр науки и жизни // Юг. — 1920. — 8 марта. (№ 182).
5. Театр «Ренессанс» // Юг. 1920. — 25 янв. (№ 147).
6. Театр «Ренессанс» // Юг. — 1920. — 8 февр. (№ 159)
7. Федотов Н. На добрую память земляку... (К 120-летию со дня рождения Ф. И. Шаляпина) / Н. Федотов // Крымские известия. 1993. — 12 февр. (№ 28).
8. Иванов В. Б. Севастополь. Историческая летопись 1783–2008 гг. / В. Б. Иванов. Севастополь: ЧП Иванова Н. В., 2008. — 480 с.: фот.
9. История города-героя Севастополя (1917–1957) / отв. ред. С. Ф. Найда. К.: Изд-во Академии Наук УССР, 1958. — 338 с.
10. Никулин А. В. Федор Шаляпин: очерк жизни и творчества Л. В. Никулин. — М.: Искусство, 1954. — 192 с., 6 л. портр.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Референдум по Конституции Республики Казахстан как этап обновления политико-правовой системы

Алчинбаев Махамбет Маратович, студент

Пограничная академия Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (г. Алматы)

В статье рассмотрен референдум по Конституции Республики Казахстан 2026 года как важный этап политико-правового обновления государства. Проанализированы значение прямого народного голосования, роль Конституции в развитии правовой системы, общественное участие граждан и последующая реализация конституционных норм. Показано, что референдум стал механизмом укрепления доверия между обществом и государством.

Ключевые слова: референдум, Конституция, Казахстан, гражданское участие, правовая система.

Республиканский референдум 2026 года стал одним из самых заметных политико-правовых событий в новейшей истории Казахстана. Его значение связано не только с фактом голосования, но и с тем, что на обсуждение общества был вынесен вопрос о принятии новой Конституции. Указом Президента Республики Казахстан от 11 февраля 2026 года было назначено проведение референдума на 15 марта 2026 года, а в бюллетень был включен вопрос о принятии новой Конституции, проект которой подлежал публикации в средствах массовой информации 12 февраля 2026 года. Тем самым конституционная повестка была вынесена за пределы узкого экспертного круга и стала предметом общегосударственного обсуждения.

Для Казахстана референдум имеет особое значение, потому что Конституция является не обычным законом, а основой всей правовой системы. Через нее закрепляются принципы устройства государства, статус человека и гражданина, порядок формирования органов власти, пределы полномочий государственных институтов. Поэтому голосование по новой Конституции нельзя воспринимать только как юридическую процедуру. По сути, оно стало способом определить, каким должен быть новый баланс между государством, обществом и гражданином.

Важной особенностью референдума 2026 года стало то, что на голосование выносились не отдельные поправки, а проект новой Конституции. По данным информационного агентства Anadolu, проект состоял из 11 разделов и 96 статей, а изменения охватывали значительную часть конституционного текста, включая преамбулу. В публикации также отмечалось, что проект предусматривал изменение парламентской модели и усиление роли национального законодательства. Это показывает, что речь шла

не о точечной корректировке, а о более глубоком пересмотре архитектуры государства.

С общественной точки зрения референдум стал проверкой уровня политического участия граждан. В условиях, когда многие решения обычно воспринимаются как решения власти, сама процедура прямого голосования имеет символическое значение. Гражданин получает возможность не просто наблюдать за политическим процессом, а выразить позицию по основному документу страны. При этом референдум не отменяет необходимости критического отношения к качеству общественной дискуссии. Для полноценного выбора важно, чтобы население понимало содержание проекта, последствия изменений и связь новых норм с повседневной жизнью.

Отдельного внимания заслуживает информационно-разъяснительная работа. После принятия Конституции Правительство утвердило план мероприятий по ее разъяснению. В официальном сообщении указывалось, что план включает 36 мероприятий по трем направлениям: организационные меры, информационно-разъяснительная работа и правовое обеспечение реализации Конституции. Также были предусмотрены распространение текста Конституции, размещение на электронных платформах, образовательные мероприятия и обновление содержания учебных программ. Это важно, потому что Конституция не должна оставаться документом только для юристов. Ее нормы должны быть понятны школьникам, студентам, работникам, предпринимателям и всем гражданам.

Юридическое значение референдума проявилось и в последующих шагах государства. Указом от 17 марта 2026 года было предусмотрено опубликование текста Конституции, передача оригинала Конституции 1995 года в Архив Президента, а также приведение нормативных

правовых актов в соответствие с новой Конституцией. Этот момент показывает, что принятие Основного закона является только началом большого правового процесса. После референдума требуется пересмотр законов, подзаконных актов, процедур работы государственных органов и учебных материалов. Без этого новая Конституция могла бы остаться декларацией, а не рабочим правовым инструментом.

В статье важно отметить и возможные риски. Любая крупная конституционная реформа может столкнуться с проблемой формального восприятия. Если гражданин голосует, но не понимает содержания проекта, участие становится скорее ритуалом, чем осознанным выбором. Поэтому ключевым условием успешности реформы является не только организация участков и подсчет голосов, но и качество объяснения норм. Не менее важен доступ к разным точкам зрения. Конституция касается всех, значит, ее обсуждение должно включать не только официальные комментарии, но и профессиональные, общественные, молодежные и региональные позиции.

Исторический контекст также помогает понять смысл события. Конституция 1995 года долгое время оставалась основой политической системы Казахстана, хотя неоднократно изменялась. Поправки разных лет отражали развитие президентской власти, парламентаризма, судебной системы, местного управления и правозащитных механизмов. Референдум 2022 года уже обозначил запрос на обновление, но референдум 2026 года был связан с более масштабной постановкой вопроса: не исправить отдельные положения, а принять новый конституционный текст. Это усилило внимание к теме преемственности. С одной стороны, государство сохраняет базовые признаки: независимость, унитарность, светский характер, территориальную целостность. С другой стороны, новый текст должен был показать, какие институты требуют пересборки с учетом современных вызовов.

Еще один аспект связан с цифровой эпохой. В 2026 году общественное обсуждение уже невозможно представить без социальных сетей, онлайн-медиа и электронных платформ. Это расширяет доступ к информации, но одновременно создает риск поверхностного восприятия сложных правовых тем. Короткие публикации, эмоциональные комментарии и фрагменты выступлений не всегда дают полную картину. Поэтому вокруг референдума возникла потребность в понятных разъяснениях: что меняется, почему меняется, какие последствия ожидаются, какие нормы сохраняются. Хорошая конституционная дискуссия должна быть не только громкой, но и содержательной.

Социальная значимость референдума проявляется в том, что он объединяет разные группы населения вокруг общего вопроса. За один день к участкам приходят люди разных возрастов, профессий, регионов и взглядов. Для одних Конституция ассоциируется с государственным порядком, для других — с личными правами, для третьих — с будущим детей. Именно поэтому референдум имеет не только правовой, но и воспитательный характер. Он напоминает, что государство существует не отдельно от общества, а через участие граждан, их доверие, ожидания и ответственность.

Референдум 2026 года можно рассматривать как важный рубеж в развитии казахстанской государственности. Он показал стремление оформить новый этап политико-правового развития через прямое волеизъявление народа. При этом реальная ценность события будет определяться не только датой 15 марта 2026 года, а тем, как новая Конституция будет применяться после голосования. В итоге главный вопрос заключается не только в принятии текста, но и в его превращении в живой механизм защиты прав, ответственности власти и развития гражданского участия. Именно от практической реализации конституционных норм зависит, станет ли реформа устойчивой основой для дальнейшего развития Республики Казахстан.

Литература:

1. Абдрасулов Е. Б. Конституционное право Республики Казахстан. — Алматы: Жеті жарғы, 2020. — 352 с.
2. Амандыкова С. К. Конституционное право Республики Казахстан: учебное пособие. — Астана: Фолиант, 2019. — 286 с.
3. Баймаханов М. Т. Государство и право Республики Казахстан: проблемы становления и развития. — Алматы: Ғылым, 2018. — 412 с.
4. В Казахстане на референдум выносятся новая конституция [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. — 2026. — URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/в-казахстане-на-референдум-выносятся-новая-конституция/3864467> (дата обращения: 28.04.2026).
5. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Әділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. — 2026. — URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (дата обращения: 28.04.2026).
6. О мерах по реализации Конституции Республики Казахстан, принятой 15 марта 2026 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. — 2026. — URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-merah-po-realizacii-konstitucii-respubliki-kazahstan-prinyatoy-15-marta-2026-goda-1723949> (дата обращения: 28.04.2026).

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Психолингвистические особенности восприятия китайской иероглифической письменности носителями русского языка

Азанова Виктория Антоновна, студент магистратуры

Научный руководитель: Панасенков Никита Александрович, кандидат педагогических наук, доцент
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В данной статье авторами рассматриваются психологические и лингвистические особенности восприятия китайской иероглифической письменности.

Ключевые слова: иероглифическая письменность, восприятие, психолингвистические аспекты, китайский язык.

В современной лингвистике остро стоит проблема распознавания иероглифов и понимания их внутренней семантики. Восприятие китайской иероглифической письменности носит, прежде всего, психологический и лингвистический характер. Особенности такого рода восприятия зависят от вида восприятия, когнитивных процессов и культурного контекста.

Для носителей такого языка как русский процесс восприятия языка имеет линейную фонетическую декодировку, которая представляет собой следующий ряд: буква — звук — слог — слово. Иероглифическая же письменность китайского языка — 汉字 (hàn wén zì, хань вэн цзы) — требует особого когнитивного подхода, в котором символом являлась бы сама морфема.

В своих исследованиях Ван Фусян описывает иероглифический текст как «письменное произведение, организованное в единое целое в структурном и содержательном плане» [5, с.303].

Н. А. Спешнев считает, что иероглифический текст представляет собой «лингвистический объект, включающий в себя типичные лингвистические компоненты: фонетику, морфологию, лексику и синтаксис» [5, с. 303].

Иное мнение имеет В. М. Алексеев. В своих научных трудах он пишет о том, что «трудность китайского языка совсем не в иероглифическом оформлении, а именно в *ли хэнь шэнь* — «глубине китайской мысли», в литературном намеке и в последовательности логической, засложненной до неузнаваемости образностью» [3, с. 147].

О. М. Готлиб указывает на то, что китайская иероглифическая система письменности представляет собой логограмму, которая образует «линейные синтагматические связи с одноуровневыми единицами и ...» взаимодействует «с морфемами или словами китайского языка» [4].

А. Р. Лурия, в свою очередь, выдвигает модель акта порождения письма, которая была бы применима и к иероглифическому письму. Ю. В. Молоткова, опираясь на данную модель, в своей работе указывает на то, что «воспроизведение иероглифа можно рассматривать как процесс, включающий несколько этапов: актуализацию семантического или фонетического аспекта, вызов всей соответствующей ... информации, выбор необходимых графических компонентов для записи иероглифа, собственно запись ..., оценка и коррекция» [8, с. 8].

Обобщая вышесказанное, отметим, что восприятие китайской иероглифической письменности является сложным и многоуровневым процессом, в котором тесно переплетаются психологические и лингвистические механизмы.

Также Ю. В. Молотова среди прочих выделила лингвистический и психологический компоненты обучения китайскому иероглифическому письму [8]. Остановимся на них подробнее.

Итак, лингвистический компонент включает в себя набор черт и правила их написания, минимальный объем графем и иероглифических ключей в качестве составной части иероглифа, так и самостоятельного иероглифа.

Психологический же компонент представляет собой некие «иероглифические знания», которые классифицируются на декларативные, процедурные. Декларативные знания — это знания, полученные при изучении основных и производных видов черт, структурных компонентов иероглифа, а также звукобуквенных стандартов и значений того или иного иероглифа. Процедурные знания — это знания, которые были получены при изучении правил написания черт изолированно, черт в графеме, графем в составе иероглифа, а также знаний функциональной

единицы иероглифа. Последний вид знаний — процедурный — определяется графическими и орфографическими навыками.

Таким образом, мы приходим к тому, что китайский иероглиф является сложной системой, состоящей из нескольких компонентов. Для наилучшего понимания процесса восприятия мы выделили три лингвистических аспекта:

1. Графический аспект заключается в том, что черты складываются в графемы-детерминативы (ключи) и графемы-фонетики.

2. Семантический аспект заключается в том, что непосредственно сам иероглиф часто передает образ. Например, иероглиф 休 (xiū, сью) означает «отдыхать». Он состоит из двух графем — 人 (rén, жэн) — человек и 木 (mù, му) — дерево.

3. Фонетическая неочевидность заключается в том, что в алфавите мы можем «прочитать» незнакомое слово, а в китайском языке иероглиф может подсказать нам свое примерное звучание через графему-фонетик, но не гарантирует его.

Что касается психологического аспекта восприятия, то А. Р. Лурия в своих работах показал, за что отвечает левое и правое полушарие головного мозга. Опираясь на его исследования, мы сделали вывод о том, что левое полушарие отвечает за лингвистический анализ и распознавание структуры. Правое же полушарие задействуется для распознавания сложных пространственных конфигураций и целостных образов или гештальтов [7].

Исследования Л. Н. Тан показали, что чтение китайских иероглифов активизирует оба полушария мозга более интенсивно, чем чтение на английском или русском языках. Однако, по его мнению, левая средняя лобная доля играет ключевую роль в координации когнитивных процессов, которые необходимы для обработки логографической системы письма [2].

Процесс чтения на китайском языке представляет собой быстрое распознавание паттернов. Человек, имеющий достаточный уровень владения китайским языком, во время чтения иероглифов не «складывает» иероглиф из черт, а видит его целиком. Это также развивает специфическую визуальную орфографическую память [2].

Литература:

1. Perfetti, C. A. The Lexical Constituency Model: Some System-level Ideas about Chinese and English / C. A. Perfetti, Y. Liu. — Текст: непосредственный // Psychological Review. — 2005.
2. The neural system underlying Chinese logograph reading / L. N. Tan, J. A. Spinks, J. H. Gao [и др.]. — Текст: непосредственный // NeuroImage. — 2001. — № 13(5). — С. 836–846.
3. Алексеев, В. М. Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 2 / В. М. Алексеев; Сост. М. В. Баньковская; Отв. ред. Б. Л. Рифтин. — М.: Вост. ЛИТ., 2003. — 511с. Текст: непосредственный.
4. Готлиб, О. М. Основы грамматики китайской письменности / О. М. Готлиб. — 3-е изд., эл. — М.: Издательский дом ВКН, 2020. — 314 с. — Текст: непосредственный.
5. Казанцева, А. А. Особенности восприятия и понимания иероглифического текста русскоязычным реципиентом / А. А. Казанцева. — Текст: непосредственный // Бизнес. Образование. Право. — 2022. — № 3 (60). — С. 301–306.
6. Картирование речевых зон мозга как научная проблема / И. В. Журавлев, А. А. Нистратов, М. А. Поликарпов, Е. Ф. Тарасов. — Текст: непосредственный — 2019. — № 3. — С. 107–121.

При этом чтение на китайском языке накладывает огромную нагрузку на зрительную память. Существует две стороны данного процесса:

1. Орфографическое распознавание, то есть способность быстро отличить иероглиф от похожего. Например, иероглиф 我 (wǒ, во/уо — «я») и 找 (zhǎo, джао — «искать»). Оба эти иероглифа отличаются лишь количеством черт. Таким образом, развивается исключительная чувствительность к мелким деталям.

2. Эффект «превосходства конфигурации» — когда восприятие читателя воспринимает иероглиф быстрее, чем набор случайных черт. Таким образом, мозг запоминает и хранит в памяти «библиотеку» эталонных образов, с которыми мгновенно сравнивает увиденное [1].

Связь между чтением и письмом является уникальной психологической особенностью. Существует такое понятие как «зона Экснера». В работах И. В. Журавлева, А. А. Нистратова и других указывалось, что данная зона отвечает за «функцию письма ... в средних отделах премоторной зоны левого полушария», также она отвечает за планирование движений руки при письме [6].

Исходя из вышесказанного, мы можем предположить, что, когда китаец видит сложный иероглиф, в его мозгу активируется зона Экснера. Мысленное воспроизведение порядка черт помогает распознать иероглиф, поэтому дети в Китае годами прописывают знаки: без моторной памяти полноценное визуальное распознавание крайне затруднено.

Итак, анализ научной литературы показывает, что восприятие китайской иероглифической письменности является сложным и многоуровневым процессом, в котором тесная связь лингвистического и психологического компонентов играет важную роль в обучении китайскому иероглифическому письму. Чтение иероглифов без знания китайской иероглифической письменности будет затруднительным в связи с логографической системой письма. Таким образом, китайская система иероглифической письменности является не просто альтернативной системой записи, а целым когнитивным феноменом, который позволяет формировать у носителей баланс между образным, фонетическим и семантическим процессом обработки информации.

7. Лурия, А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга / А. Р. Лурия. — М.: Издательство Московского ун-та, 1962. — 433 с. — Текст: непосредственный.
8. Молоткова, Ю. В. Обучение иероглифическому письму студентов языкового вуза (китайский язык): автореферат на соискание ученой степени кандидата / Ю. В. Молоткова. — Текст: непосредственный.

Термины в научно-популярном фильме (на материале китайского языка)

Азизова Азалия Ленуровна, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Согласно С. В. Гриневу-Гриневичу, «термин — это номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание) специального языка, принимаемая для точного наименования специальных понятий» [3]. С. В. Гринев-Гриневич делает акцент на номинативной природе термина и его принадлежности к специальному языку, разграничивая термин и другие виды специальных единиц (профессионализмы, номенклатурные знаки и т. д.).

Современные исследования подчёркивают, что термин представляет собой стандартизированное обозначение научного понятия, функционирующее в пределах определённой терминосистемы. В данной работе рассматриваются основные виды терминов и анализируются особенности их перевода на материале китайского научно-популярного фильма «流浪地球» («Блуждающая Земля»).

За основу мы взяли классификацию С. В. Гринева-Гриневича [3]:

1. По структуре:
 - простые — одно слово: 氢气 — «водород», 导航 — «навигация»;
 - сложные — сложные слова или цельнооформленные единицы: 地下城 — «подземный город»;
 - термины-словосочетания — два и более слова: 地球发动机 — «двигатель Земли»;
 - термины-аббревиатуры — сокращённые формы: UEG — Объединённое правительство Земли;
 - буквенно-цифровые / символические — с цифрами, индексами, обозначениями: 第3号紧急协议 — «аварийный протокол № 3».
2. По происхождению:
 - исконные: 地球 — «Земля», 氧气 — «кислород»;
 - заимствованные: 模块 — «модуль», 系统 — «система»;
 - гибридные: 中央控制模块 — «центральный модуль управления».
3. По степени мотивированности:
 - мотивированные — значение понятно по составу: 表面温度 — «температура поверхности»;
 - немотивированные — значение не полностью выводится из формы без специального знания: 模块 — «модуль», 协议 — «протокол»

В работе было использовано и проанализировано более 150 терминов. При анализе перевода мы использовали классификацию переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова. Таким образом, нами было выявлены следующие трансформации [5]:

1. Лексические трансформации.
 - калькирование:
表面温度 — температура поверхности.
火箭燃料 — ракетное топливо.
 - конкретизация:
推进发动机 — маршевый двигатель
 - модуляция
地球通讯 — связь с Землёй
 2. Грамматические трансформации:
木星轨道 — орбита Юпитера
燃烧冲击波 — ударная волна горения
 3. Комплексно лексико-грамматические трансформации:
 - экспликация (описательный перевод)
地下居住权 — право проживания в подземном городе
应急通讯授权 — полномочие на экстренную связь
- Анализ 150 примеров показал, что перевод терминов космической отрасли с китайского языка на русский сопровождается рядом лингвистических, семантических и культурных трудностей.

Нами были выявлены следующие особенности перевода технической терминологии:

1. Китайские термины в анализируемом материале в основном образованы путём сочетания иероглифических морфем, каждая из которых несёт самостоятельное значение. Благодаря этому термин часто оказывается семантически прозрачным для носителя китайского языка, однако при переводе на русский требуется не механическое сопоставление компонентов, а структурная перестройка. Русский язык чаще оформляет такие единицы как словосочетания с падежными связями, тогда как китайский использует компактные атрибутивные цепочки.

Примеры:

地球发动机 — двигатель Земли;

2. Вариантность перевода и выбор нормативного соответствия.

В материале встречаются термины, для которых теоретически возможны несколько русских соответствий,

однако переводчик выбирает вариант, наиболее близкий к нормам русской научно-технической речи.

Примеры: 推进发动机 переведено как «маршевый двигатель», а не буквально «двигатель продвижения»;

救援队 — «спасательный отряд», а не просто «команда спасения»;

3. Преобладание калькирования и описательного перевода. Для данного материала характерно широкое использование калькирования, так как многие термины имеют прозрачную морфемную структуру и допускают покомпонентную передачу на русский язык. Однако в случаях, когда буквальная калька звучала бы громоздко или неясно, применяется описательный перевод.

Примеры калькирования: 表面温度 — «температура поверхности». В китайском языке определение обычно стоит перед определяемым словом: 表面 + 温度. В русском языке такая связь передаётся родительным падежом: температура + поверхности. Поэтому перевод сохраняет смысловую структуру термина, но перестраивает порядок компонентов в соответствии с нормами русского языка. Итоговый русский термин «температура поверхности» не является свободным пересказом, а воспроизводит внутреннюю структуру исходного термина. Это

типичный пример кальки, потому что переводчик не заменяет термин на более общее выражение вроде «температура снаружи» или «температура на Земле», а сохраняет научно-техническую модель наименования.

В заключение можно отметить, что перевод технической терминологии на материале фильма “流浪地球” («Блуждающая Земля») представляет собой сложный процесс, обусловленный структурными различиями китайского и русского языков, а также спецификой научно-фантастического дискурса. Анализ показал, что наиболее продуктивными способами передачи терминов являются калькирование, модуляция, описательный перевод, а также грамматические замены. Это связано с тем, что часть терминов имеет прозрачную морфемную структуру и допускает прямую передачу, тогда как другая часть требует смыслового уточнения и адаптации к нормам русского научно-технического языка. Кроме того, наличие авторских и фантастических наименований усиливает необходимость переводческой интерпретации. Таким образом, адекватный перевод терминологии в данном материале достигается не буквальным воспроизведением формы, а сочетанием точности, контекстуальной уместности и терминологической нормативности.

Литература:

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. — Текст: непосредственный
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Советская Энциклопедия, 1968. — Текст: непосредственный.
3. Гринев-Гриневич, С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринев-Гриневич. — М.: Московский лицей, 2008. — Текст: непосредственный.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
5. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение [Текст] / В. Н. Комиссаров. — М.: Высш. школа, 2002. — 157 с.

Жанр рассказа в китайской литературе XXI века

Дун Синьнун, студент магистратуры

Амурский государственный университет (г. Благовещенск)

Короткий рассказ (сяо сяошу или вэйсин сяошу на китайском языке, обычно в пределах 800–1000 слов) на протяжении десятилетий был популярным литературным жанром среди китайских читателей. В нем возрождаются и переплетаются несколько важных направлений китайского литературного и культурного наследия: классические жанры Тан чжуаньци (романс), Сун хуабэнь (устная художественная литература) и Мин и Цин бицзи (заметки), которые охватывают различные короткие формы письма, такие как рассказы, басни, зарисовки, анекдоты, фольклорные произведения, социальные комментарии, и разные

мысли; освященная временем традиция рассказывания историй как важная составляющая народной культуры, отвечающая массовым настроениям и вкусам; и четвертого мая — стремление к современному литературному реализму в стиле байхуа (народный язык). Таким образом, этот литературный жанр имеет многовалентное литературное и культурное значение, демонстрируя красоту и лаконичность китайского языка. Однако литературные достоинства рассказов еще не были полностью признаны в традиционной истории современной китайской литературы, главным образом из-за их миниатюрного размера. [1]

Основные типы китайских рассказов это:

- ли (ритуал и приличия);
- жэнь (человечность или доброжелательность);
- сяо (сыновняя почтительность);
- инь-ян, управление, идентичность, лицо, (романтическая) любовь, брак и перемены (yi). [1]

В то время как первая половина тем, отсылающая к освященным веками учениям и основным добродетелям конфуцианства, вторая половина тем в большей степени перекликается с повседневным опытом и жизненными проблемами современных читателей, живущих в современном мире.

Начало современным рассказам положили, ставшие классикой, эссе и рассказы, написанные интеллектуалами Четвертого мая, такие как «Слова матери» Ху Ши (Муцин дэ цзяохуэй) и Лу Синя «Небольшой инцидент» (И цзянь Сяоши). Эти канонические произведения, безусловно, имеют культурное и историческое значение.

Однако сегодня в современном Китае активно меняется социальная реальность с точки зрения широких масс, и 21 век связан с именами современных китайских писателей. Современные рассказы — это гибрид западной и классической китайской традиций. Они насыщены диалогами, подробными описаниями и яркими характерами. Тем не менее они сохраняют элементы своего происхождения: извилистость, которая не подчиняется западной традиционной драматической сюжетной линии; склонность к фантастическим образам и чувственности; а также корни в сельской традиции устного повествования.

Рассмотрим более подробно современные сборники китайских рассказов, их типологию.

Хуан Лицюнь (黄群丽) Комната на берегу моря 海边的房间, 2021 [2]

Тайваньская писательница Хуан Лицюнь пишет остросоциальные рассказы. Внутри ее произведений кипят неудовлетворённые желания, острое одиночество, ошибочные навязчивые идеи — рецепт катастрофы. Опыт Хуан как сценариста позволяет ей создавать самых разных персонажей (иглотерапевта, тяжелоатлета, ставшего агентом по недвижимости, гадалку, призрака, превратившегося в сигнал Wi-Fi) и убедительно вплетать их профессии в их характеры и судьбы. Как бы усердно они ни проживали свою жизнь, её герои обременены невидимыми силами — от гендерных стереотипов до парализующего чувства обречённости, и их истории неизменно заканчиваются пронзительным криком. Впервые опубликованы на Тайване в 2012 году.

Юань Чжэшенг (袁哲生) Обезьяна и пруд с Буддой 猴子·罗汉池, 2023 [2]

Эти две новеллы, впервые опубликованные в 2003 году, являются одними из лучших произведений Юань Чжэшена, венцом современной тайваньской литературы. Действие обеих новелл происходит в ушедшие эпохи. «Обезьяна» — это история взросления мальчика, выросшего в деревне для семей гоминдайских солдат. «Пруд Будды» рассказывает о любовном треугольнике между до-

черью певицы (проститутки высокого класса), учеником резчика по дереву и учеником старого монаха. Читателей, впервые знакомящихся с творчеством Юаня, может поразить обманчиво простой, но в то же время отточенный язык, который в точных описаниях стирает боль и печаль. Деревня в дождливый день «окутана стаканом остывшей кипячёной воды». Железная цепь ручной обезьянки, волочащаяся по земле, звучит как «традиционный мастер, работающий в тихую дождливую ночь». Благодаря выразительным деталям и мастерскому использованию диалекта Юань прекрасно передаёт душевные терзания и сожаления своих персонажей.

Ван Чжаньхэй (王占黑) Маленькая Актриса 小花旦. 2020 [2]

Ван Чжаньхэй, автор трёх известных сборников рассказов, признана многими как голос своего поколения. Она воплощает дух свободы. Это ощущение свободы и лёгкости пронизывает её последний сборник, в главной истории которого парикмахер из рабочего района попадает в самое сердце Шанхая, где находит своё место в подпольном квир-сообществе. Для тех, кто достиг совершеннолетия в начале 2000-х, работа Ванга даёт возможность вспомнить о прошлом, которое было далеко не идеальным, но, по крайней мере, обнадеживающим. Контраст между этим прошлым и настоящим разителен. Хотя этот сборник был опубликован до пандемии, он намекает на то, что должно было произойти, уделяя внимание приходящим в упадок супермаркетам, стареющим сообществам и молодым людям, которые берут на себя задачу помнить и чтить то, что было утрачено.

Го Шуан (郭爽) Планета Луна 月球, 2021 [2]

Го Шуан — писательница-фантаст. Проработав 10 лет репортёром и редактором в материковом Китае, в 2014 году она занялась писательством в жанре художественной литературы, а в 2017 году получила престижную литературную премию на Тайване. Во втором сборнике рассказов Го Шуан, действие которого происходит в современном Китае, основное внимание уделяется отношениям, которые выходят за рамки социальных норм и не поддаются упрощению. Два бывших репортёра сближаются из-за неудавшегося расследования, которое не давало им покоя годами; учительница рисования берёт отца с собой в групповую поездку в Москву и открывает в нём доселе неизвестную сторону; два друга на протяжении многих лет поддерживают друг друга, путешествуя по миру; сын, страдающий от хронического заболевания, помогает своей матери заново открыть себя. Несмотря на то, что эти истории основаны на реальных событиях, в них есть что-то сказочное.

Линь Гешэн (林戈声) Вода и Огонь Льются Вниз 纷纷水火, 2024 [2]

Золотой огненный шар падает в озеро в безымянном китайском городе. Дети, сотрудники парка и стримеры начинают исчезать один за другим. Те, кто выживает или вступает в контакт с выжившими, обнаруживают, что их тела сливаются с неодушевлёнными предметами:

деревьями, стенами, землёй. Вскоре город вводит карантин. Пока службы экстренного реагирования изо всех сил пытаются сдержать разрушительную силу, один исследователь расшифровывает похожие на код сообщения, оставленные жертвами. Но чтобы доказать свою теорию, ему нужно заплатить за это собственной амнезией. Параллели с Covid и сатира занимают важное место в этом литературном дебюте Линь Гешэна, автора трёх научно-фантастических романов. Захватывающая история, ловко сочетающая в себе элементы хоррора, детектива и научной фантастики, служит идеальным отражением травмирующего опыта китайцев, оказавшихся в изоляции в последние несколько лет, когда они пережили страх, горе и добровольную или вынужденную амнезию.

Те-Пин Чен 陈德平 Страна больших чисел: Рассказы 大数之地:故事, 2021 [2]

Дебютный сборник рассказов Те-Пин Чена показывает жизнь китайцев, их роль в обществе, их стремление к карьерному росту, а также богатую историю, которую они хранят и передают будущим поколениям. Начиная с тех, кто переехал на Запад, и заканчивая теми, кто не может представить себе дом, отличный от родины, Чен использует магический реализм, чтобы погрузиться в их жизнь и дать представление о культурных ожиданиях, которые формируют связующую ткань социальных пространств, которые они занимают. Этот сборник рассказов, пронзительный и глубоко человечный, также является замечательным социальным комментарием о современном Китае и его диаспоре.

Е Чунь 叶Xao 春郝 [2]

Этот сборник рассказов охватывает десятилетия и поколения, показывая, как язык и травма всегда идут рука об руку. От хаоса беспорядков до тепла материнских объятий — эта книга затрагивает множество тем, чтобы передать универсальный человеческий опыт. Чун исследует словарный запас, который окружает нас каждый день, и то, что происходит, когда его внезапно лишают нас. Чун также заставляет нас задуматься о том, как часто мы рабски привязаны к языку. Что у нас остаётся и кем мы становимся, когда у нас больше нет слов, определяющих наш образ жизни?

Хуан Бэйхун 黄悲鸿, сборник рассказов «Девять песен о драконе и тигре» 九首关于龙和虎的歌 [2]

В нем вечное противостояние мифологических существ, дракона и тигра, становится аллегорическим отображением современных социальных конфликтов и борьбы за власть. Это не просто сказка для взрослых, а глубокая метафора борьбы за влияние, за ресурсы, за самоутверждение в динамичном и часто противоречивом обществе. Автор использует архетипы для того, чтобы развернуть перед читателем панораму сложных социальных процессов, замаскировав их под завораживающий мифологический сюжет.

В произведениях современных китайских писателей заметно преобладание мотивов, берущих начало в бо-

гатеишем арсенале китайской мифологии. Драконы, фениксы, речные духи — эти архетипические образы, наполненные глубоким символическим значением, не просто украшают страницы книг, а становятся мощными инструментами для осмысления сложных социальных и политических реалий современности. Они позволяют авторам передать на метафорическом уровне болезненные противоречия и вызовы, с которыми сталкивается Китай в эпоху стремительных перемен. Эти символы — это универсальный язык, понятный как читателю из Пекина, так и из Нью-Йорка, Лондона или Парижа. Например, сборник рассказов Хуан Бэйхуна «Девять песен о драконе и тигре».

Другой яркий пример — произведение Су Туна «Феникс». Здесь образ феникса, символа возрождения, используется для раскрытия темы личной трансформации. Через историю женщины, испытывающей тяжёлые жизненные испытания, автор показывает путь к самопознанию, к обретению внутренней силы и духовного очищения. Феникс в этом контексте — не просто мифологическое существо, а метафора способности человека переродиться, преодолеть трудности и найти в себе силы для дальнейшего жизненного пути. Это тонкая и чувственная история, раскрывающая внутренний мир героини через призму глубоких символов китайской культуры.

Однако, современные китайские писатели не ограничиваются использованием мифологических образов. Они активно занимаются исследованием насущных проблем современности. Особое внимание уделяется взаимодействию человека и природы. Проблемы индустриализации, загрязнения окружающей среды и изменения климата становятся всё более важными темами для писателей. Рассказы посвященные экологическим проблемам, часто выходят за рамки простой экологической повестки и превращаются в метафору более глубоких социальных и культурных изменений.

Ещё одной важной темой становится поиск идентичности, особенно актуальный для молодого поколения китайских писателей. Их произведения отражают сложный конфликт между традиционными ценностями и современными тенденциями глобализации. Это борьба между уважением к истории и стремлением к инновациям, между устоявшимися традициями и новыми идеями. Авторы исследуют этот конфликт через призму личных историй, семейных драм, социальных напряжений. В своих произведениях они пытаются найти ответ на вопрос: что означает быть китайцем в современном мире? Это одна из самых важных и сложных задач, которые современные китайские писатели ставят перед собой. И их ответы — это зачастую смесь традиционных мотивов и современных реалий, переплетённых в уникальный и завораживающий литературный узор.

Гендерные вопросы, семейные отношения, взаимодействие поколений — все эти темы также находят отражение в современной китайской литературе, обогащая ее многогранность и глубину.

Литература:

1. Китайская культура 20–40-х годов и современность. Сб. статей. — М.: Наука, 1993. — 262 с.
2. Китайские рассказы. URL: <https://archive.org/details/misogynycultural0000luto/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 10.10.2025).

Эмоциональная семантика фразеологии в цифровом пространстве

Оттабоева Шохиста Турабековна, студент магистратуры
Ургенчский государственный университет имени Абу Райхана Беруни (Узбекистан)

Статья посвящена анализу эмоциональной семантики фразеологических единиц в условиях цифровой коммуникации. Рассматривается, каким образом устойчивые выражения функционируют в интернет-дискурсе, как меняется их смысловая нагрузка в среде социальных сетей, мессенджеров, комментариев и мультимодальных онлайн-текстов.

Ключевые слова: фразеология, эмоциональная семантика, цифровое пространство, интернет-дискурс, эмотивность, оценочность, прагматика, мультимодальность.

Современная эпоха всё в большей степени определяется цифровыми форматами общения. Значительная часть речевого взаимодействия сегодня осуществляется в социальных сетях, мессенджерах, блогах, на видеоплатформах и в пользовательских комментариях. Это привело к тому, что письменная речь стала приближаться к устной: она стала более быстрой, импульсивной, оценочной и эмоционально насыщенной. Если традиционный письменный текст обычно стремился к развернутости и относительной структурной завершенности, то цифровое высказывание чаще строится как мгновенная реакция на событие, новость, реплику или визуальный стимул. В такой речевой среде особенно востребованными оказываются средства языка, способные передавать эмоцию компактно, ярко и сразу понятно.

Именно в этом контексте возрастает роль фразеологии. Устойчивые выражения сочетают в себе смысловую плотность, образность, оценочность и культурную узнаваемость. Они не просто называют состояние человека, а позволяют показать, как именно это состояние переживается и как оно воспринимается в коллективном языковом сознании. Благодаря этому фразеологизмы становятся важным инструментом эмоционального самовыражения в цифровом пространстве [1].

Актуальность исследования определяется не только ростом интернет-коммуникации, но и изменением самой природы речевой выразительности. Если раньше эмоциональное содержание текста в значительной степени создавалось интонацией, синтаксисом и развёрнутым контекстом, то сегодня многие смыслы передаются в максимально сжатом виде. На этом фоне устойчивые выражения оказываются особенно продуктивными: они позволяют выразить сильную эмоцию с помощью короткой, но семантически насыщенной конструкции [2]. Поэтому изучение эмоциональной семантики фразеологии в цифровой среде представляется важным как для

современной лингвистики, так и для более широкого понимания процессов речевой адаптации языка к новым условиям общения.

Фразеология традиционно рассматривается как один из наиболее выразительных пластов языка [13]. Устойчивые сочетания слов обладают воспроизводимостью, семантической целостностью и внутренней образностью [12]. Однако их значение нельзя сводить только к словарной фиксации. Фразеологическая единица почти всегда несёт дополнительный смысловой объём: она способна выражать оценку, передавать эмоциональное отношение говорящего и включать культурные ассоциации [11], накопленные языковым сообществом. Эмоциональная семантика фразеологизма состоит в том, что значение устойчивого оборота содержит не только обозначение состояния, но и его образное переживание. Так, выражения *опускать руки*, *сердце ушло в пятки*, *сгореть со стыда*, *гора с плеч*, *рвать и метать* представляют эмоцию через телесный, психологический или бытовой образ. Такая форма выражения делает внутреннее состояние более зримым и легче воспринимаемым. Эмоция в этом случае не сообщается отвлечённо, а воплощается в языковой картине, понятной носителю культуры [3].

Именно поэтому фразеологизм выступает не просто единицей номинации, а единицей интерпретации. Он показывает не только то, что чувствует человек, но и то, как язык и культура оформляют данное чувство. В этом смысле фразеологические единицы особенно тесно связаны с оценочностью. Даже когда устойчивое выражение употребляется в относительно нейтральной ситуации, оно всё равно сохраняет след образной интерпретации переживания. Отсюда следует, что эмоциональная семантика фразеологизмов неотделима от их прагматической функции: они воздействуют на адресата не только содержанием, но и способом подачи этого содержания [4].

В трудах по фразеологии неоднократно подчёркивалось, что устойчивые выражения являются важным носителем культурно маркированных смыслов. Через них закрепляются типичные формы общественного опыта, способы эмоциональной реакции, представления о допустимом и недопустимом, о смешном и трагическом, о значимом и второстепенном [5]. Это делает исследование фразеологии особенно перспективным в тех случаях, когда речь идёт о быстро меняющемся коммуникативном пространстве.

Цифровое пространство создаёт особые условия для существования языка. Онлайн-общение строится на скорости, краткости, открытости реакции и высокой зависимости текста от ситуации публикации. Пользователь почти всегда пишет не «вообще», а в ответ на конкретный стимул: новостной повод, пост, сообщение, фото, видео, чужой комментарий. Это придаёт цифровому дискурсу повышенную эмоциональную напряжённость. Даже нейтральная тема в интернете часто получает оценочную окраску, поскольку любой текст здесь изначально включён в поле реакции.

В таких условиях речевые средства, обладающие высокой степенью готовности к употреблению, получают особую функциональную ценность. Фразеологизм, в отличие от развернутого описания, позволяет сразу обозначить и саму эмоцию, и отношение к ней. Кроме того, устойчивые выражения легко узнаются и быстро считываются адресатом. Читателю не нужно дополнительно расшифровывать интенцию автора, если она выражена через культурно значимую модель. Именно поэтому фразеология хорошо вписывается в цифровую среду, где важны скорость восприятия и мгновенное эмоциональное распознавание [6].

Цифровая среда насыщает текст визуальными элементами (эмодзи, мемами, графикой), что делает значение фразеологизмов подвижным и зависимым от контекста. Один и тот же оборот может менять тон от искренности до сарказма [7].

При этом сетевое общение неразрывно связывает эмоцию с оценкой. Фразеологизмы в интернете типа *это уже ни в какие ворота не лезет*, *просто руки опускаются*, *как камень с души свалился*, *я в полном шоке*, *хоть стой, хоть падай* не просто описывают состояние автора, а интерпретируют само событие (как абсурдное, тревожное или радостное). Таким образом, они становятся инструментом «эмоционально-оценочного кадрирования» реальности [8].

Цифровая среда не просто сохраняет традиционные фразеологизмы, но и активно вовлекает их в процессы преобразования. В интернет-коммуникации устойчивые обороты могут сокращаться, переоформляться, соединяться с новыми словами, включаться в иронические шаблоны и становиться частью мемной культуры. Однако подобные изменения чаще свидетельствуют не о разрушении фразеологии, а о её адаптивности.

Пользователь сети нередко намеренно модифицирует устойчивое выражение, чтобы усилить эффект новизны, шуток или индивидуального авторского тона. При

этом исходная модель, как правило, остаётся узнаваемой. Именно это сочетание устойчивости и вариативности делает фразеологию особенно жизнеспособной в цифровом дискурсе. Устойчивый оборот сохраняет культурное ядро, но приобретает новые оттенки за счёт контекста, актуальной темы и способа подачи [9].

Особенно заметна эта тенденция в мемной коммуникации. Здесь фразеологизм может выступать основой для коллективной игры со смыслом. Иногда он употребляется почти в классическом виде, иногда — в намеренно изменённой форме, но в обоих случаях за ним сохраняется эмоциональный и культурный фон. Благодаря этому цифровая среда становится не пространством упрощения языка, а зоной его активной творческой переработки.

Визуальные средства могут усиливать драматизм, снижать серьёзность, создавать комический эффект или переводить высказывание в режим шуток. В результате эмоциональный смысл фразеологизма в цифровой среде становится продуктом взаимодействия нескольких знаковых систем [10]. Это обстоятельство особенно важно для современной лингвистики, поскольку показывает: изучение фразеологии больше не может ограничиваться только лексико-семантическим подходом. Для полноценного анализа необходимо учитывать платформенный контекст, визуальную рамку высказывания, предполагаемую аудиторию и коммуникативную цель автора. Иначе эмоциональная нагрузка фразеологизма может быть понята лишь частично.

В сетевом общении фразеология выполняет не только эмоционально-экспрессивную, но и социальную функцию. Цифровая коммуникация во многом строится на демонстрации принадлежности к определённому кругу общения, культурному коду, возрастной группе или ценностному сообществу. Устойчивые выражения помогают пользователю показать, что он владеет определённым способом речевой интерпретации мира и разделяет понятные данной аудитории формы оценки.

В этом смысле фразеологизмы становятся маркерами групповой идентичности. Через них выражается не только чувство, но и культурная позиция. Особенно заметно это в сетевых сообществах, где одни и те же обороты регулярно повторяются, закрепляются и начинают восприниматься как «свои» для данной среды. Здесь фразеология выступает элементом общего эмоционального языка, понятного членам группы и усиливающего эффект коллективного переживания [5]. Одновременно через устойчивые выражения в цифровой среде продолжается передача культурной памяти. Даже трансформированный или иронически переосмысленный фразеологизм сохраняет связь с более широкой традицией языка. Это свидетельствует о том, что цифровая коммуникация не уничтожает национально-культурную специфику фразеологии, а переводит её в новые формы существования.

Проведённый анализ показывает, что эмоциональная семантика фразеологии в цифровом пространстве представляет собой сложное, подвижное и многослойное яв-

ление. Устойчивые выражения в интернет-дискурсе не теряют своей выразительности, а получают дополнительные возможности функционирования благодаря высокой ско-

рости коммуникации, визуальному сопровождению, поликодовости и усиленной прагматической направленности текста.

Литература:

1. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
2. Yus F. Cyberpragmatics: Internet-Mediated Communication in Context. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
3. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки русской культуры, 1996.
4. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Москва: Либроком, 2012.
5. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология. Москва: Флинта, 2009.
6. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Москва: Флинта, 2020.
7. Danesi M. The Semiotics of Emoji: The Rise of Visual Language in the Age of the Internet. London: Bloomsbury, 2017.
8. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
9. Чурилина Л. Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3. С. 126–135.
10. Доброва М. С. Фразеологическое насыщение контекста в текстах русскоязычного интернет-дискурса // Novaja rusistika. 2017. № 2. С. 29–37.
11. Махмудов У. Р. О сопоставительной фразеологии / У. Р. Махмудов // Молодой ученый. — 2015. — № 8(88). — С. 1141–1144. — EDN TPUJKV.
12. Махмудов, У. Р. О классификации переводов фразеологизмов в текстах СМИ / У. Р. Махмудов // Молодой ученый. — 2015. — № 4(84). — С. 780–783. — EDN TIXIDD.
13. Махмудов У. Р. О трансформации фразеологизмов в текстах узбекских газет / У. Р. Махмудов // Молодой ученый. — 2016. — № 5(109). — С. 807–810. — EDN VPJDAL.

Художественно-символическое значение образа лошади в произведениях А. П. Чехова, Ф. А. Абрамова и Ч. Т. Айтматова

Хайдарова Венера Шукуровна, студент магистратуры
Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (г. Уфа)

В данной статье рассматривается художественно-символическое значение образа лошади в произведениях А. П. Чехова, Ф. А. Абрамова и Ч. Т. Айтматова. Основная цель исследования заключается в выявлении того, какую смысловую и эстетическую нагрузку несет образ лошади, как он помогает раскрыть внутренний мир человека, его одиночество, страдание, нравственные переживания и духовное состояние. В ходе анализа установлено, что лошадь в указанных произведениях выступает не только как часть бытовой реальности, но и как глубокий символ, выражающий связь человека с природой, памятью, судьбой и нравственными ценностями. У Чехова этот образ связан с темой безмолвного сочувствия, у Абрамова — с постановкой нравственных проблем, а у Айтматова приобретает философскую глубину и особую художественную выразительность.

Ключевые слова: образ лошади, художественный символ, малая проза, мифопоэтика, сравнительный анализ, художественный образ, русская и кыргызская литература, духовный смысл.

The artistic and symbolic meaning of the image of the horse in the works of A. P. Chekhov, F. A. Abramov, and Ch. T. Aitmatov

Khaidarova Venera Shukurovna, master's student
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa)

This article examines the artistic and symbolic significance of the horse image in the works of A. P. Chekhov, F. A. Abramov, and Ch. T. Aitmatov. The main purpose of the study is to identify the semantic and aesthetic functions of the horse image and to show how it helps reveal the inner world of a person, including loneliness, suffering, moral experience, and spiritual condition. The analysis demonstrates that,

in these works, the horse appears not only as part of everyday reality, but also as a profound symbol expressing the connection of human beings with nature, memory, fate, and moral values. In Chekhov's works, this image is associated with silent compassion; in Abramov's, it is linked to the formulation of moral problems; while in Aitmatov's, it acquires philosophical depth and special artistic expressiveness.

Keywords: horse image, artistic symbol, short prose, mythopoetics, comparative analysis, literary image, Russian and Kyrgyz literature, spiritual meaning.

Введение

Образ животного в художественной литературе, в особенности образ лошади, занимает особое место в системе художественного мышления, поскольку тесно связан с духовным опытом человечества, национальным мировосприятием и эстетическим сознанием. В культуре многих народов лошадь издавна воспринималась не только как часть повседневного быта, но и как символ свободы, верности, силы, движения, внутреннего достоинства и судьбы. В этом отношении как русская, так и кыргызская литература выработали богатую традицию художественного осмысления данного образа. Через образ лошади писатели нередко раскрывают внутреннее состояние человека, его одиночество, страдание, нравственные искания, связь с природой, памятью и историческим временем.

Особый интерес в этом плане представляют произведения А. П. Чехова «Тоска», Ф. А. Абрамова «О чем плачут лошади» и Ч. Т. Айтматова «Прощай, Гульсары!». В названных текстах образ лошади выполняет значительно более глубокую функцию, чем простое участие в сюжетном развитии. Он становится важным художественным средством, через которое раскрывается душевная драма героя, усиливается эмоциональное звучание произведения и выражается авторская концепция человека и мира. У Чехова лошадь оказывается молчаливым свидетелем и единственным существом, способным разделить человеческую боль. У Абрамова данный образ приобретает нравственно-философское звучание и помогает осмыслить отношение человека к труду, памяти и живому миру. У Айтматова же образ Гульсары вырастает до уровня масштабного символа, воплощающего трагизм времени, утрату, духовную близость и неразрывность судьбы человека и животного.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена необходимостью более глубокого осмысления художественного текста с позиций современной литературоведческой науки, в которой особое внимание уделяется символическому содержанию, культурному коду и сравнительному анализу образной системы произведения. В этом контексте образ лошади представляет собой значимый объект исследования, поскольку позволяет выявить не только индивидуально-авторские особенности художественного мышления, но и общие типологические черты русской и кыргызской литературы XX века.

Цель статьи состоит в выявлении художественно-символического значения образа лошади в произведениях А. П. Чехова, Ф. А. Абрамова и Ч. Т. Айтматова, а также в определении его роли в раскрытии внутреннего мира героя, авторской позиции и идейно-эстетического

содержания текста. В статье предпринимается попытка рассмотреть данный образ в сравнительном аспекте, показать его связь с нравственными, философскими и культурными смыслами, а также определить его место в системе художественной образности анализируемых произведений.

1. Образ лошади в рассказе А. П. Чехова «Тоска»

В рассказе А. П. Чехова «Тоска» образ лошади выполняет важную художественно-психологическую функцию. В центре произведения находится извозчик Иона Потапов, переживающий тяжёлую утрату — смерть сына. Однако окружающие люди оказываются равнодушными к его горю, и это усиливает ощущение внутреннего одиночества героя. Именно в таком контексте образ лошади приобретает особую значимость: она выступает не просто частью бытового мира, а живым существом, способным безмолвно принять человеческую боль.

Отношение Ионы к своей лошади раскрывает глубину его душевного состояния. Не находя сочувствия среди людей, герой обращается к животному, словно к единственному близкому существу. Финальная сцена, в которой Иона рассказывает лошади о своём горе, подчеркивает, что именно она становится для него последней возможностью высказать невысказанную боль. Таким образом, лошадь в рассказе приобретает символическое значение безмолвного сострадания и духовной близости [1]. Следовательно, в художественной системе Чехова образ лошади связан с темами одиночества, человеческой отчужденности и потребности в сочувствии. Через этот образ автор особенно выразительно показывает трагедию человека, которого не слышит общество.

2. Образ лошади в рассказе Ф. А. Абрамова «О чём плачут лошади»

В рассказе Ф. А. Абрамова «О чём плачут лошади» образ лошади приобретает ярко выраженное нравственно-этическое содержание. Писатель рассматривает отношение человека к животному как показатель его морального состояния. Через описание жизни лошадей, их страдания и тяжёлой судьбы автор поднимает проблему человеческой жестокости, безразличия и утраты духовной связи с живым миром. Поэтому образ лошади в данном произведении становится символом нравственного испытания человека.

Особенность рассказа состоит в том, что лошадь здесь связана не только с темой сострадания, но и с памятью о прошлом, с крестьянским трудом, с историческим опытом народа. Когда-то лошадь была для человека помощником,

спутником и участником общей судьбы, однако со временем это отношение изменилось. Именно поэтому страдание животных в рассказе воспринимается как свидетельство нравственного обеднения общества. Название произведения приобретает не прямой, а философский смысл, обращённый к совести человека [2]. Таким образом, в рассказе Абрамова образ лошади становится художественным выражением моральной ответственности, человеческой совести и нарушенной гармонии между человеком и природой. Через этот образ писатель поднимает важные вопросы духовной культуры и нравственного выбора.

3. Образ лошади в повести Ч. Т. Айтматова «Прощай, Гульсары!»

В повести Ч. Т. Айтматова «Прощай, Гульсары!» образ лошади достигает особенно глубокой философской и символической значимости. Гульсары — это не просто конь, а образ, тесно связанный с судьбой Танабая и с общим идейным содержанием произведения. Судьба лошади развивается параллельно судьбе человека, благодаря чему образ приобретает особую эмоциональную силу и масштабность. Через историю Гульсары раскрываются темы времени, памяти, утраты, верности и человеческого достоинства.

Для Айтматова принципиально важна национально-культурная основа данного образа. В традиционном кыргызском мировосприятии лошадь занимает особое место как символ свободы, силы, верности и близости к человеку. Однако писатель не ограничивается только этнографическим значением образа. В повести Гульсары становится универсальным символом жизненного пути, духовной связи человека с природой и трагизма исторического времени [3]. Образ Гульсары помогает глубже понять и судьбу самого Танабая. Старение, усталость и гибель коня становятся художественным отражением человеческой судьбы, пережитых надежд и жизненных испытаний. Поэтому в произведении образ лошади выполняет не вспомогательную, а центральную символическую функцию, объединяя личное, национальное и общечеловеческое содержание.

Сравнительный аспект

Сопоставление произведений Чехова, Абрамова и Айтматова показывает, что образ лошади в каждом из них имеет собственную смысловую нагрузку, но во всех случаях выступает важным художественным символом. У Че-

хова он связан прежде всего с внутренним одиночеством героя и безмолвным сочувствием. У Абрамова этот образ становится нравственным критерием человечности. У Айтматова он приобретает философскую широту и раскрывает темы судьбы, памяти, времени и духовной близости человека и природы [4]. Следовательно, во всех трёх произведениях лошадь является не просто бытовой деталью, а значимым центром художественной системы текста. Через этот образ писатели раскрывают сложные нравственные, психологические и философские смыслы, что позволяет рассматривать его как один из наиболее выразительных символов русской и кыргызской литературы XX века.

Заключение

Таким образом, образ лошади в произведениях А. П. Чехова, Ф. А. Абрамова и Ч. Т. Айтматова представляет собой не простую бытовую деталь, а важный художественно-символический образ, обладающий глубоким содержанием. Каждый из названных авторов через этот образ раскрывает внутренний мир человека, его духовное состояние, отношение к окружающему миру и особенности жизненной судьбы. В рассказе А. П. Чехова «Тоска» образ лошади связан с темами одиночества, невысказанного страдания и потребности человека в сочувствии. В произведении Ф. А. Абрамова «О чём плачут лошади» он становится выражением нравственной ответственности, совести и отношения человека к живой природе. В повести Ч. Т. Айтматова «Прощай, Гульсары!» образ лошади достигает философской глубины и превращается в символ времени, памяти, утраты, судьбы и духовной близости человека и животного.

Проведённый сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что во всех трёх произведениях образ лошади выполняет важнейшую смыслообразующую функцию. Он помогает раскрыть связи между человеком и природой, человеком и обществом, человеком и его собственной судьбой. При этом, несмотря на различие художественных систем и авторских подходов, данный образ в каждом случае выходит на уровень универсального символа. Следовательно, образ лошади в русской и кыргызской прозе XX века обладает не только эстетической, но и нравственной, философской и культурной значимостью. Его изучение позволяет глубже понять особенности художественного мышления писателей, своеобразие национального мировосприятия и богатство символической системы литературы.

Литература:

1. Чехов А. П. Тоска // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 4. — М.: Наука, 1984.
2. Абрамов Ф. А. О чём плачут лошади // Абрамов Ф. А. Собрание сочинений.
3. Айтматов Ч. Т. Прощай, Гульсары! — М.: Молодая гвардия, 1966.
4. Хулхачиева Ж. С. Художественные образы повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» в культурном коде кыргызов // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2025.
5. Чехов А. П. Тоска // Русское богатство. — 1886. — № 12.
6. Повесть Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» в оценке литературоведов // научная статья.

Этимология юридической терминологии в русском языке

Цецура Давид Александрович, студент магистратуры
Ургенчский государственный университет имени Абу Райхана Беруни (Узбекистан)

В данной работе представлен комплексный анализ становления и эволюции русской юридической терминологии — от древнерусского периода до начала XXI века. Автор исследует правовой текст как важнейший междисциплинарный источник, отражающий трансформации в общественном мировоззрении и государственной идеологии.

Ключевые слова: история права, языковая динамика, правовая диглоссия

Исследование юридической лексики Древней Руси и её эволюции

На протяжении многих десятилетий терминология древнерусского права привлекает внимание исследователей самых разных направлений: от лингвистов и историков до философов, юристов и культурологов. Подобная востребованность объяснима: именно в правовых понятиях наиболее полно отразились не только бытовые реалии (включая криминальную сферу), но и глубокие трансформации в мировоззрении средневекового человека.

Источники и методы изучения

Лексика древнерусского законодательства служит фундаментальной базой для воссоздания картины культурного и языкового развития. К категории юридических текстов той эпохи относят:

— **Официальные акты:** указы, договоры, прошения (челобитные).

— **Документально-художественные памятники:** любые произведения, содержащие сведения о правовых процедурах или преступлениях.

Особую роль играют междисциплинарные труды, где правовые тексты выступают главным свидетельством истории национального права. Так, М. И. Кушнин и В. А. Томсинов детально проанализировали «Повесть временных лет», выделив в ней как прямые юридические вставки (тексты соглашений), так и косвенные описания судов, свидетельских показаний и правонарушений. В условиях дефицита первоисточников такая методика значительно обогащает базу для изучения древнерусской юстиции.

Взаимодействие традиций и вопрос диглоссии

Изучение соглашений Киевской Руси с Византией показывает, что греческое право оказало лишь умеренное влияние на русское правосознание. Язык этих документов оставался близок к живой народной речи. Это опровергает гипотезу о «правовой диглоссии» — параллельном существовании византийских и исконно русских правовых систем в сознании людей. Напротив, отечественная правовая культура базировалась преимущественно на народных обычаях, особенно в дохристианский период.

Современная наука пересматривает исторические взгляды, фокусируясь на конкретных источниках: «Русской Правде», судебниках XV–XVI веков и международных договорах. Они исследуются как элементы единой законодательной структуры с акцентом на их внутреннее устройство и терминологический аппарат.

Развитие и трансформация терминологии

В правоведении продолжается изучение корней и функционирования древнерусских терминов. Лексикологи отмечают, что ряд архаичных понятий — например, «удержание», «отчуждение» или «истребование» — сохранили свою смысловую точность и успешно применяются в современном праве.

С другой стороны, новые термины (такие как «лизинг» или «факторинг») носят междисциплинарный характер, активно используя и в экономике, что несколько размывает их чисто юридическую специфику. Несмотря на попытки внедрить русские аналоги, процесс импортозамещения в этой сфере пока ограничен.

Специфика иноязычного влияния

Количество заимствований в праве заметно ниже, чем в науке или финансах. В законодательстве иностранные слова часто соседствуют с русскими синонимами, что делает тексты понятнее для граждан. Однако сохраняется проблема неполного совпадения смыслов (семантическая омонимия). К примеру, термин «**конфронтация**» в английской юриспруденции может означать «очную ставку», тогда как в русском языке это значение отсутствует.

Лингвистический анализ правовых групп — от работ Н. З. Котеловой до В. М. Живова — направлен на фиксацию вариативности терминов и их корректное толкование в исторических словарях. Историко-лингвистический метод позволяет проследить путь слова: например, Т. Л. Матиенко исследовала эволюцию понятия «**сыск**». Как отмечает А. А. Рожнов, в раннее Новое время юристы не стремились к единообразию терминов, выбирая слова исходя из практических задач и контекста.

Динамика лексики в XX и XXI веках

Юридическая терминология, будучи тесно связанной с государственной идеологией, крайне динамична. В те-

чение столетий одни слова обретали актуальность, другие уходили в пассивный запас или меняли значение. Пик этих процессов пришелся на XX век.

1. После 1917 года: Радикальная смена строя привела к исчезновению слов, связанных с дореволюционным укладом (*губернатор, департамент, барин, городской*). В словарях середины века (Ушакова, САС) они получили пометку «устаревшее».

2. После 1990-х годов: Произошел «лексический реванш». Ранее забытые понятия (*дума, казначей, губернатор*) вернулись в активную жизнь. При этом советские термины (*комитет, председатель*) также сохранили свои позиции.

Современные словари фиксируют возвращение в обиход слов *легитимный, законопослушный, присяжные* и широкое распространение новых понятий, таких как *контрафакт* или *правопорядок*.

Литература:

1. Юридический энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 1997.
2. Толикина Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина / Е. Н. Толикина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М.: Наука, 1970. — С. 60.
3. Суперанская А. В. Общая терминология. Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева; Отв. ред. Т. Л. Канделаки. — 2-е изд., стер. — М.: УРСС, 2003.
4. Соколова Т. В. Становление и развитие немецкой терминологии авторского права: автореф. дис. канд. филол. наук. — Омск, 2012. — 26 с.
5. Котелова, Н. З. К вопросу о специфике термина / Н. З. Котелова // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М.: Наука, 1970–38 с.

Словообразование юридической терминологии в узбекском языке

Цецура Давид Александрович, студент магистратуры
Ургенчский государственный университет имени Абу Райхана Беруни (Узбекистан)

В представленном материале проводится комплексный анализ формирования, эволюции и современного состояния юридической лексики в русском и узбекском языках. Исследуется правовой текст как междисциплинарный источник, отражающий не только нормативные акты, но и глубокие изменения в правосознании и культуре народов.

В первой части акцент сделан на устойчивости древнерусской терминологии, её взаимодействии с византийской традицией и радикальных лексических трансформациях XX века, обусловленных сменой политических режимов. Вторая часть посвящена многослойной этимологии узбекского правового языка, где рассматривается синтез арабских, персидских, тюркских и русских пластов. Работа подчеркивает динамический характер юридических терминосистем и их способность адаптироваться к новым социокультурным реалиям, сохраняя при этом историческую преемственность.

Ключевые слова: юридическая лексика, историческая лингвистика

1. Трансформация правовой лексики Древней Руси

Юридическая лексика древнерусского периода не является узкоспециальной темой; она находится в эпицентре внимания специалистов самого широкого профиля. Для историка это инструмент реконструкции социальных иерархий, для филолога — способ изучения развития жи-

Роль римского права и семантическая деривация

Многие русские юридические термины возникли как кальки с латыни или греческого. Фундаментом для них послужило римское право, чья четкость стала образцом для большинства европейских стран, включая Россию. Всплеск заимствований в конце 1990-х (*де-факто, имплементация, франшиза*) был вызван интеграцией страны в мировое правовое поле. В отличие от экономики, в праве этот процесс шел более взвешенно.

Важной особенностью остается возникновение терминов из обычных слов путем изменения их смысла (семантическая деривация). Поскольку право регулирует социальное поведение, такие слова, как «**правонарушение**» или «**законопослушный**», несут в себе не только сухую информацию, но и морально-правовую оценку действий человека.

вого языка, а для философа — путь к пониманию этических и идеологических основ средневекового общества.

Особая ценность правового пласта заключается в его **репрезентативности**: правовые акты фиксируют не только абстрактные нормы, но и мельчайшие детали повседневности, включая бытовые конфликты и криминальные коллизии. Таким образом, через призму терминологии мы видим эволюцию менталитета древнерусского человека.

1. Источниковая база и методы реконструкции

Под юридическим наследием Древней Руси понимается широкий спектр текстов, который принято делить на две группы:

— **Официально-нормативные:** международные договоры, княжеские уставы, челобитные и судебные акты.

— **Нарративно-юридические:** литературные памятники (летописи, жития), которые, не будучи законами по форме, содержат подробные описания правовых процедур, свидетельских показаний и судебных разбирательств.

В условиях дефицита прямых законодательных актов исследователи (например, М. И. Кушнир и В. А. Томсинов) используют комплексный подход. Они вычленили из «Повести временных лет» как явные документы (тексты договоров с греками), так и скрытые элементы — описания преступлений и наказаний, что позволяет воссоздать целостную правовую картину эпохи.

2. Автономия древнерусского права и критика диглоссии

Анализ договоров с Византией позволяет сделать важный вывод: влияние византийской правовой культуры на Русь не было подавляющим. Юридический язык того времени оставался тесно связанным с народным говором. Это опровергает теорию **правовой диглоссии**, согласно которой на Руси якобы сосуществовали две изолированные системы — византийская «книжная» и русская «бытовая». Напротив, отечественная правовая традиция развивалась самобытно, опираясь на внутренние обычаи, и лишь точно адаптировала греческие образцы.

3. Терминологическая устойчивость и динамика изменений

Современная лингвистика подчеркивает поразительную живучесть некоторых архаизмов. Термины **«удержание»**, **«отчуждение»** или **«истребование»**, несмотря на свой почтенный возраст, сохраняют предельную семантическую ясность. Это делает их функциональными и в нынешней юриспруденции.

Напротив, новые заимствования (вроде «лизинга» или «факторинга») часто теряют свою юридическую чистоту, размываясь в экономическом контексте. Кроме того, существует проблема **семантической омонимии**: заимствованное слово может нести смыслы, не характерные для русской традиции (как в случае с «конфронтацией», которая в оригинале может означать «очную ставку», а в русском — лишь противостояние).

4. Социокультурные переломы XX века

Правовой язык чрезвычайно чувствителен к политическим переменам.

— **Революция 1917 года** фактически «стерла» из активного словаря огромный пласт понятий (*губернатор, казначей, департамент*), переведя их в разряд историзмов.

— **События 1990-х годов** спровоцировали «лексический реванш»: старые термины вернулись в обиход, сосуществуя с советским наследием (*комитет, председатель*).

Современные словари фиксируют возвращение таких понятий, как *присяжные* и *правопорядок*, наряду с активным внедрением международных терминов (*де-факто, контрафакт*), что отражает интеграцию России в мировое правовое пространство.

II. Специфика и этимологические пласты юридической лексики узбекского языка

1. Узбекский правовой дискурс как культурный перекресток

Юридическая лексика узбекского языка представляет собой сложную стратифицированную систему. Она формировалась на стыке кочевых традиций, исламского права (шариата), имперского влияния России и современных процессов глобализации. Этимологический анализ здесь служит ключом к пониманию того, как регион переходил из одной цивилизационной орбиты в другую.

2. Арабский и персидский фундамент

Значительная часть базовых правовых категорий имеет арабо-персидское происхождение, что обусловлено многовековым доминированием исламской правовой мысли.

— **Huquq (Право):** Термин происходит от арабского *ḥaqq* («истина»). В узбекском языке он прошел путь от философско-религиозного понятия до строгой юридической категории, адаптировавшись к тюркской морфологии.

— **Jinoyat (Преступление):** Слово арабского происхождения, которое в современном узбекском языке стало основой для мощного словообразовательного куста (*jinoyatchilik* — преступность, *jinoyat ishlari* — уголовные дела).

— **Qonun (Закон):** Удивительный пример лингвистического путешествия. Слово пришло из греческого языка (*kanon*) через персидское посредничество. Сегодня это универсальный термин для обозначения законодательных актов любого уровня.

3. Тюркское наследие: от обычая к норме

Исконно тюркские корни отражают самобытные правовые институты средневековых государств региона (Тимуридов, Шайбанидов, ханств).

— **Jarima (Штраф):** Этимологически связано с корнем *yar* («рана»). Это указывает на древнюю правовую логику, где наказание за преступление рассматривалось как компенсация за нанесенный физический или материальный ущерб.

— **Talon-taroj** (Грабёж) и **Elchi** (Посол): Эти лексемы сохраняют свою актуальность на протяжении веков, демонстрируя преемственность государственной и дипломатической деятельности.

4. Российское влияние и советская унификация

В XIX–XX веках в узбекский язык вошел массив международной и русской терминологии: *prokuror*, *sudya*, *kodeks*, *konstitutsiya*, *advokat*. Несмотря на иноязычное происхождение, эти слова были полностью интегрированы в синтаксис узбекского языка. Они заполнили ниши, связанные с западными моделями государственного устройства и процессуального права.

5. Современный этап: независимость и неологизация

После обретения независимости в узбекском праве начались процессы **неологизации** и самоочищения.

— Активно создаются термины на базе внутренних ресурсов языка: *qonunchilik* (законодательство), *sudlov* (судопроизводство).

— Наблюдается интересная синонимия, где тюркские слова соседствуют с арабскими заимствованиями (*huquq* и *erkinlik*), создавая более гибкую систему для описания прав и свобод граждан.

Сравнительный итог

В то время как русский юридический язык во многом опирается на латино-греческое наследие и европейскую рецепцию римского права, узбекская правовая лексика сохраняет уникальный «восточный» баланс. Она объединяет в себе строгость арабской терминологии шариата, гибкость персидских заимствований и мощный пласт исконно тюркских понятий, что делает её важным объектом для изучения сравнительного правоведения.

Литература:

1. Дониёров Р. Узбек тили илмий-техник терминологиясини тартибга солиш масалалари // Узбек тили ва адабиёти. — 1979. — № 3. — Б. 32.
2. Юнусова М. С. Значение курса «Профессионально направленная информатика» для подготовки юристов // Высшее образование сегодня. — 2011. — №. 6. — С. 54–58.
3. Azimova I., Saidaxmedova O., Jurayev J. Testing acquisition rate of the uzbek morphemes of -(i) m and -ning in uzbek children // Journal of Critical Reviews. — 2020. — T. 7. — №. 7. — С. 394–396.

ФИЛОСОФИЯ

F. I. Tyutchev in dialogue with N. N. Strakhov (publications and correspondence)

Bryazgunov Mikhail Alekseevich, master's student
Belgorod State National Research University

The article examines the intellectual and creative interaction of two outstanding thinkers of the 19th century — F. I. Tyutchev and N. N. Strakhov. Based on the analysis of correspondence, reviews, and facts of publishing activity, the author reveals three key aspects of their dialogue: Tyutchev's and Strakhov's assessment of each other's work, public support in journal polemics, and joint participation in publishing projects. Special attention is paid to L. N. Tolstoy's letter about a meeting with Tyutchev, Strakhov's review of the poet's biography, as well as episodes of defending Strakhov's articles in the Council for Press Affairs and the publication of Tyutchev's poem in the same issue as the philosopher's article. The author concludes that their spiritual kinship, the commonality of «pochvennichestvo» (native soil) ideas, and the mutual protection of thinkers in the public sphere, which allows us to speak of a deep intellectual union that went beyond personal communication.

Keywords: intellectual kinship, high poetry, spiritual tradition, protection of thought, correspondence, publishing.

Ф. И. Тютчев в диалоге с Н. Н. Страховым (публикации и переписки)

Брызгунов Михаил Алексеевич, студент магистратуры
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается интеллектуальное и творческое взаимодействие двух выдающихся мыслителей XIX века — Ф. И. Тютчева и Н. Н. Страхова. На основе анализа переписки, рецензий и фактов издательской деятельности автор раскрывает три ключевых аспекта их диалога: оценку Тютчевым и Страховым творчества друг друга, личную поддержку в журнальной полемике и совместное участие в издательских проектах. Особое внимание уделяется письму Л. Н. Толстого о встрече с Тютчевым, рецензии Страхова на биографию поэта, а также эпизодам защиты статей Страхова в Совете по делам книгопечатания и публикации стихотворения Тютчева в одном номере со статьей философа. Делается вывод о духовном родстве, общности почвеннических идей и взаимной защите мыслителей в публичной сфере, что позволяет говорить о глубоком интеллектуальном союзе, выходявшем за рамки личного общения.

Ключевые слова: интеллектуальное родство, высокая поэзия, духовная традиция, защита мысли, переписки, издательство.

1) Opinion on Tyutchev and his work in letters and articles

In the article on the biography of F. Tyutchev compiled by I. Aksakov [1], N. Strakhov reviews this work and gives his definition of the poet's personality, characterizing him not only spiritually but also in the context of a thinker of the time: «And besides, Tyutchev is a Slavophile, a political writer, one of the people who eloquently and loudly preached their opinions among society». The statement reveals the poet's political attitudes, which, in general, were also not neglected by N. N. Strakhov when discussing the present. Warm and complimentary words always accompanied the correspondence of the philosopher's circle of friends, in which I. Tyutchev was

mentioned. Thus, L. N. Tolstoy informs N. N. Strakhov on September 13, 1871:

«Soon after you, I met Tyutchev on the railroad, and we talked for 4 hours. I listened more. Do you know him? He is a brilliant, majestic, and child-like old man. Of the living, I know no one but you and him with whom I would feel and think so identically. But at a certain height, the spiritual unity of views on life does not unite, as happens in lower spheres of activity, for earthly purposes, but leaves everyone independent and free. I experienced this with you and with him. We see the same thing below and next to us; but who we are and why and what we live for and where we will go, we do not know and cannot tell each other, and we are more alien to each other than my children are to me or even to you. But it is joyful on this

deserted road to meet these alien travelers. And I experienced such joy meeting you and Tyutchev» [2].

Complete peace occurs with the poet even in the happy event of an unexpected meeting between L. N. Tolstoy and F. I. Tyutchev, where the existential and thinking dispositions of the two speakers are revealed. The dialogic character of the poet's personality is also traced in the excerpt, showing that he found a response in the hearts of his interlocutors, calling himself with complimentary words. The meeting at Chern station (Moscow-Kursk railroad, between Orel and Tula) was so etched in the writer's memory that he sent a letter to A. A. Fet (later N. N. Strakhov) in 1871, August 24...26: "...met Tyutchev in Chern and talked and listened for four stations and now, every hour, I remember this majestic and simple and so deep, truly smart old man» [3]. The poet is well-established in the circle of the philosopher's friends as an intellectually close soul. And all the meetings and thoughts about the alienness of L. N. Tolstoy converge on the beautiful poem by F. I. Tyutchev «Silentium!»:

How can the heart find words to show
Itself, or how another know?
Can he discern what you live by?
A thought when spoken is a lie.
In turning up the soil, you cloud the spring; —
Drink from its depths, and do not sing.

The review of F. I. Tyutchev as a poet is given very concisely by N. N. Strakhov, but skillfully: «As for Tyutchev's poems in general, there is no doubt that these are works of the highest order, full and pure poetry. Of course, there is a reason why they were not successful. It is clear in them that the poet does not surrender freely to his inspiration and his verse. The wonderful language is not sufficiently melodious and free; the poetic thought, although bright and graceful, does not burst forth recklessly and therefore does not wash over the listener. But this complete self-possession, this finishedness of thought and form does not exclude poetry; Tyutchev has impulses, moans and cries, subtleties and naivety, not inferior to any poets who are carried away and flooded in their singing. He has no non-poetic prose in his verses, and he gives us all his poetry in the form of real, pure gold, as it appeared in his soul. He was a man of deep education and fine taste, and this was reflected in both the content and the form of his verses. Whoever takes him as he is will experience the fullest pleasure that poetic creativity can give» [1]. The clever beauty of Tyutchev's poems lies in their extreme brevity and concentration. N. N. Strakhov gives an extremely accurate commentary on the nature and creativity of the poet, delving into negative aspects of the reflection of personality in lyrical form, but adding understanding to this shortcoming, leading to «complete self-possession», «impulses, moans and cries, subtleties and naivety», which shows the true magnitude of F. I. Tyutchev's poetic flight. How much pleasure can be obtained from the commentary, not to mention the poems themselves:

Only know how to live within yourself —
There is a whole world in your soul
Of mysterious-magical thoughts;

They will be deafened by external noise,
Daylight rays will disperse them, —
Heed their singing — and be silent!..

2) Publishing Activities

In late September 1870, the St. Petersburg journal *Zarya* (No. 9) was published, where N. N. Strakhov defended lyrical poetry from the attacks of M. E. Saltykov-Shchedrin and N. H. Nekrasov: «But no matter how the journals led by Mr. Nekrasov tried to discourage readers from any poetry except that which Mr. Nekrasov is engaged in, they obviously did not succeed in this. For example, the success of Tyutchev, a very profound poet, very high in the structure of his lyre, clearly shows that we still have a significant audience for the highest types of poetry» [4]. Here we encounter the context of journal publishing and the position of the philosopher's circle of friends in a conflict initiated by N. H. Nekrasov: «One could more than repay Mr. Nekrasov for all the insults that for many years were inflicted on other poets in the journals that stood and stand under his leadership» [4]. Note that N. N. Strakhov defends his favorite poets (Ya. P. Polonsky) in this criticism, upholds the beauty of their word, believes that there are still people who value high poetry, opposing them to N. H. Nekrasov and his society, who instead of love for the Russian person are proud of their education and completely «maintain their contemptuous gaze at the people» [4]. Admiration for the poets' works as a whole went beyond personal correspondence and moved into the public sphere, where support was provided by the critic, philosopher, and publicist N. N. Strakhov.

But not only did N. N. Strakhov defend his revered circle, but F. I. Tyutchev also assisted in the philosopher's publishing. Thus, on May 7, 1864, the poet attended a meeting of the St. Petersburg Council for Press Affairs and «supported A. V. Nikitenko's proposal to allow N. N. Strakhov's article, which had been banned by the St. Petersburg Censorship Committee» [5, 111]. On this day, Nikitenko wrote that «Tyutchev came to amazement and indignation» [5, 111] because of the ban on Strakhov's article on Polish affairs, written on A. V. Golovnin's brochure. Nikitenko further wrote and asked: «Can this be brought to the sovereign's attention? Tyutchev took it upon himself to show the brochure to Prince Gorchakov. Won't he do this?» [5, 111].

Already from two fragments, it is traced how personalities united by a common problem defend each other's positions in the public area of book printing and criticism.

There was also a more specific meeting between Strakhov and Tyutchev. In May 1867, the poet sent a note to N. N. Strakhov: «Here are some verses on a contemporary theme for you, dearest Nikolai Nikolaevich. You may, if you see fit, give them for placement in that issue of *Otechestvennye Zapiski* — in which Strakhov's article will be printed, but without a signature» [5, 256–257]. The poem «Once here, mighty and beautiful»... (under the title «Modern» or «Smoke», which is a dispute among researchers) was written in connection with the story «Smoke» (Dym) by I. S. Turgenev. N. N. Strakhov's

article against the writer's work was also supposed to appear on the pages of this journal. "...The editorial office used [the poem] for its own purposes, printing it not in the poetry section, but in the criticism section, immediately following Strakhov's article, which made the poem an exceptional critical response to Turgenev's story» [6]. The connection between Strakhov and Tyutchev is already traced here both in the form of the arrangement of two successively connected works by the editorial office and in the order of printing two reviews of one story, which, in general, points to a joint response and reflection on the problems of modernity. Strakhov in his article analyzes the problems of understanding the Russian person by Europe, and Tyutchev gives a response in a poem about the conspiracy of the «society of arsonists» [6]. Two themes, two critics are addressed to contemporary problems, which unites them in their reflection on the West. Emphasizing the contexts of the article and the poem, one can highlight: love for the homeland, fear of understanding the person of Russia—all these problems converge on the ideas of «pochvennichestvo», which also united Strakhov and Tyutchev.

Based on the analyzed empirical material (L. N. Tolstoy's letter of September 13, 1871, A. V. Nikitenko's entry of May 7, 1864, the publication strategy of *Otechestvennyye Zapiski* in 1867), it seems possible to put forward the following assumptions that require further verification on a wider corpus of sources.

First, the predominantly epistolary and journalistic format of communication. The absence of frequent personal meetings (only a single record of a long conversation at Chern station is known) suggests that the core of interaction consisted of mediated forms — correspondence, editorial agreements, synchronous publications. This did not reduce, however, the density of ideological exchange.

Second, functional asymmetry of roles. Strakhov acted as a «legitimizer», introducing Tyutchev's poetry into the philosophical-publicist discourse of «high poetry» and opposing it to the «civic» line of Nekrasov. Tyutchev, on the contrary, acted as a «non-public ally», using his administrative resources (including ties with Prince Gorchakov) to lift censorship bans on Strakhov's articles.

Third, ideological coordination in public performances. The situation of 1867 (Tyutchev's poem, placed by the editorial office not in the poetic department, but directly after Strakhov's article in the criticism department) is interpreted not as an accident, but as a purposeful (possibly silently agreed upon) action aimed at creating a single front of criticism of Turgenev's Westernizing position. This case requires further archival study to clarify the degree of preliminary coordination between the authors.

Fourth, their shared belonging to a broader «circle of tacit agreement». L. N. Tolstoy's letter, in which Strakhov and Tyutchev are named as the only living people with whom the addressee «felt and thought so identically», allows us to hypothetically reconstruct an informal community that also included A. A. Fet and other «pochvenniki». The unifying factor was existential and worldview resonance, thematically echoing Tyutchev's «Silentium!» (a thought that is not subject to full verbal expression).

Thus, it is proposed to consider the connection between Tyutchev and Strakhov as a multi-channel intellectual alliance that functioned at three levels: personal-worldview (commonality of «pochvennichestvo» attitudes), publicist (joint appearances in print), and institutional (mutual assistance in overcoming censorship barriers). Further research may be aimed at identifying unpublished correspondence and reconstructing the chronology of their contacts.

References:

1. Strakhov N. N.: *Biografiya Fedora Ivanovicha Tyutcheva*. Soch. I. S. Aksakova [Biography of Fyodor Ivanovich Tyutchev. Works by I. S. Aksakov]. Moscow, 1886.
2. Tyutchev F. I. v dokumentakh, stat'yakh i vospominaniyakh sovremennikov [F. I. Tyutchev in documents, articles and memoirs of contemporaries]. M., 1999. p. 246.
3. *Sovremenniki o F. I. Tyutcheve: Sb. lit.-krit., memuarykh i epistolyarnykh materialov* [Contemporaries about F. I. Tyutchev: Collection of literary-critical, memoir and epistolary materials] / Comp. by V. G. Dekhachov. 163 p. Pionerskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984.
4. Strakhov N. N.: *Nekrasov i Polonskiy (staraya orfografiya)* [Nekrasov and Polonsky (old orthography)] Zarya, 1870, September.
5. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. I. Tyutcheva. Kniga tret'ya (1861–1873)* [Chronicle of the life and work of F. I. Tyutchev. Book three (1861–1873)] / Comp. T. G. Dinesman, I. A. Korolyova, B. N. Shchedrinskiy. — M.: «Indrik»; Muzei-usad'ba «MURANOVO» im. F. I. Tyutcheva, 2012. — 592 p.
6. Dryzhakova, E. *Neizvestnye avtografiy F. I. Tyutcheva [Tekst]: [pis'mo Tyutcheva k N. N. Strakhovu ot 9 maya 1867 g.]* [Unknown autographs of F. I. Tyutchev: [Tyutchev's letter to N. N. Strakhov dated May 9, 1867]] / E. Dryzhakova // *Russkaya literatura*. — 1959. — № 2. — pp. 203–205.

Анализ сеанса чёрной магии в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» через призму перформативного искусства

Кравцов Николай Константинович, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор раскрывает новый подход в осмыслении сеанса черной магии в романе Булгакова «Мастер и Маргарита», с этой целью привлекается теория эстетики перформативности Эрики Фишер-Лихте и теория перформативных актов Джона Остина. Анализируются теоретические линии в становлении перформативного искусства от футуризма до театральных постановок последних лет, в рамках которого находит свое место и сеанс черной магии Булгакова, который автор предлагает видеть хеппенинг — один из видов акций перформативного искусства.

Ключевые слова: перформативное искусство, сеанс чёрной магии, «Мастер и Маргарита», хеппенинг, теория реальных актов.

*Да, наш город процветает,
Но в Одессе не хватает
Самой малости — театра варьете!*

В. С. Высоцкий

Использованные в качестве эпиграфа к нашей статье строчки из «Песенки о старой Одессе» Владимира Высоцкого, которую он исполнил впервые для фильма «Опасные гастроли» режиссера Георгия Юнгвальд-Хилькевича, являются вторым по популярности местом в отечественном художественном пространстве, где упомянут таинственный театр Варьете. На первом месте, безусловно, находится роман «Мастер и Маргарита» Михаила Афанасьевича Булгакова, где он, по сюжету, стал местом проведения сеанса черной магии.

Абстрагируясь от биографий работников Варьете и приключений, случившихся с ними, обратимся к самому сеансу, который случился вечером второго дня пребывания Воланда в Москве. Само действие — а слово «выступление» здесь, и далее это станет ясным, вообще неуместно — не имело в себе, как мы знаем, ни малейшей подготовки или репетиции. Все случившееся стало результатом абсолютно стихийного развития событий. Мы можем лишь *post factum* выделить несколько акцентных точек сеанса — дождь из червонцев, обезглавливание конферансье Бенгальского¹, появление на сцене дамского магазина одежды и — кульминация — исчезновение модных вещей без возврата старых.

Мы как читатели, да и сам Воланд, некоторое время наблюдавший за происходящим в зале, делали выводы о том, какова публика, пришедшая взглянуть на таинственного черного мага. Собравшиеся две с половиной тысячи человек за себя ничего не могли сказать, но их действия, которые каждый раз были спровоцированы выходами, в первую очередь, Фагота-Коровьева, могли многое показать. Слова автора: «вообще возбуждение возростало, и неизвестно, во что бы все это вылилось...» [1, с. 156] только хронологически относятся к моменту прекращения денежного дождя, по своей сути признанную Бул-

гаковым неизвестность дальнейшего исхода справедливо можно приписать как к каждому акту сеанса, так и к нему самому в особенности.

Непредзаданность результатов присуща, пожалуй, лишь одному виду искусства — перформативному, и мы считаем, что рассматриваемый нами сеанс черной магии является ярким примером перформативного искусства внутри романа М. А. Булгакова.

Перформативный вид искусства оформился лишь к 1970-м годам. По заверениям его исследователей, например, немецкого театроведа Эрики Фишер-Лихте или отечественного философа Валерия Савчука, впервые слово «перформанс» было применено к произведению-действию под названием «4'33"» американского композитора и теоретика Джона Кейджа в 1952 году. «Первый исполнитель этой вещи, Дэвид Тюдор, просидел за фортепиано 4 минуты 33 секунды, трижды произведя беззвучные движения руками. За это время публике следовало понять, что всё ими слышимое — “музыка”. “Мое любимое произведение, — писал Кейдж, — то, которое мы слышим всё время, когда молчим”» [2, с. 157].

Но если существующий термин «перформанс» привнес в искусствоведческий и эстетический дискурс Джон Кейдж, то первым изобретателем данного слова был британский философ, представитель аналитической философии, профессор Оксфордского университета Джон Остин. Термин «перформативный» образован от английского глагола «to perform», который переводится как «представлять», «осуществлять», «исполнять». Главная идея трудов Остина заключалась в «системном описании, применении и развитии аналитической философии обыденного языка позднего Л. Витгенштейна» [6, с. 116]. Как мы помним, Людвиг Витгенштейн подверг сомнению до этого казавшуюся незыблемой теорию, согласно которой

¹ Интересно, что ратующего за открытие в Одессе театра Варьете, по сюжету фильма «Опасные гастроли», героя Владимира Высоцкого тоже звали Бенгальский.

язык являлся всего лишь инструментом для описания действительности. Позиция Витгенштейна основывалась на том, что языковые правила употребления не являются самостоятельными, соотносясь с которыми человек способен говорить; но сам язык, сам факт говорения создает эти правила: «Практика является одновременно и подчиненной правилу, и утверждающей правило в его бытии в качестве такового. Таким образом, язык в некотором смысле обладает креативной силой — именно в том смысле, что он создает (или воссоздает) сам себя» [5, с. 45].

Итак, Остин выделяет два вида высказываний: перформативные и конститутивные. «Я вчера был в кафе» — пример простой констатации, привычного утверждения, которое описывает реальное положение вещей; его можно оценить с позиции «верно» или «неверно», последнее будет возможно, если человека, делающего данное заявление, на самом деле ни в каком кафе вчера не было. Но высказывания по типу «Я обещаю прийти на встречу» или «Я рекомендую вам отдохнуть» не описывают никакого факта, но создают его, при выполнении ряда условий. Хотя, как мы и сказали, высказывания такого рода невозможно оценить, как конститутивные, в то же время считать их неподдающимися никакой оценке тоже неверно, более того, перформативные предложения, как ни странно, подвергаются ещё большей оценке, чем утверждения, но по иным критериям. Безусловно, перформативные высказывания сообщают некую информацию, что сближает их с констативами, но главная особенность перформативов заключается в том, что они «одновременно совершают то действие, о котором они сообщают» [3, с. 41]. Таким образом, мы можем выделить два признака перформативных высказываний: первый — такие высказывания автореферентны, ибо значение в них и их действия тождественны; второй — они формируют действительность, о которой говорят. Обращаясь к условиям успешности перформативного высказывания, мы должны обозначить их очевидное деление на условия речевые и неречевые. К первым естественно отнести характер самого речевого акта, например, внятность высказанного, лингвистическая определённость объявления и так далее; ко вторым — социальные условия: «Адресатом перформативного высказывания всегда является сообщество, представленное присутствующими в данной конкретной ситуации» — пишет на этот счет Эрика Фишер-Лихте [3, с. 42]. Так дело обстоит с ещё одним особенным условием, и из этого вытекает определённость перформативов, как обязывающих окружающих к реакции на них, т. к. в противном случае любой перформатив будет неуспешным. Так что мы вправе добавить к двум признакам перформативного высказывания ещё один — дестабилизирующий дихотомическую пару говорящего и слушающего.

Крайне важным для нас является уточнение Остина относительно возможности перформативности высказывания: «чтобы сделать наше высказывание перформативным <...> мы вместо эксплицитной формулы, можем воспользоваться очень многими другими средствами,

такими как, например, интонация или жест» [4, с. 26]. Иными словами, для высказывания, которое само по себе уже есть действие, в некоторых случаях, например, при неясности контекста, невербальные приемы коммуникации необходимы для успешности речевого акта. Более того, каждое перформативное высказывание обязательно принадлежит автору. Не является перформативом фраза «Он пообещал» или «Кто-то поспорил» — сие констатив. Однако, как пишет Остин: «“Я”, который совершает действие, существенным образом привносится в картины высказывания» [7, с. 60]. Не обязательно автор должен обнаруживать себя через «Я», эту функцию берёт на себя его подпись или его имя. Автор не может не присутствовать в высказывании, поскольку он также производит действие, а оно возможно в присутствии.

Таким образом, выделенные нами признаки перформативного речевого акта полностью должны нами здесь закрепиться в следующих пунктах: (1) тождественность сообщаемого и сообщающего; (2) формирование актуальной высказыванию действительности; (3) дестабилизирующий характер перформативного высказывания; (4) присутствие автора в процессе перформативного акта.

Возвращаясь к фигуре Джона Кейджа, необходимо сказать, что нам неизвестны причины выбора именно этого термина для обозначения Кейджем своих «вещей». Намеренно ли вкладывал музыкант в название тот же смысл, что имеет место в лингвистической традиции или нет, вопрос, требующий отдельного исследования. Однако наша теперь задача проследить генезис самого феномена, который Джон Кейдж назвал «перформансом». Да, перформанс «4'33"» состоялся в 1952 году, но назвать его первым в своем роде нельзя хотя бы потому, что в книге искусствоведа Роузли Голдберг «Искусство перформанса. От футуризма до наших дней» параграф о Джоне Кейдже находится лишь на 152-й странице. До этого автор анализирует ещё 40 предшествующих Кейджу лет крайне дерзкого становления перформативного искусства, которое берёт свое начало от итальянских футуристов.

«Ранний футуристический перформанс представлял собой скорее манифестацию, нежели практику, в нем было больше пропаганды, чем искусства как такового» [2, с. 13]. Футуристы, яркими представителями которых были Ф. Т. Маринетти, В. Де Сен-Пуан, Дж. Папини, Л. Руссоло, писали свои манифесты, направляя их содержание на теоретическое переосмысление традиционного искусства, а далее закрепляли эти идеи на практике, путем осуществления перформативных актов. Роузли Голдберг делает на основе этого попытку отыскать год рождения перформанса и находит таковой: 1909-й. 20 сентября в Парижской газете «Le Figaro» Томмазо Маринетти опубликовал первый манифест футуристов. А спустя буквально месяц с публикации он поставил пьесу «Король Кутеж». Формально эта пьеса была моложе манифеста, она была опубликована еще в 1905 году, но в этом и суть перформанса — выход за рамки написанного. «Толпы штурмовали театр, чтобы увидеть, как самозванный автор-футу-

рист воплотил на практике идеалы своего манифеста» [2, с. 16].

Причем несмотря на негативные реакции толпы, она раз за разом приходила на эти перформансы, что само по себе кажется парадоксом. Футуристы отвергали аплодисменты, понимая их как пассивную реакцию на труд постановщиков, предпочитая им гневливые выкрики, шум, свист, т. е. любое активное действие. Для футуристов важна была сама реакция, а не её характер. И дело тут в том, что зрителю в теоретических разработках футуристов отводилась значительная роль. Итальянский художник и критик Аренго Соффичи писал, что зритель должен быть помещен в центр изображенного действия [2, с. 18], а автор первого футуристического манифеста посвятил зрителям манифест под названием «Наслаждение быть освистанным». «Маринетти предлагал различные уловки, предназначенные для того, чтобы вгонять публику в ярость: продавать на представление вдвое больше билетов, чем мест в зале, покрывать сиденья клеем. На сцене же он призывал друзей делать все, что бы им не пришлось в голову» [2, с. 20].

Отдельные манифесты и последующие их подтверждения в форме тех или иных перформансов «привели к появлению более поздних проработанных манифестов» [2, с. 20]. Одним из таковых был манифест театра Варьете, написанный Томмазо Маринетти в 1913 году, в котором была изложена теория футуристического театра. В нем автор призывал к отказу от традиционных форм театрального искусства, указывая на необходимость изобретения новых; поощрял стихийное привлечение к участию в постановках зрителей; вместе с тем отвергал сюжетные линии, смыслы и предзаданность действий. Один из пунктов манифеста таков: «Не допускать какой-либо традиции в Театре-Варьете» [11, с. 317].

Радикально в России 1910–1930-х годов футуризм ничем особым от коллег из Италии не отличался. В мотивах, побуждающих русских футуристов развиваться, можно выделить два полюса: это момент политический, в борьбе против жанровых традиций искусства виделась борьба с Царским наследием, если мы говорим о советском периоде футуризма, или борьба с цензурой Российской Империи, пока она же, только при Советском союзе, не появилась вновь в 1934 году. Деятельность театров-варьете при Российской Империи и далее в Советском союзе была развита в таких крупных городах как Москва, Санкт-Петербург, Одесса, Киев. Другим полюсом мотивов являлась борьба с Европой за оригинальность и новизну в искусстве. Некоторые футуристические объединения как, например, Фабрика эксцентрического актера (ФЭКС), по заверениям Роузли Голдберг, даже чурались сравнения себя с итальянцами, несмотря на то, что именно в их творчестве наиболее полно были отражены идеи, воспетые ранее в футуристических манифестах жителей Апеннин.

Мы бы хотели также заострить внимание на следующем совпадении интеллектуальных интуиций. Футуристы, считающиеся в истории перформативного искус-

ства праотцами оного, изобрели, помимо всего прочего по содержанию тождественного, шумовую машину, для борьбы с традиционной музыкой, Джон Кейдж в свою очередь пошел в разрез, противопоставив искусственному шуму бытовую тишину. С гегелевской точки зрения, которую мы здесь рискнем занять, нам видится важнейшее диалектическое развитие перформативного искусства заключающееся в снятии антитрадиционности. Футуристы, борющиеся не только с традицией, но и с тем, чтобы самим не стать традицией, с этой целью они даже отказывались как-либо фиксировать опыт своих перформансов, а известные манифесты являлись пафосным «До» всякой акции, произвели безжалостное снятие предшествующих форм искусства, Кейдж и другие революционеры искусства его времени оформили перформанс как традицию, произведя известное отрицание отрицания.

С этого времени имеет место концептуальное искусство, а перформативное искусство, искусство протеста, начало оформляться в рамки традиции и поддаваться осмыслению у искусствоведов и философов. Так, начиная с 1970-х годов, перформативное искусство насчитывало в себе несколько отточенных приемов акций, которых, несмотря на некоторые сложности в различении, можно выделить три: хеппенинг, перформанс, энвайромент. Говоря о первом, следует обратиться к английскому языку, где слово «happening» переводится на русский как «случающееся», т. е. нечто, происходящее в данный момент. «Имея в своей основе импровизацию, хеппенинг характеризуется стихийностью и непредсказуемостью, что в итоге позволяет снять границу между художником и зрителем. <...> Их реализация происходит как в залах художественных галерей и музеев, так и непосредственно в городской среде или на природе; в него вовлекается публика, реагирующая на происходящее. <...> Главным итогом для всех участников хеппенинга становятся пробуждение неожиданных эмоций, проверка реакции на непредсказуемые события» [8, с. 22]. Относительно перформанса, ранее нами уже были сделаны этимологические ремарки. Уместно будет сказать о его реализации, заключающейся в желании выразить некую идею преимущественно через тело актера, используя для этого жест, костюм и вещи как художественные средства. «Перформанс может восприниматься как игра по определенным правилам, лишенная стихийности и импровизации; в ней преобладают структурность и программность» [8, с. 22]. Энвайромент переводится с английского как «окружающая среда». Особенность его — в организации художником целого пространства в некую художественную среду, в которую попадает зритель. «Создавая эффект актуализации пространства, которое рассматривается как искусственное окружение, при помощи коллажа вещей и людей, художники пытаются предельно расширить место действия, окончательно уничтожить границу между жизнью и реальностью» [8, с. 22].

Для дальнейшего хода рассуждений стоит обозначить несколько общих черт, характерных для хеппенинга, пер-

форманса и энвайроента — особенных практик перформативного искусства: (1) выражение игровой стороны искусства, высмеивающее, подрывающее само искусство; (2) отсутствие четкого деления зритель-актер и форму-содержание; (3) художники, работая с действительностью, пытаются расширить сферу искусства, приравнявая его к жизни; (4) «Нередко художник постмодернизма пытается создать новую реальность, благодаря достижениям научно-технического прогресса. Он живет в мире киберпространства, симулякров, гиперреальности» [8, с.22].

Таким образом, мы обязаны констатировать практически полную идентичность двух понятий перформанса, которые развились в лингвистической и художественной традициях, что, следовательно, позволяет определить нашу работу как пограничное исследование между философией языка и эстетики. В лингвистической теории концептуально неуловимые перформативы дихотомической пары констатив-перформатив переосмысляются Остином в теорию речевых актов, где «речевой акт в отношении к используемым в его ходе языковым средствам выступает как локутивный акт. Речевой акт в его отношении к манифестируемой цели и ряду условий его осуществления выступает как иллокутивный акт. Наконец, в отношении к своим результатам, речевой акт выступает как перлокутивный акт» [9, с. 131]. В практиках акционистов, если брать все их историческое развитие, перформанс также долго не мог быть схвачен как эстетический феномен, а теории, направленные на его осмысление все ещё имеют разногласия и разночтения, делая перформативное искусство предметом пристального внимания и изучения.

Поскольку с 1970-х годов имеет место сущностное разделение акций перформативного искусства, и представленный ранее список из трех пунктов далеко не исчерпывающий, постольку следует отныне различать перформанс, как имеющий свои характеристики художественный акт, производимый художником собственным телом, и особое перформативное искусство, имеющее традицию в нарушении традиций, смешении практик, разрушении границ, и главное, стремящееся разбудить зрителя.

Именно с анализа перформанса Марины Абрамович «Уста святого Фомы», состоявшегося 24 октября 1975 года в галерее «Кринцингер» в Инсбруке, начинается исследование философ перформативного искусства Эрика Фишер-Лихте. Признавая за перформансом в широком смысле ту совокупность особенностей, которую невозможно адекватно осмыслить в рамках традиционной эстетической теории, автор заявляет следующее: «чтобы подробно исследовать этот ключевой момент, описать и проанализировать его характерные особенности, необходимо разработать новую эстетику — эстетику перформативности» [3, с. 39].

На примере перформанса Абрамович Эрика Фишер-Лихте выделяет в её «вещи» уже известную нам непредсказанность события; тождественность означаемого и озна-

чающего; отсутствие вещи, как результата творчества и четкого плана всего выступления; имело место и смешение фигур художника, перформера и зрителя. «Художница не стремилась создать некий артефакт, то есть произведение, существующее отдельно от нее самой, поддающееся фиксации и воспроизведению уже без ее участия. В то же самое время она не стремилась что-то изобрести» [3, с. 18].

Концепция «эстетики перформативности» немецкого театроведа строится на трёх основных пунктах, а именно идеи «обмена энергиями», концепции «создаваемого присутствия» и понятия «автопоэтической петли обратной реакции». То, что делал Джон Кейдж, итальянские или русские футуристы, Марина Абрамович и все участники сеанса черной магии может быть понято следующим образом. Характеризующая перформанс в его сущности «автопоэтическая петля ответной реакции», делающая перформанс тем, что он есть, возникает не столько благодаря действиям актеров и зрителей, сколько за счет «энергии», циркулирующей между ними. Предлогом для этого, как бы мы не признавали обмен ролями между перформером и зрителем, все-таки будет фигура первого. Однако, ввиду заведомого отсутствия означаемого в некой эстетической «вещи», которая формально должна быть обозначающим, тело перформера нельзя рассматривать как семиотическое. На смену ему приходит тело феноменальное, которое становится таковым при специфических процессах воплощения. «Мы исходим из представления о том, что актер способен “создавать присутствие” с помощью применения особой техники и специальных приемов. Зрители оказываются восприимчивыми к его действиям — неважно, создает ли он присутствие на протяжении всего спектакля с момента своего появления на сцене или лишь в особые моменты спектакля. Это присутствие, воспринимаемое зрителем, или, точнее, поражающее его как молния — “как магический поток” — возникает непредвиденно, этот феномен оказывается неподвластным воле зрителя, непостижимым образом захватывая его полностью. <...> У него возникает ощущение особой интенсивности присутствия актера, что в свою очередь дает ему возможность почувствовать особую интенсивность собственного присутствия. В результате, присутствие влечет за собой радикальный опыт «сиюминутности» [3, с. 176].

Таким образом, описанный Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита» сеанс черной магии мы предлагаем рассматривать как один из примеров перформативного искусства. Активная деятельность отечественных футуристов, о которой мы кратко упомянули ранее, не могла не принести в Россию манифесты итальянских футуристов, с которыми Михаил Афанасьевич вполне мог быть знаком, учитывая его театральную деятельность. Во времена футуристов, как мы и говорили, хепенинг ещё не оформился как отдельный вид акционизма, однако описанное в романе более всего на него походит, поэтому, с оговоркой, что это лишь ретроспективная атрибуция, мы считаем логичным назвать сеанс черной магии — хепе-

нингом. Принятие данного тезиса влечет за собой далеко идущие интерпретационные последствия, озвучим ниже лишь некоторые из огромного возможного множества.

На наш взгляд аналогичное понимание сеанса из романа продемонстрировал заслуженный деятель искусств Краснодарского края балетмейстер-постановщик Александр Мацко, поставивший в Краснодарском творческом объединении «Премьера» им. Л. Г. Гатова балет-фантаسمатию в 2 действиях «Мастер и Маргарита» (премьера — 2016 г.) [10]. Сцена из театра Варьете (личное наблюдение автора, октябрь 2024 г.) была не просто показана наравне с другими действиями романа, но выделена постановщиком путем привлечения зрителей Музыкального театра имени Гатова города Краснодар к исполнению роли зрителей театра Варьете романа «Мастер и Маргарита». Зрителям была дана возможность кричать из зала, соглашаться с предложениями и предлагать свои. То есть имело место перформативное событие.

Достаточно обратить внимание на сам манифест «Театр Варьете», чтобы увидеть сходства с романом, вряд ли случайно допущенные автором «Мастера и Маргариты». Из манифеста: «В самом деле, это единственный театр, где публика не остается статической <...> При таком сотрудничестве публики с фантазией актеров, действие происходит одновременно на сцене, в ложах и в партере. Оно продолжается даже по окончании спектакля, среди батальонов поклонников в смокингах и моноκлях» [11, с. 313], в романе мы прекрасно помним, что казусные ситуации происходили еще долго после спектакля, яркий тому пример «неудачливый визит» буфетчиком театра Варьете Андреем Соковым квартиры Берлиоза или, более близкое по времени к спектаклю, исчезновение новых вещей с соблазнившихся ими дам. Для последнего в манифесте вовсе есть отдельный 9-й пункт: «Театр Варьете, по-

учительная школа искренности для мужчины, так как он <...> грубо разоблачает женщину от всех романтических покрывал <...> Взамен того он обнаруживает все удивительные животные качества женщины, её силы нападения, соблазна, вероломства и сопротивления» [11, с. 314].

В «Булгаковской энциклопедии» Бориса Соколова о театре Варьете, помимо описания его истории становления от черновиков до последнего варианта романа, а также помимо случившегося в самом театре, сказано: «Т.В. в “Мастер и Маргарите” имеет довольно глубокие эстетически корни. В 1914 г. манифест одного из основателей футуризма итальянского писателя Филиппо Томмазо Маринетти (1876–1944) “Мюзик-холл” (1913) был опубликован в русском переводе в № 5 журнала “Театр и искусство” под названием “Похвала театру Варьете”» [12, с. 461], а ещё: «Булгаков, не сочувствуя футуризму и другим течениям “левого” искусства, в “Мастер и Маргарите”, как и в других своих произведениях, широко использовал гротеск, бесстрашно путал жанры и традиции разных литературных направлений и стилей, вольно или невольно следуя тут теории Маринетти» [12, с. 462]. Данные цитаты подтверждают нашу гипотезу об осведомлённости Булгакова футуристическими идеями, воспеваемых в манифестах. Однако сама статья энциклопедии, кроме простого литературного сопоставления и интерпретации тех или иных деталей романа, не дает общего понимания сеанса в духе перформативного искусства, хотя на то и делается намек в виде указания на связи Театра Варьете с итальянским футуризмом. Особенность нашей статьи заключается в применении аппарата эстетики перформативности к сцене сеанса черной магии. Тем самым расширяется область его понимания, в этом мы видим скромный вклад в булгаковедение как особую отрасль литературоведения.

Литература:

1. Мастер и Маргарита: [роман]/Михаил Афанасьевич Булгаков. — М.: Издательство АСТ, 2021.
2. Голдберг Роузли. Искусство перформанса. От футуризма до наших дней/; пер. с англ. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2024.
3. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / Пер. с нем. Н. Кандинской, под общ. ред. Д. В. Трубочкина. — М.: Международное театральное агентство «Play&Play» — Издательство «Канон+». — 2015.
4. Философия языка / Ред.-сост. Дж. Серль; Пер. с англ. Изд. 2-е — М.: Едиториал УРСС, 2010.
5. Моисеева А. Ю. Л. Витгенштейн и перформативный поворот// Эпистемология и философия науки 2020. Т. 57. № 3. С. 44–49.
6. ШаоЮнь Цинь. Три плоскости рассмотрения теории перформативности Джудит Батлер// Alma mater: Вестник высшей школы. — 2022. — № 6. — С. 105–109
7. Остин Джон. Избранное. Пер. с англ. Макеевой Л. Б., Руднева В. П. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
8. Захарова Е. В. Хеппенинг, перформанс, энвайромент — становление новой концепции искусства второй половины XX в. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. № 4 (12). С.21–25.
9. Бут Н. А. Категориальный аппарат теории речевых актов в аспекте актуальных теорий // Вестник ТГТУ. 2003. Том 9. № 1. С. 130–135.
10. Программа балета «Мастер и Маргарита» / РИО «Премьера» им. Л. Г. Гатова; [балетмейстер-постановщик А. Мацко] — Краснодар, 2024. — 18 с.

11. Итальянский футуризм. Манифесты и программы 1909–1941 [антология, переводы], в двух томах. Героический футуризм: риторические жесты и художественные программы переводы с итальянского и французского. — М.: Книгоиздательство «Гилея», 2020.
12. Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. — М.: Локид; Миф, 1997.

Algorithmic determinism: philosophical foundations, problems, and new horizons

Krasovskaya Elena Viktorovna, graduate student;
Dmitrienko Nadezhda Alekseevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor
Institute of Service and Entrepreneurship (branch) of Don State Technical University in Shakhty (Rostov Region)

This article presents a scientific and philosophical analysis of determinism in the context of algorithmic systems. The article explores the dual role of algorithms: as operational tools that organize activities through functional predetermination, and as structures that define the knowable boundaries of reality along specific trajectories set by the algorithms themselves.

Keywords: *determinism, algorithm, formal systems, Turing machine, cause-and-effect relationships, opacity, and the construction of reality.*

Алгоритмический детерминизм: философские основы, проблемы и новые горизонты

Красовская Елена Викторовна, аспирант;
Дмитриенко Надежда Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент
Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты (Ростовская область)

Данная статья представляет собой научно-философский анализ детерминизма в контексте алгоритмических систем. В работе исследуется двойственная роль алгоритмов: как операциональных инструментов, организующих деятельность через функциональную предзаданность, и как структур, задающих познаваемые границы реальности, по определенным, заданным самими алгоритмами траекториям.

Ключевые слова: *детерминизм, алгоритм, формальные системы, машина Тьюринга, причинно-следственные связи, непрозрачность, конструирование реальности.*

The concept of algorithms as strictly deterministic systems that consistently and predictably transform input data into output data is fundamental for their practical application and theoretical understanding. The very concept of «algorithm» inherently implies strict adherence to a predefined sequence of actions. Here is an example of one of the definitions of an algorithm: «An algorithm is a recipe that is divided into discrete, elementary steps, providing a clear path from the variable conditions of a problem to the desired outcome» [1, p. 40]. However, upon deeper scientific and philosophical analysis, the determinism of algorithmic systems becomes more complex and problematic, addressing issues of knowledge, freedom, and the very nature of reality.

A classical algorithm based on formal systems, such as the Turing machine, is an «abstract model of an idealized computing device that combines formal and causal characteristics» [2, p. 62]. In this model, each step is a well-defined rule applied to the current state of the system.

The input data and the sequence of operations uniquely determine the result. This ensures reproducibility and predictability, which is crucial for scientific calculations, automation, and solving engineering problems.

The determinism of algorithms is known to be «the causal predetermination of actions and the unambiguousness of the result of executing a command given the initial data» [2, p. 62]. It reflects the reductionist tendency of scientific thinking, which is aimed at the explanation of complex structures by analyzing their simplest components and identifying universal causal patterns to the simple and predictable forms. Such predictability implies an objective reality that obeys laws, which is easy to understand, and utilize.

In modern algorithms, the problem of determinism is not clear. In his critical analyses of correlations, K. Meyasu concludes that reality is independent of human perception. This statement contradicts the idea of algorithms as deterministic systems. «From everything that can be mathematically understood in an object (in the form of a formula or in digital format), rather than from what is perceived or felt, it makes sense to make the properties of a thing not only as it is for me, but also as it is without me» [3, p. 9].

Based on this, the possibility of describing the world using algorithms in terms of determinism and predictability becomes problematic. The mathematical structures underlying algorithms simultaneously act as tools for knowledge (thus, we

can talk about their subjectivity) and as properties of things (objectivity).

We can assume that algorithms can be a bridge between chaotic reality and attempts to organize it. An example of such attempts is ChatGPT. Based on a huge amount of data obtained from the Internet, the language model «answers questions, writes stories, scientific and journalistic articles, poetry, and even program code. <...> its amazing abilities and equally amazing mistakes are actively discussed on the Internet» [4, p. 10]. If we accept the postulate of the existence of a world «in itself», devoid of pre-established, necessary cause-effect relationships, then any algorithmic model acquires the status of temporary stabilization. It is not a reflection of absolute truth, but an ephemeral arrangement of a fundamentally changing reality [5].

Modern algorithms, especially those based on machine learning, operate in an environment of exponential complexity. While each individual step may be deterministic, the nonlinear interaction of multiple parameters makes the result unpredictable and inexplicable, even to the creators of the algorithms (the «black box» problem), making its internal processes incomprehensible. This challenges the very concept of «knowledge» about the algorithm.

Algorithms, especially deep neural networks, are trained on data whose very nature contains fundamental uncertainty. The result of their work can be emergent. The result is hard to explain or predict based only on the properties of the system's constituent elements and their behavior. Often, randomness is deliberately introduced into calculations as a necessary condition for their operation, such as in genetic algorithms.

An algorithm ceases to be just a tool created to perform a specific task and becomes a subject that develops its own patterns, which may be unexpected or even contradictory to the creators' intentions. If an algorithm is trained on data that reflects social prejudices, its deterministic output will reproduce this bias under the guise of objective truth. This creates an illusion of impartiality, concealing systemic discrimination. The opacity and unpredictability of complex algorithms means that we may lose control over the systems that control our lives. Determinism is preserved at the code level, but human responsibility is lost. If we cannot trace the cause-and-effect relationship, we lose the ability to understand why things happened the way they did, to confidently predict the future behavior of the system, and to challenge its decisions.

Thus, we can conclude that the determinism of an algorithm is not always a direct reflection of objective cause-and-effect relationships, but rather a tool for constructing reality based on formal rules. «Algorithms materialize a philosophical paradox: as instrumental systems, they simultaneously constitute a new epistemological reality where order emerges from chaos. Their work confirms Meiyasu's thesis about a world without necessary cause-and-effect relationships, showing how modern science operates with chance, transforming it from a philosophical category into a working method of cognition» [5, p. 145]. If we start relying on algorithms to model and control the world, the question arises: where is the line between a model and reality? Algorithmic determinism, instead of reflecting reality, can begin to shape it, guiding it along specific paths determined by the algorithms themselves, with profound philosophical, social, and ethical implications.

References:

1. Yurkov N. K., Rusyaeva E. Yu., Poltavsky A. V. A view of the theory of algorithms from the standpoint of philosophy. — Text: immediate // Reliability and quality of complex systems. — 2014. — No 2. — P. 40–45.
2. Baryshnikov P. N. Metaphorical foundations of computerism in cognitive sciences and philosophy of consciousness. — Text: immediate // Philosophy of Science and Technology. — 2018. — № 2. — P. 61–72.
3. Meillassoux, K. After Finitude: An Essay on the Need for Contingency. — 1st ed. — Yekaterinburg: Cabinet Scientist, 2015. — 196 p. — ISBN 978-5-7525-3069-2. — Text: immediate.
4. Rezaev A. V., Tregubova N. D. From sociology of algorithms to social analytics of artificial sociality: analysis of API and ChatGPT cases. — Text: immediate // Monitoring of public opinion: economic and social changes. — 2023. — № 3. — P. 3–22.
5. Kukel V. E. The reality of the algorithm — intentionality and instrumentality. — Text: immediate // Intellect. Innovations. Investments. — 2025. — № 3. — P. 141–148.

Imagination as an ethical and aesthetic activity in M. I. Vladislavlev's psychology

Leonova Darya Olegovna, master's student
Belgorod State National Research University

The article examines M. I. Vladislavlev's teaching about the role of imagination in human life. According to M. I. Vladislavlev, imagination plays a leading role not only in art, but also in mental activity in general. Its activity is free, irrational in a sense, but it cannot avoid logical laws. Imagination is based on two desires, which create two worlds: the comic and the ideal. Thus, all ideals and art in general come from the imagination. Ideals contain both subjective and objective aspects. In addition, the originality of the

mind depends on imagination, not reason. M. I. Vladislavlev comes to the conclusion that if imagination and reason are so strongly connected, then they represent a single activity, and it is precisely because of this that science cannot avoid ideals.

Keywords: *imagination, will, reason, creativity, cognitive ability, ideal.*

Воображение как этическая и эстетическая деятельность в психологии М. И. Владиславлева

Леонова Дарья Олеговна, студент магистратуры

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается учение М. И. Владиславлева о роли воображения в жизни человека. По М. И. Владиславлеву, воображение играет одну из ведущих ролей не только в искусстве, но и в умственной деятельности вообще. Её деятельность свободная, в каком-то смысле иррациональная, но при этом она всё равно не может избежать логических законов. Сама её деятельность начинается волей, так как именно ей по М. И. Владиславлеву и руководится душа. В основе воображения лежит два влечения, из которых создаётся два мира: комический и идеальный. Таким образом, все идеалы и искусство в целом исходит от воображения. Идеалы же содержат в себе как субъективные, так и объективные стороны. Кроме того, оригинальность ума зависит именно от воображения, а не рефлексии. В конце М. И. Владиславлев приходит к выводу, что если воображение и рефлексия так сильно связаны, то они представляют собой единую деятельность, и именно из-за этого наука не может избежать идеалов.

Ключевые слова: *воображение, воля, разум, творчество, познавательная способность, идеал.*

In the Russian intellectual tradition, the problem of imagination is more often associated with pedagogy than with philosophy and psychology. In philosophy, it is considered in connection with reason. Sometimes it is even opposed to reason, in which case it is viewed as something irrational. On the other hand, sometimes the reason is reduced to a simple calculator, while the imagination is given the role of the actual creator of various theories. Researchers of imagination themselves note insufficient attention to this important ability [1, p. 95–102].

Studies that do not reduce the activity of the imagination to fantasizing highlight the following features in it: imagination is considered a creative ability, in which there is no strict determination; usually, the main activity of the imagination is considered to be the correlation of general knowledge with a single fact, the construction first of a whole image, and then of images of individual details; grasping the essence of an object before developing a clear concept of it [4, p. 108–110].

To deepen understanding of this unique ability it seems important to turn to the representative of the Russian philosophy and psychology of the XIX century, M. I. Vladislavlev. A distinctive feature of Russian psychology of this time is its use of concepts more commonly associated with philosophy along with advances in the natural sciences. This combination, in turn, provides a fruitful research method that allows for a comprehensive approach to the subject matter.

In his two-volume *Psychology*, the scientist devotes a whole separate chapter to imagination, in which he examines its activities in detail, while noting and criticizing other views on this ability. One of M. I. Vladislavlev's students, A. I. Vvedensky, even highlights this moment. He writes: «Mikhail Ivanovich was the first, or at least one of the first, to abandon the old views on this ability (which, by the way, are still very common among our teachers: many of them are ready to suppress

imagination in every possible way), appreciated the important role of imagination in scientific and mental activity in general» [3, p. 28].

Vladislavlev himself notes that this ability «has always seemed like an unsolvable mystery to psychologists» [2, p. 366]. Vladislavlev sought the answer to this mystery in the close connection between imagination and reason. The main difference between imagination and reason lies in its freedom. Reason forces itself into the framework of laws of thought, relies only on the obvious sides of the subject under study. Imagination, on the other hand, does not limit itself to laws, but it does not completely ignore them. Its activity, unlike reason, penetrates into the depths of the subject under study, and therefore it can reveal similarities in subjects, even if only differences are visible for reason in them.

Imagination is described by Vladislavlev as something free, fleeting, it does not convince, but fascinates and captivates. Despite the fact that Mikhail Ivanovich was a strict logician, it seems from his words that he prefers imagination rather than reason: «the highest activity of imagination is the peak of our intellect: the highest tension of the entire human mind is reflected in brilliant ideal creations» [2, p. 223]. This preference is also noticeable in the following moment. Vladislavlev argues that it is primarily through imagination, not reason, that a scientist or philosopher reaches an outstanding theory. No matter how brilliant the mind is, without imagination it will work only with the obvious sides of the subject, creating mediocre works. But this, of course, does not mean that imagination creates only correct theories. Agreeing with the criticism of imagination from other researchers, Vladislavlev mentions its excessive activity, which leads to mistakes and fantasies. Imagination plays an important role in ordinary, non-scientific knowledge. Without it, we would not be able to imagine abstract concepts at all. For example, we cannot think

of a color by itself, we necessarily imagine a specific color in space with the help of imagination.

This shows that Vladislavlev, despite his obvious preference, still does not consider imagination as a completely free and error-free activity, he notes both its possible errors and its limits. Imagination is limited by our human experience, so its activity cannot be absolutely free. Because of this, it also cannot create something truly new: «Imagination is a kind of architect, it builds new buildings, but from materials that it does not create itself, but takes ready-made ones, moreover, in the very style and nature of its buildings depends on the buildings it observes» [2, p. 383–384]. Despite the fact that imagination does not inherently create a something truly new, it does not, however, engage in empty copying of the material given by observation. Vladislavlev specifically emphasizes the freedom of activity not only of the imagination, but also of the human activity as a whole. The imagination freely uses the material to create a harmonious whole, not for practical purposes, but to «comprehensively express the greatest beauty of nature and the eternal enduring interests of human society» [2, p. 397]. At the same time, Mikhail Ivanovich emphasizes the value of art: «The images of society created by the imagination serve social self-knowledge a thousand times more than any journalistic reasoning» [2, p. 389].

It is important to clarify that for Vladislavlev, will is represented as the main engine of the soul. Some of its aspirations and desires are the basis for the activity of the imagination. In particular, Vladislavlev highlights the desire to rest on small impressions (source of humor) and the attraction to valuable existence, where «the soul hungers and thirsts for truth» [2, p. 387]. On the basis of these two desires of imagination, the soul forms a world of effortless images and a world of ideals, and «imagination is strengthened to look further into reality itself than reason would have the right to do» [2, p. 388]. Imagination also «creates an aesthetic world that is so significant in our existence, a world of ideals that guide us in life and which we use to decorate it» [2, p. 386–387]. On the one hand, imagination cannot completely get rid of unseriousness, because the images of imagination, no matter how serious they are, we cannot perceive as such because of their unreality. On the other hand, «imagination is the servant of truth, beauty, and goodness» [2, p. 389]. It is with its help that we receive ideals, ideas of goodness and morality. Interestingly, the ideals of not only art, but also religious ones also come from the imagination. All the positive qualities that a person observes in others are idealized by imagination (due to the desire for a higher existence), and thus to the combination of these ideal qualities in the idea of God. Accordingly, attraction to the higher presupposes aversion to the lower being.

Vladislavlev also researches the source of ideals. The ideals themselves are created due to the dissatisfaction of our

aspirations and drives with reality, thus a person strives to transform the world around him. Therefore, the main impulse belongs to our will. Reason also plays a role here — it gives us the knowledge of opposites of this unsatisfactory reality, and also applies various laws to ideals so that they are logically consistent. Due to the desire to correct the shortcomings of reality, every ideal contains an aesthetic and moral element.

Vladislavlev examines ideals among different people at different time periods: «the moral nature of man has always been the same» [2, p. 409]. the only difference is how this nature is expressed, which depends on peoples' reactions to the world around them and the level of development of their mind. Moral ideals are essentially objective, but their specific manifestations are relative. Aesthetic and social ideals are only relative, as long as they are not related to moral ideals.

In the end of his research, Vladislavlev notes that imagination and reason are the same activity of the mind, the main difference are their goals. If the mind strives to get closer to actual existence, then it will work as logical thinking and reason; if it is interested in valuable existence, then as imagination. These two sides of the same activity cannot work without each other. It is due to this unity that «no science and no scientific activity can escape the pull of ideals on themselves: for they do not come from another faculty, but from the same mind» [2, p. 437].

Thus, we see the main motives not only for Vladislavlev's consideration of imagination, but also for his psychological philosophy as a whole. The will plays the role of initiator in activity, in this case in imagination. The result of imagination also depends on willpower. In imagination, Vladislavlev highlights freedom most of all, which is not surprising, since he puts free will at the basis of psychological life. Art and mental activity in general cannot be based on reason alone: «the mind itself can only be a more or less perfect logical machine» [2, p. 221]. Attention is focused on the free and at the same time ethical and aesthetic activity of the mind, rather than its purely logical side. At the same time, Vladislavlev's work provides an opportunity to fill in the gaps in the history of the studies of imagination. He notes the important role of imagination, and at the same time does not devalue the role of reason. Imagination sometimes seems irrational (since Vladislavlev calls it a «blind» ability which needs to be directed by reason), but at the same time Vladislavlev notes a certain mechanism of imagination, with its own laws and boundaries. This allows to examine imagination from a scientific point of view. With such holistic approach, imagination is not reduced to empty fantasies, nor to a purely creative field (in the sense that it is associated only with artists, poets, etc.), but along with these points, its role in more practical life, in the construction of philosophical, scientific, ethical systems, is also discussed.

References:

1. Braginskaya N. V. Imaginaciya — intuiciya — inspiraciya: Ya.E'. Golosovker i gnoseologiya voobrazheniya // Yakov E'mmanuilovich Golosovker / pod red. E. B. Rashkovskogo; sost. E. B. Rashkovskij, N. V. Braginskaya. — M.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2017. — pp. 57–112.

2. Vladislavlev M. I. Psixologiya: issledovaniya osnovny`x yavlenij dushevnoj zhizni: v 2 t. T. 1. — SPb.: Tip. V. Bezobrazova, 1881. — XI, 610, [5] P.
3. Vvedenskij A. I. Nauchnaya deyatel`nost` M. I. Vladislavleva // ZhMNP. Chast` CCLXIX. — 1890. — pp. 181–211.
4. Kiselyova S. L. Voobrazhenie kak universal`naya sposobnost` cheloveka // Vestnik PSTGU. Vy`p. 4(39). — 2015. — pp. 108–117.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 18 (621) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 13.05.2026. Дата выхода в свет: 20.05.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.